

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ, РАБОТЕ
С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ
И ДЕЛАМ МОЛОДЕЖИ КБР,
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2011

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Адам ШОУТЕНЦУКОВ

ЖЕНЩИНАМ

Ныне славный праздник женщин,
Праздник света и цветов,
Праздник радостных улыбок, праздник, полный новизны.
Матерей я поздравляю, и невест, и грустных вдов
С праздником звенящих листьев,
С ясным праздником весны.

За душевность и за ласку, повторенную стократ,
И за подвиг материнский каждый день и каждый час,
И за все, что испытали, –
Муж и дети, друг и брат
В песнях звонких, в звонких тостах гостят сегодня вас.

Знавшим горести разлуки и пегаль, поклон земной
Вам, где сердце не сгорело от беды и горьких слез,
Вам, испытанным жарою, зимней стужей ледяной,
Верность женскую хранившим столько времени среди гроз.

Вам сердечное спасибо за любовь, за непокой,
За влюбленность молодую растревоженных сердец,
Ведь без вас земля навеки стала б бедной сиротой
И пришел без вас и счастьем, и людской любви конец.

Вы – судьба земли святая, вечной радости посев,
Свет надежды непреклонный, свет душевный, свет дневной,
И лугистость глаз влюбленных, сердца ласковый напев,
Человеческого счастья каждая из вас – связой!

Зейтун **ТОЛГУРОВ****Рассыпавшиеся
бусы**

Давно начатую картину необходимо дописать... С утра еще было светлое желание работать, душевные порывы окрыляли и вдохновляли художника. Однако... При взгляде на натянутый на раму холст печальные мысли стали вновь одолевать и угнетать. «Не надо было начинать, – сокрушенно подумал художник про полотно. – Мне ее теперь, увы, никогда не завершить. Сама картина этого не допускает...»

Все началось прошлой весной. В жизни Зекирья, казалось, воцарилось спокойствие, поскольку в его сердце и в его доме поселилась женщина. Она создавала во всем уют и благодать. Как ни печально, это счастье жизни теперь не вернется, улетело. Остались одни воспоминания с переживаниями. «А может быть, жизненные радости, суетность, называемые счастьем, подобны туче на небе? Сначала есть, а потом ветер задует и все разгонит, развеет, – как не бывало! Или дело в самой природе женщины, которая беззащитна перед красивым словом: кто ей нашепчет на ухо, за тем она птицей и полетит в совершенно другую стаю?» – размышлял между тем Зекирья.

Сердце его уже немного оттаяло, но почему сейчас, будто связанное, оно опять в груди сжалось? Художник этого понять не мог. Может, на себя зря обижался? А может, причина боли в том, что он всему верил, а потом обманывался? Или он еще мало познал женщин и шел по жизни как человек, видевший в каждой ангела? Нет! Конечно же, Зекирья не доверял первой встречной, и тем более не был влюбчив во всех подряд. Однако, что интересно, женщина для него всегда была воплощением чистоты, истинной честности. Это та грань, за которую в своем мировосприятии он и не помышлял переступить. Зекирья считал, что если он доверяет женщине себя, свои замыслы по жизни, значит, она должна быть достойна этой откровенности. Видеть это по-другому и меняться, приспособливаясь и переделывая в себе это, он не хотел.

Зекирья – молодой человек, которому еще не исполнилось двадцати двух лет. Всегда задумчивый, с печалью в глазах, которые многое видели и остро все замечали. Со временем в его взгляде стала появляться некоторая усталость, охлажденность к окружающему миру. Сейчас, по истечении времени, художник понимал, что его никто не обманывал, и зря он сам себя мучил, излишне угнетал. Конечно, он не имел права взваливать на женщин груз долга и обязательств. Не питал особой надежды ни на кого...

Но тут был особый случай! Зекирье впервые показалось, что это именно его Женщина!

– Ты – человек не этого времени, – сказал ему как-то друг.

– Почему? – удивился художник.

– Живешь устоями прошлых времен, безнадежно веря в любовь до самоотречения! Зря ты все так разжигаешь в себе. Остынь немного!

– А что в том плохого? – спросил его Зекирья, остановившись посреди улицы, когда они шли по городу. – Почему это плохо?

– Ты – счастливый человек, поэтому тебе открыто и говорю: верящих в любовь сейчас очень мало.

– Ты тоже не веришь?

– В любовь – верю, только вот женской верности – не верю, – сказал друг.

– Если ты своему сердцу не доверяешь и так уверенно об этом говоришь – это твое дело! Но мои чувства не оскорбляй!

– Да пойми ты, женское сердце – двуличное...

– Нет! Я с тобой не согласен! Просто тебя, наверное, женщины много раз обманывали, поэтому ты мне об этом так мерзко говоришь, – возразил ему Зекирья, разозлившись. Он сейчас думал только о Зайнафе. «Он меня просто хочет поддеть, подкусить», – подумал в ярости художник, но вслух сказал: – Кто сможет обмануть неверующего? Ты ведь горянок совсем и не знаешь. Грех так обо всех судить! На себя не бери!

– Эх бы да кабы... – ухмыльнулся тот в ответ. – Женскую любовь поддерживает мужское внимание.

– Постой! Давай разберемся! Если ты, мужчина, себе доверяешь, и совесть твоя чиста, разве женщина такому будет изменять, не верить? Так ведь?

– Ты так думаешь?..

– А почему бы нет? – спросил Зекирья.

Друг, ничего не сказав, улыбнулся.

– Женщина, в первую очередь, выбирает сильного мужчину, потом – кошелек и должность. Пора бы тебе уже спуститься с небес на землю! Сколько ты еще будешь летать в облаках? – многозначно развел руками.

– Зато ты на женщину как на хищника смотришь! – оскорбился художник и замолчал. Слова друга его обидели до глубины сердца, хоть и пришлось эту обиду спрятать, не показать, но она его сильно задела.

Но было чему и радоваться. Причем этой радости ему сейчас не хотелось скрывать. Он понял, что любит Зайнафу. Любит за ее внимательность к нему, за ее прозорливость и чуткость к его желаниям. И она любит его и не променяет свои чувства на толстый кошелек другого мужчины, кем бы тот ни был: известным художником или руководителем. Не важно! Он, Зекирья, ее счастье! А если кого-то из мужчин и обманывают женщины, значит, таковы они сами, те мужчины...

Зекирья даже устыдился своих мыслей, но разговор продолжил:

– Не понимаю, – сказал художник другу, – ты меня несчастным считаешь, но ведь любовь – это большое богатство, это – сила, крылья...

– Прости, но я женщинам, как ты, доверять не могу.

Они замолкли оба, шли по городу, наслаждаясь прекрасной погодой. Было солнечно. От стен домов, от каменистой дороги, от прямых сол-

нечных лучей веяло жаром. Мужчин опередила группа девушек, что-то бурно обсуждавших. Девушки говорили на своем языке, и было понятно, что это – горянки. Художник остановился, придержав собеседника. Оба посмотрели вслед ушедшим. Мужчинам явно не понравилась их откровенная броскость, вычурность в одежде и в макияже. Это выглядело довольно вульгарно.

– Видишь, они ведь тоже горянки. Ну и что ты можешь об этом сказать? Время делает свое дело, и уже ничего не изменишь! Да и как можно было бы это остановить? В наше время люди из сел буквально «высыпали» в города, где свои стереотипы поведения, другие правила самоутверждения. Ведь не скажешь молодежи: не приезжайте в город, не смешивайтесь с этим миром, поглощающим чистоту нравов и помыслов!

Художник понял, что его друг имел в виду.

– Знаешь, о любви надо говорить! Она не может умереть ни в какие времена. Как тяжело было жить горянкам раньше! И уж тем более найти, повстречать чистую, светлую в своей жизни любовь... А в наше время это дано женщинам. И я уверен: есть верные подруги любви, – сказал вдохновенно Зекирья. Он сейчас говорил о Зайнаф.

Друг все понял и улыбнулся.

– Скажи, ты сильно ее любишь?

Художник услышал вопрос, но промолчал. Что-то его остановило с ответом. Но тот продолжил:

– Ты, наверное, не знаешь, что у нее был до тебя друг – любовник.

– Нет, у нее не было любовника, как ты его назвал, – ответил, меняясь в лице, художник.

– Наивный, ты думаешь, что она только тебя и ждала всю жизнь? Ведь я того мужика знаю, хорошо знаю!

Зекирья стоял ошеломленный. О любимой женщине услышать такое ему было неприятно.

– Кто их знает, других женщин? Были ли у них мужчины, не были... Кому людская молва клейма не ставит? Зайнаф не похожа на ветреных, готовых разделить с первым встречным подушку. Возможно, любимый человек, друг был, но, как ты выразился, любовник, временный, этого она не допустила бы, – возразил Зекирья. Любовь к Зайнаф переполняла всю его суть, и думать о ней плохо он не хотел.

– Да не любовь это у нее была, не любовь! Я знаю того, с чашкообразным лицом! Ты и вправду живешь, думая, что звезды загораятся на небе, а не на земле...

– А разве женщины на Земле – не звезды? Самые дорогие! – возразил другу разозленный Зекирья, еле сдерживаясь.

– Ну да, да! Звезды! Звездочки, быстро угасающие без мужского вниманья, утратив – с первым подвернувшимся – свое достоинство!

Зекирье ничего не оставалось, как промолчать. Услышанное про Зайнаф больно отдалось в сердце, которое учащенно забилося. Но друг и не думал останавливаться. Он продолжал что-то еще говорить, хотя художник его уже не слышал. Он не хотел понимать то, на что ему сейчас «открывали глаза». У Зекирьи не было на это сил. Художник поспешил

уйти. Как ему сейчас нужно было увидаться с Зайнаф! Хотелось посмотреть ей в глаза, взглянуть на ее прекрасное лицо, так, будто это поможет ему обнажить ее душу, откроет ее сердце, уведолив о тайнах ее поведения. Действительно, как разгадать женщину?

Зекирья сейчас не знал, чего ищет его сердце? Печали, обмана, успокоения или разоблачения? Неужели ему хочется устыдить Зайнаф? Но в чем? На все эти вопросы художник ответить не мог. Одно лишь знал точно: эта женщина сегодня для него много значит, он на нее смотрит как на чудо или сказку. И не прав друг, считая его наивным. Зекирья для своего возраста достаточно прозорлив, не глуп и может отличить истинность от лжи. Однако трудно поверить в то, что сегодня открылось. Насколько это ложь, выдумка, и что в этом – правда? Неужели Зекирья сам себе сотворил сказку и радуется, мучаясь, этой глупой фантазии?

Художник вспомнил взгляд Зайнаф, ее выразительные красивые глаза. Нет, не могла бы женщина так нежно смотреть на мужчину, если б не любила его. И, как сказал друг, если и был у нее тот, «тарелкообразный» дружок, ну какая сейчас разница? «Это было раньше, до меня!» – этими словами, как показалось, успокоил себя Зекирья. Только тяжесть на сердце все же осталась, ведь женщина, как ему думалось в тот момент, должна быть верна своему предназначению. Не потянется ли эта ниточка фальши, недоговоренности и дальше в их отношениях? С этими мыслями он вошел к себе в дом.

Зайнаф еще не пришла с работы, хотя время к тому уже подошло.

Раньше в этой двухкомнатной квартире Зекирья жил вместе со своей престарелой матерью. Но два года назад женщина вернулась обратно в село, где они жили раньше. Так с тех пор Зекирья проживает один. Вот уже прошло пять лет. Там, в селе, он работал учителем родного языка. В городе Зекирья также преподает, и, в общем-то, на хорошем счету, уважаем на работе. Только чего ему это стоило, чтобы зарекомендовать себя на таком уровне!

Мысли о Зайнаф будили его воображение: эта красивая женщина тоже когда-то приехала в город, чтоб обустроить свою жизнь по-новому. А каково ей было, оторвавшись от своих корней, обжиться на новом месте, да еще и одной? Зекирья сидел опечаленный, погруженный в свои мысли и не замечая ничего вокруг.

– Кажется, сегодня не твой день? – неожиданно услышал голос Зайнаф, которая уже пришла с работы. Она присела на краешек тахты. Одна ее рука была на коленях, а другой она поправляла пуговицы на своем платье. На художника она смотрела удивленно, несколько настороженно.

– А ты откуда знаешь? – ответил Зекирья, не отводя от нее взгляда. Как хороша она была сейчас! Начиная от пальцев, кистей рук, тонкой, гибкой шеи и медовопахнувших длинных волос! Все в ней было подобно стройному дереву: красивое тело, грациозная фигура. Художник смотрел на нее сладострастно, с умилением. Но женщина сохраняла спокойствие, и ничем себя не выдавала, хотя почувствовала некоторую настороженность момента. Она и на его вопрос не ответила, чтобы ничего в ней не могло дать повода для неприятных ей разговоров.

Зекирья с сожалением подумал о себе: как он мог ее приревновать к тому, «тарелкообразному», если она вот тут, рядом с ним, такая добрая и искренняя?

– Скажи, что в тебе происходит такое, о чем я не знаю? – спросила Зайнаф.

– А в тебе?

– А что во мне? Что-то во взгляде не так? Я не так посмотрела, и ты увидел не то, что хотел? Ты хотел любовь? Ты ее не видишь?.. – спросила женщина.

Нет! Конечно же, он видел, многое видел. Например, у Зайнаф сейчас в глазах играли веселые искорки, и она сейчас хотела все перевести в шутку. А он это ее настроение принял за любовь, наверное потому, что эта женщина была для него олицетворением его очага, его надежд, его отстраненности от городского шума и суеты. Он и сейчас готов был сесть поближе к ней, чтоб тихо посмотреть в ее красивые глаза. Заглянуть и утонуть в них – другого счастья ему не надо!

Но что он услышал сегодня днем?

«У твоей любимой женщины глаза обманчивы...»

Эхом отдавались слова, сказанные другом. Может, лучше тот разговор забыть? Или начать разбираться, но потихоньку? Не сразу? Но что это даст? А не лучше ли жить, ничего об этом не зная? Это было бы правильнее, чтоб сохранить покой, тишину и ровность отношений.

Зекирья сам себе улыбнулся. Зайнаф заметила его усмешку и, неожиданно для себя, непроизвольно встрепенулась.

– Что-то спрошу, не обидишься? – обратился он к ней.

– Спрашивай, не обижусь.

– Женщина, говорят, глазами любит одного, а телом жаждет другого мужчину. Может быть такое?

– Не знаю! Не испытывала! А зачем ты меня об этом спрашиваешь? – спросила Зайнаф, не меняя своей позы и не отводя взгляда. – Или такую женщину нарисовать хочешь? Думаю, что помучаешься! Это тяжело...

– «Тарелкообразный» – кого так зовут? Ты знаешь такого человека? – Зекирье почему-то очень захотелось повести начатый разговор дальше. Внимательная женщина поняла, что он имел в виду, но свое удивление не выдала. Сохранила спокойствие. Ей стала понятна удрученность художника, но говорить, как бы оправдываясь, ей сейчас не следовало бы...

– Не знаю, у нас в селе многих так называли, моего старшего брата, например...

– Нет. Тот мужчина с тобой работал.

Зекирья понимал, что это неуважительно с его стороны – чинить двулчные расспросы, но и быть в глазах окружающих недотепой ему тоже не хотелось. Надлежало все же выяснить суть неприятной истории, чтобы потом не было лишних разговоров со стороны. Так в тот момент показалось Зекирье. Он не мог одновременно поместить в своем сердце и любовь к этой женщине, и недоговоренность, которая вокруг них обоих витала. Зайнаф внутренне сжалась. Одно ее плечо даже слегка припод-

нялось, а лежащая на колене красивая ладонь нервно задрожала. Зекирья это заметил.

– Кого? Я не знаю!

– Это удивительно, что не знаешь, вы ведь в одном селе живете. Он старше тебя на двадцать лет, – ответил за нее художник.

Продолжать не хотелось, хотя можно было бы: «Тот мужчина когда-то учительствовал на селе, но почему-то недолго. Ушел работать поваром. Неуклюжий, косолапый, старше тебя namного. Как ты могла так обмануться?». Хотелось спросить, но не смог, сдержался. Ведь Зайнаф – рядом, доверилась ему и делит с ним свои чувства, заботы.

Плохо, что она молчала, сдерживалась, будто что-то недоговаривала. Лучше бы расшумелась, расплакалась, бросилась бы ему на грудь с единственными словами, которые он жаждал услышать: «Лучше тебя у меня нет никого! Мне нужен только ты! За всю жизнь кроме тебя у меня другого мужчины и не было!». Как художник ждал этой реакции искренности, подлинности чувств! Увы! Этого не произошло. Напряжение момента продолжалось, и Зекирья подумал, что она не может забыть прошедшие дни. Не может их выкинуть, как ненужный груз давности. Значит, они ей все еще дороги, если так тяжелы в воспоминаниях...

– Нет, он не на двадцать лет старше меня, – с дрожью в голосе возразила Зайнаф. Сама не заметив, непроизвольно защитила того человека, «тарелкообразного». А почему – не поняла. Ведь, казалось бы, какая разница, что было у нее когда-то?

– Косолапым зря его называют, поверь, – женщина помотала головой. Взгляд ее затуманился: Зайнаф не хотелось, чтоб ее прошлое выглядело неприглядным. А может быть, еще свежи воспоминания...

– Я знаю его. Он, действительно, старше тебя на двадцать два года, – тихо продолжил художник, но потом замолчал. Зачем он говорит о чьих-то годах?

Зайнаф же подумала, что он просто хочет над ней посмеяться. Женщина обиделась. Оба долго сидели в молчании, думая каждый о своем.

– Каждый человек видит в других людях лишь то, что хочет видеть! Ты свободен в том, что намерен думать и говорить, – прервала молчанье Зайнаф.

«Неужели она эти многие дни, месяцы думала о Муссе? Что это для Зайнаф? Просто «прошлое» или память о счастливых мгновениях жизни? Сейчас эта женщина близка со мной, значит, она остановила свой выбор на мне. Эта красивая, умная женщина. Конечно, в селе, где она проживала до переезда в город, Мусса был видным мужчиной. Он занимал руководящую должность. Был, по сельским меркам, обеспеченным человеком, и многие женщины хотели бы с ним быть в более близких отношениях. Он остановил свой выбор на Зайнаф. Когда-то... Но почему и по истечении времени он незримо вклинивается в новые отношения этой женщины? Ведь годы, как листопад, опали и прошли. Ей уже двадцать шестой год пошел. В народе говорят, что девушка расцветает и увядает одновременно. Нет смысла этой женщине испытывать судьбу заново. Колесо времени идет вперед, не возвращаясь! До каких пор она будет оглядываться в

прошлое? Тем более, что она – горянка, из сельской среды, где вопросы морали и женской чести всегда были первостепенными?..» – эти мысли не оставляли в покое Зекирию.

Зайнаф же думала о своем. В ней также шла внутренняя борьба между долгом и компромиссностью в лабиринтах судьбы. Долгие годы живя в селе, она теряла надежду обрести свое женское счастье, поскольку жизнь в селении была однообразна и буднична. Подружки замуж давно выходили, а сверстники разъехались все больше в города. А те, что остались здесь, откровенно, до утренней зари проводили весело свое время на соседних туристических базах, расположенных неподалеку от горного селения. С годами «слушать спокойствие деревни» стало для Зайнаф невыносимым бременем. И вот в один из таких, удручающих душу девушки дней Мусса пригласил ее немного развеяться. На лужайку за околицей села, где собиралась компания из нескольких молодых людей с их подружками. Полянка была красивой, цветущей и, как поняла Зайнаф, все в компании, в том числе и доселе незнакомые ей девушки, были очень счастливы в своей беспечности и безудержном веселье. Зайнаф тогда в первый раз выпила спиртное. Это было вне дома. Но что было плохого в том, что она немного развлеклась? Она ведь свободная женщина, без мужа и семейных обязательств. Кому она перешла дорогу или досадила? Она ведь также может радоваться жизни, открывая для себя этот мир во всем своем многообразии. Кто ее устыдит или осудит? Каждый человек волен в своей судьбе, ищет свое счастье в жизни. Так размышляла сама с собой героиня. Однако не спрятаться в селе от пересудов, тем более – женских! От бабьих сплетен не одна Зайнаф пострадала. Уж чего-чего, а этого в селе с лихвой на всех хватит! Вся ее скромность и честность в одночасье забылись. Все прошлые заслуги девушки были перечеркнуты черной краской. Все-то сплетницы разузнали-разведали: и как девушка на полянке веселилась в компании хмельных парней, что она говорила и делала, о чести горянки судачили, и с кем только ее ни сравнили... Гуляющая, да и только!

Сильно обидело это Зайнаф. Девушка замкнулась в себе. Какой им всем прок, что у них было с Муссой и любила ли она его? Зачем они ей так в душу плевали, за что?..

Зайнаф посмотрела на художника. В ее взгляде он уловил недовольство, некоторый сарказм. Она опять подумала о Муссе. «Тарелкообразный», как верблюд, здоровый, неуклюжий, косолапый, как медведь. Так посмеивались над ним окружающие. Но что они знали о его человечности, щедрости души, открытости? Не чета городским! Вот что его украшало и являлось гордостью его родителей.

Женщина стояла перед художником, а в мыслях была где-то очень далеко. Случайно в этот момент она провела рукой по шее и указательным пальцем захватила ниточку бус, что подарил ей недавно Зекирия, и вмиг вернулась в реальность.

– Вместо кольца хочу подарить тебе эти бусы. Какая разница, правда ведь? Они мне очень понравились. Прими на память от меня! – сказал тогда художник и надел их на шею любимой женщины.

Зайнаф убрала палец с бус, задумалась. Она чувствовала внутреннее раздражение Зекирьи, когда тот говорил о Муссе, о «тарелкообразном». Тенью стоит он между ними. Но и это не самое печальное. Женщина своим тонким седьмым чувством ощутила, как поселился Мусса в нем самом и пожирает его изнутри. Ни крошечки хлеба-соли не оставляет. Все съедает! Как теперь ей быть – Зайнаф не знала. Они живут с художником здесь, в городе, деля меж собой постель и хлеб. И от себя не убежишь! Что было, то было... В чем ей каяться? Ну, возможно, показала когда-то Муссе свою слабость! Обманулась, за что против нее и родня Муссы ополчилась. Но сейчас-то она по-другому живет! Разве человек своим существованием должен быть постоянно унижен? Да и как ей порвать дорогу к своему прошлому, обрезать все ниточки в душе, связанные с воспоминаниями о Муссе? Ей хотелось сказать Зекирье, что она не может это сделать сразу, в одночасье. Хотелось громко спросить художника, зачем он так дотошно ее расспрашивает, будто расковыривает ей рану? Зачем изводит ее и себя? Любит ли он ее сейчас? Или хочет любить ее прошлое?

Зекирья понял по ее лицу весь спектр невысказанных эмоций, переживаний женщины и спокойно сказал:

– И сегодняшнее, и вчерашнее моей Зайнаф для меня едины, делить не хочу.

Женщина почувствовала успокоение, ее взгляд смягчился.

– Мои прошедшие дни никто не может очернить, – сказала она. – Кто меня искренно любит сейчас, тот не будет гнаться за ушедшим прошлым.

– Ты, наверное, права. Но прошедшие дни – это не дождик, который не вернется, – сказал Зекирья спокойным голосом. – Иногда они возвращаются к человеку.

Женщина, снова в задумчивости, ладонью провела по своему лицу: надо ли ей сейчас торопиться с ответом? А не обидит ли это его? Сейчас Зекирье она дорога, он любит ее. Но как легко это ощущение полета упустить, потерять. Любовь – легкокрылая птица. Вспорхнет, и нет ее! Пусть лучше будет так, как сложилось: этот человека – ее опора в жизни. «А если ко мне и захочет вернуться моя любовь, то это не будет большим прегрешением. Перетерпится, перемелется!»

– Я не хотел обидеть тебя своими расспросами, – оправдывался Зекирья. – Я ведь не собираюсь взваливать на горянок тяжкий груз ответственности! Просто хочется, чтобы они гордо и достойно шли по жизни и были недосыгаемы для злых языков! Оттого, наверное, и прозвучало что-то лишнее...

У художника понизился голос. Печальный, он посмотрел в окно.

– Женщину легко опутать обязанностями и обязательствами. Только жить при этом труднее, – сказала Зайнаф. Она опять подумала о Муссе. Почему-то она скучала о днях, проведенных с ним. Он был проще, без каких-либо претензий. С ним было легко. Неужели потому, что он ее любил?

Женщину от этой мысли бросило в жар, она покраснела. Значит, прав Зекирья, утверждая, что любовь и безразличие не могут ужиться. Тогда как же это уживалось в сердце Муссы? Все это вздор! Женщина

должна сохранять, в первую очередь, преданность своему мужчине. Но если сердце этого мужчины не согревает сердце женщины? Выходит, что она должна греть его постель? Не низость ли это?

Художник и тут ее понял.

– Скажи, сохранять человеческую, женскую честь, достоинство нужно ради чужих людей или ради себя? – спросил Зекирья.

– Чего ты меня все допрашиваешь об этом?

Художник пожал плечами.

– Если б я это знал!

Однако про себя подумал: «Наверное, зря спросил...»

Но Зайнаф понимала его желание разобраться и ответила неуверенным голосом:

– Осуждения людей, конечно, нужно стыдиться и избегать!

– А внутреннее, самоосуждение?..

Женщина промолчала. Легкая насмешка подернула уголки губ.

Художник больше не посмел задавать вопросов. Он многое понял, но постарался себя не выдать. Любовь к Зайнаф была сильнее этих раздоров.

С тех пор прошло много времени. Зекирья не мог забыть этот разговор. Чувствовал постоянную напряженность. Но сегодня он решил выбросить всякий вздор из головы, настроиться и завершить картину. Присел. Однако за кисти браться не хотелось. Посмотрел на свою картину. Это был портрет женщины, которая могла бы, как ему показалось, обидеться на него за равнодушие и бездействие. «Она может уйти с холста, если я не завершу работу», – иронично подумал художник.

На картине – женщина. Красивая. Она вытянула правую руку к ореховому дереву. Ухватила за веточку, слегка подтянувшись к ней. На женщине белая кофточка и черная юбка. На ногах туфельки с небольшими каблукками, которые едва заметны в зеленой траве. Стройные, медового цвета, гладкие ноги. По спине и плечам густо рассыпаны, как черная бурка, красивые мягкие волосы. Чистота взгляда, таинство ее красоты, смешанные с яркостью красок природы, – все это создавало непреодолимую притягательность образа, наполненную жизнеутверждающей силой. Внутреннее состояние счастья и полета, которое навеивает героиня картины, будят в художнике страницы прожитого. Женщина с полотна готова взлететь подобно мечте, которая уводит людей к поднебесью. Увы, в реальности этого не произошло. Феерия художника и его героини, к сожаленью, рассыпалась мелким сверкающим бисером по траве, по тропинкам, которые когда-то их сопровождали.

И опять художник посмотрел на незавершенную картину: за ореховым деревом стремительно бежал, сверкая на солнце, ручеек. Солнечные лучи играли на поверхности воды, отражались на листьях деревьев, отражались на одежде героини, что подчеркивало ее красоту, озаренную внешним и внутренним светом. Художник в это мгновение будто вновь услышал звон бегущего ручейка, щебет птиц, дуновенье ветерка на весенней поляне. Вот Зайнаф, слегка наклонив голову, смотрела с картины через плечо на Зекирию. В ее застывшей улыбке, взгляде художник почувствовал едва

уловимую насмешку. Полифония оттенков и человеческих ощущений на фоне высокого неба, птиц, синюющих и клубящихся вдали облаков и гор обретала дополнительный смысл: чего, дескать, стоят все наши мелочи бытия в сравнении с великолепием этого огромного мира! Художник даже сам удивился, как ему удалось во время работы с натурой уловить и передать на картине эту загадочность ее души? Когда-то он хотел запечатлеть красоту глаз любимой женщины через чистоту ее взгляда. И только сейчас рассмотрел в них скрытую тайну вопрошания. «Можно подумать, что ты меня хорошо знаешь и понимаешь! Удастся ли тебе меня разгадать?» – говорили глаза героини.

Зекирья вспомнил, с каким воодушевлением он начал работу над картиной, с чего это началось. Помнил то, щемящее душу, потаенное состояние блаженства, растворения в замысле картины и непередаваемые ощущения полета во время работы. «Откуда? Почему?» – удивлялся художник этим крыльям озарения, боясь «сгореть» в изнуряющем блаженстве вдохновения.

Художник закрыл глаза, вспомнив село, откуда они с Зайнаф родом. Он был ее старше лет на десять и потому в детстве ее не замечал. Обратил на нее внимание, когда она переехала в город. Как она была тогда хороша! Художник искал всякую возможность, чтоб встретиться с ней, поговорить, узнать ее поближе. Он понял, что уже не сможет без нее жить, что именно она и есть та женщина, которую он ждал всю жизнь. Это было прошлой весной. Он любил ее искренне, нежно, о чем ему сейчас печально вспоминать. Сильно тревожило прошлое. Но тогда, тогда он боялся ее потерять и думал, что именно для него она создана: это стройное тело, красивое тонкое лицо, лучистые глаза... Над ним властвовало безраздельное счастье любить и быть любимым. Он вспомнил, как в первый раз, встретив ее в центре города, он пригласил ее прогуляться в живописный уголок на окраине. Это была земляничная роща.

Зайнаф отказывалась, говоря, что не знает такого местечка.

– Узнаешь. Там очень красиво! Тебе понравится!

И она пошла.

Роща, куда художник привел свою спутницу, была расположена меж двух холмов. Когда-то все полянки здесь были усыпаны душистой лесной земляничкой. К сожалению, со временем земляника в этих местах перевелась, что опечалило художника. Трава была местами даже утоптана. Если где-то и могли сохраниться редкие ягоды, то их трудно было заметить, поскольку все заросло бурьяном. В зарослях сорной травы сохранилась едва заметная, некогда утоптанная тропинка, которая уходила в лес. Зайнаф вспомнила такую же поляну у них за селом, с уходящей в глубь леса тропинкой. Ей стало весело и легко на душе. Это напомнило ей о счастливых днях.

– Ты всех понравившихся женщин сюда приглашаешь? – она спросила, потянувшись за веточкой орехового дерева. Улыбнулась художнику, засмотревшись вдаль и даже, как ему показалось, не расслышав его ответа.

– Скажи, тебе нравится эта роща? Не правда ли, эта ложбина сохранила свою первозданность!

– Если сохранила, то где земляника? – весело заметила ему женщина, хотя сама продолжала еще витать в облаках своих воспоминаний, во времени, когда впервые посетила с Муссой столь же прекрасную поляну над селом. Сейчас ей вновь захотелось ощутить всем телом то состоянье счастья. Она сняла с ног туфельки, войдя босыми ногами в нежность травы. Подул ветерок, который разнес едва уловимый запах цветов и земляники. Зайнаф почувствовала, как подошвы ее ног сминают мелкие красные ягоды. На ее босых ногах остались следы раздавленной в траве земляники.

– Хочешь, я подарю тебе эту рощу? – спросил художник, глядя на ее ноги с красным соком лесной земляники. Он подошел к ней ближе, взял за локоть. – Я очень люблю эту рощу и эту земляничную поляну. Давай пройдемся, пусть она будет любимой для нас обоих.

Зекирья почувствовал тепло, исходившее от руки женщины. Он радовался своей смелости, одновременно прислушиваясь к сердцебиению Зайнаф. Однако, как ему показалось, эта женщина несколько иронично восприняла его слова, так ничего и не сказав. О чем она думала?

Да, в душе Зайнаф было сейчас какое-то наваждение: ей показалось, что эти слова и ощущения в ее жизни уже были. Конечно, были. Когда-то с Муссой все происходило именно так, с такой же земляничной поляной над селом и признаниями. Кто из них искренен, а кто лицемерит – вот о чем задумалась женщина. Когда-то Мусса или сейчас Зекирья? Правда, тогда поляна Муссы была усыпана дикой земляникой, и эти воспоминания сильно запали в душу. Волнуют ее нынешнее воображение. Было даже такое: когда на второй год они с Муссой пришли на ту поляну, к сожалению, земляники уже не было. Трава вся выгорела, оголив землю, на что Мусса сказал, что это не страшно. Со временем роща восстановит свое цветенье, и земляника заново пойдет в рост и даст плоды. К сожалению, этого не произошло. Высохшая трава так и не поднялась, поскольку пыль с ближайших автотрасс и пригородных предприятий отравила нежность привозданной зелени.

– Я не против, – ответила женщина, чтоб не молчать. – У каждого человека должна быть поляна.

Она не знала, как ей сейчас себя вести? Печалиться или радоваться, поскольку Зекирья был искренен в своем порыве подарить ей эту красоту.

– Не твоя лично, а наша. Обоих, – уточнил художник. – Жаль, конечно, что земляники здесь нет. Но ведь когда-то была!

– А почему пропала? – спросила Зайнаф, присев под деревом и прикрыв свои красивые колени.

– Ерунда, все еще будет, ведь эта роща земляничная. А земля, как и люди: отдыхает, работает, печалится, радуется, цветет...

Художник присел на корточки и приоткрыл рукой корни трав, показывая на маленькие листочки земляники, пробившиеся сквозь густой сорняк, словно мелкие мушки:

– Не веришь? Посмотри на эти зеленые росточки!

Зайнаф пригляделась. Действительно, под самыми корешками по-

росли выбивались мелкие росточки лесной земляники, а некоторые из них даже плодоносили.

– Вот увидишь, следующей весной земляника заполнит всю эту полянку, – продолжал рассказывать о своих наблюдениях художник. – Тогда наша роща будет похожа на женщину в белом одеянии.

– Да-да, – согласилась с ним Зайнаф. – Как ты говоришь, пусть так и будет. Тогда и я полюблю эту рощу!

– Обещаешь полюбить или уже любишь? – спросил художник, ожидая ответа и пристально всматриваясь в ее глаза.

Зайнаф задумалась: почему этот мужчина чувствует и знает больше, чем тот, из ее прошлого? Что знает Зекирья, о чем не знал Мусса? А может, та рощица с полянкой над селом не пропала, не высохла? А может, зря она тогда уехала из родных мест в отчаянье? Удивительно, что сейчас, в разговоре с художником, Зайнаф впервые подумала об этом, поскольку вопросов о возврате прошлого она себе с тех пор не задавала. А сейчас оказывается, что обманывала себя, и забывать рощу Муссы ей совсем не хотелось. Но сейчас рядом стоял Зекирья, с новыми надеждами и новыми вопросами.

– Поверь, как пришла сюда, так сразу и полюбила твою рощу! – сказала в оправданье Зайнаф.

– Правду говоришь? – тихо переспросил художник, подойдя к ней ближе.

Чтоб рассеять его сомнение, Зайнаф подняла на него лучистый взгляд и как можно искреннее посмотрела на Зекирию. Художник успокоил свое сердце, поверил.

– Лицемерить роще не надо! Она обидится и не возродится! – пошутил назидательно Зекирья.

Женщина немного смутилась, подошла к ручейку. Сняла с ног туфельки. Художник последовал за ней. Одной рукой облокотившись на плечо мужчины и, стоя на камушках, другой ногой она стала играть с журчащей водой. Пенясь и булькая, ручеек бежал дальше, в свою веселость и неопределенность...

Художник лениво валялся на тахте у себя дома. Даже двинуться не хотелось... В квартире был холостяцкий беспорядок. Готовые рисунки развешаны по стенам или расставлены по углам, а посреди комнаты на трех ножках возвышался мольберт с портретом красивой, словно белокрылой, готовой взлететь женщины. Она осталась лишь на полотне, в реальности с ним рядом ее сейчас уже не было. Легким облаком ее унесло в неизвестность. И земляничной рощи в жизни художника больше не было. Так и не дождались они с Зайнаф следующей весны, чтобы полюбоваться цветеньем ароматной лесной ягоды. Да и цветенья не было, если быть до конца откровенными. Зекирья, с появлением первой травы, ходил в эту рощу. Один, без Зайнаф. Он пристально всматривался в редкие всходы на полянке, надеясь найти нежную зелень земляники. Все было тщетно. Затоптанная трава и редкие, словно испуганные, ростки землянички навели на грустные мысли...

Художник сделал над собой усилие, чтобы подняться. Прошелся по комнате и опять присел. Он так и не разобрался в лабиринтах своей жизни. Не понял, что это была за сила, поднявшая его высоко к поднебесью? Где те крылья, которые подарила ему судьба? Почему они отобраны? Как получилось, что сердце спряталось от глаз куда-то в неведомое, будто провалилось? Он ощущал себя сейчас погруженным в какую-то тьму, а его взгляд только блуждал по поверхности предметов комнаты. Единственным спасителем мог быть только телефон, но и тот молчал. Зекирья посмотрел на аппарат. Виноват ли неживой предмет в том, что не подает голос Зайнаф? Женщина покинула его жилище. Правда, еще не ушла из его жизни. Она не то чтобы охладела к нему, нет. Любовь и привязанность Зайнаф к нему, как показалось мужчине, еще не остыли. Просто она решила, что так пока будет лучше. Зекирья был в неведении: что она ищет? Но препятствовать не посмел. Ведь двери ее дома для него не были закрыты. Он мог ходить к ней, чтоб увидеть и успокоиться, быть снова счастливым. Тогда чего ж он сидит, думая о своей сердечной обиде, если душа его томится в желании увидеть Зайнаф? «Если сам от себя не потребуешь долга, никто от тебя долга требовать не станет. Что толку лишь говорить об этом?» – рассудил художник.

«Если хочешь знать, каждый сам своей жизни хозяин!» – сказала ему как-то Зайнаф. Поторопилась она тогда это сказать, на что Зекирья обиделся, конечно, но виду не подал. Он ведь считал, что они все же друг перед другом в ответе. «Правильно говоришь!» – единственное, что он смог из себя выдать.

В тот день Зекирья пришел к ней пораньше, ему не терпелось с ней встретиться, чтобы закончить картину. Женщина не сразу открыла дверь. Зекирья, переступив порог, в ужасе застыл, глядя на нее. «Что с тобой?» – спросил торопливо. Зайнаф стояла посреди комнаты несколько растерянная. На ней было летнее платье и поверх – небрежно накинутая легкая шаль. Волосы несобранны, лицо бледное, осунувшееся.

– Ты вчера была так хороша, что хоть воду пить с твоей красоты! Что случилось? – спросил художник.

– Не переживай, все нормально, – ответила женщина, погладив свое лицо. Украдкой глянула в зеркало и подумала про себя: чего он испугался? Что могло случиться с моим лицом?

Смущенный, Зекирья украдкой оглядел комнату. Взгляд его остановился на незастеленной кровати. Увидел две подушки. Измятые, они лежали рядом, как немые свидетели чужого гостя. Как они дерзко выдали причину смятенья хозяйки, словно грязные сплетники, рассказали о неприятных подробностях этого утра! Зайнаф молчала, крепко обхватив себя шалью. Чувствуя тяжесть ситуации, оба внутренне напряглись. Взгляд женщины показывал нежданному гостю на дверь, будто говорил: «Уходи!» Художник это понял, но уйти не спешил. Сел на стул. Ему так многое хотелось сказать ей сейчас, но мысли перепутались. Он опустил глаза, и... случайно заметил под кроватью мужские туфли. Огромные, как лыжи, косолапые, пыльные, с прилипшей к ним грязью. А рядышком –

маленькие туфельки на небольшом каблучке, как ложечки или детские костяшки-альчики. Это были туфельки Зайнаф. Художник узнал их. «Как разительно они отличаются друг от друга по своей сути: огромные, стоптанные, неуклюжие и косолапые, заброшенные, как бесхозные телята. Будто прижимаются к теплу этих изящных женских туфелек», – подумал Зекирья, задумчиво рассматривая эту пару. Художник не мог оторвать от них своего взгляда. Молчал. Кровь хлынула в лицо. Как сейчас ему хотелось, чтобы туфли из-под кровати устыдились и убежали из своего тайника! Но чуда не произошло. Наоборот, туфельки-ложечки будто сами прижались к грязным «лыжам-кораблям». Зайнаф стала оправдываться:

– Это брата туфли...

– Зря ты брата босым на улицу отправила, – сказал художник, боясь поднять взгляд и увидеть здесь Муссу.

Женщина не ответила ему. Стала беспокойно коситься в другую комнату, а потом посмотрела на Зекирию уничтожающим взглядом. Как ей были ненавистны сейчас его пронизательность, его осанка, тонкие руки, сарказм его слов... Женщина едва сдерживала себя, чтобы не разразиться гневом. Она продрогла, и ее тело покрылось мурашками. Чтобы Зекирья не понял ее состоянья, она обхватила себя еще сильнее, завернувшись в шаль. Глаза, некогда говорившие ему о любви, потухли.

В этот момент художник случайно заметил рассыпанные по полу бусы. Бусы, которые когда-то он ей подарил.

– Я выбрал для тебя тогда самые красивые камни. Кто б мог подумать, что эти ботинки с грязной подошвой так легко растопчут, раздавят эти бусы, – с дрожью в голосе сказал Зекирья.

Художник нагнулся и достал из-под кровати огромный, как лапоть, мужской ботинок. Рядом, словно горох, валялись рассыпанные бусы. Под кроватью, на столе, везде по комнате были разбросаны гладкие, отполированные камни. Непроизвольно глянув на кровать, мужчина заметил на ее спинке нечто напоминающее тоненькую змейку без головы. Это висела шелковая нить от бус. Художник с сожаленьем взял нить в руки. Попытался продеть через нее те бусины, которые валялись под ногами, но вмешалась Зайнаф:

– Я в другую нить соберу все бусины.

– Вряд ли ты их теперь соберешь. Рассыпанные камни бусами уже не будут, – сокрушенно вздохнул Зекирья.

Зайнаф резко отвернулась к окну. Напористость ее движений подчеркивала все большее раздражение. Плечи, осанка выдавали внутреннее возмущенье: как мог он посметь в столь раннее время вломиться в ее дом, в ее мир со своими упреками и назиданьями? Приди он чуть позже – не было бы этого спектакля! Зачем ему знать больше того, что допустимо? Зачем?..

Художник прошел к двери, не торопясь уйти. Он еще ждал каких-то слов от нее, оправданий, а может, и слез. Ждал ее прощального взгляда...

– Я ухожу! До свиданья!

Зайнаф посмотрела вслед. Осунувшаяся, обмякшая, откровенно расстроенная, она не предполагала, что все так произойдет. «Неужели нельзя

простить женщине эти вынужденные ошибки?» – казалось, спрашивали ее глаза. «Такое прощать у меня нет сил», – отвечал взглядом Зекирья.

Проводить его она не вышла.

Домой художник шел подавленный. Он не слышал шума просыпающегося города, не видел вокруг людей. Он торопился к ней, чтобы закончить портрет. А теперь понял, что это делать вовсе ни к чему. Растаяла, легким облаком улетела его мечта. «А кому тогда нужен портрет этой женщины? – сам с собой рассуждал художник. – Если мясо испачкано, будет ли чистым суп? Так, кажется, в народе говорят...»

Зекирья не мог понять себя, хотя знал, что его любовь – у него в душе. Возвышенность этих чувств он и пытался воплотить в своем творении.

Однако время – лучший доктор. Из памяти уходили страницы прошлого. Жизнь Зекирьи наполнялась новыми событиями и впечатлениями. Но все так же, как и прежде, он каждое утро настраивал себя закончить работу над портретом женщины. И опять ему не удавалось это сделать. Вот и сейчас. Сидя на тахте, художник вспоминал дни, проведенные с Зайнаф. Смотрел на портрет. Женщина с картины улыбалась ему. Ее белая кофточка отбрасывала тень на силуэт. Протянув руку к дереву, она держалась за веточку. Ее медовое, бархатное лицо, гладкие руки, как и раньше, продолжали волновать воображение художника. Маленькие ножки в туфельках на низком каблучке, словно альчики, едва заметные в траве, пробудили прошлое. Рассыпанные по плечам красивые черные волосы, взгляд героини опять манил Зекирию сквозь отблеск солнечных лучей, которые зайчиками играли на ее бусах и золотистых пуговицах. О, этот загадочный женский взгляд! Какая тайна сокрыта в этой игре? Лишь зыбкость солнечных лучей на траве и на женских губах могут сродниться с этой тайной, которой озарена вся картина.

Почему изображение женщины стало непреодолимой преградой для завершения этой работы? словно некий гипноз, которому поддался сам художник, ему же и препятствовал. Все казалось, что женщина, под стать птице, может легко вспорхнуть и улететь безвозвратно, если он завершит эту работу. «Вспоминаешь ли ты наши совместно проведенные дни? Не изменилась ли ты?» – спрашивал Зекирья свою Музу. «Я и сейчас такая, какой хочет видеть женщину мужчина», – с полотна отвечала ему Джоконда-Зайнаф. «Ты осиротила нашу рощу. Ты сожгла траву, и там теперь не цветет земляника. Она там уже никогда не созреет. К сожалению, жизнь, как сорвавшаяся в горах скала, – летит, мчится и... неизвестно, кого заденет-сметет своим крылом, а кого – пощадит. Я не прав? Уж тебе ли не знать...» – шептал Зекирья.

Перевод с балкарского Сусаны Чолаковой

К 75-летию Владимира Ворокова

От редакции

Владимир Вороков – коренной нальчанин. Родился 2 января 1936 года и за свои долгие годы ни разу не менял места жительства. Поэтому судьба родного города это и его судьба. Все, что происходило в Нальчике в эти десятилетия, имело отношение к Владимиру: в детские годы – как к свидетелю происходящего, в годы зрелости – как к активному участнику.

Учеба в школе, которую он окончил в 1955 году, совпала с разрухой и мучительным залечиванием послевоенных ран, нанесенных вражеским нашествием. Для подростка героическая работа взрослых в те годы была примером мужества и стойкости, достойным подражания. Учеба же в Кабардино-Балкарском госуниверситете (1955–1960) определила выбор профессии и место в жизни, на котором возможно было бы принести наибольшую пользу.

И этим выбором для Владимира стала журналистика. 29 лет проработал В. Вороков в системе Государственного телевидения, пройдя путь от рядового репортера до известного не только в Советском Союзе, но и в ряде стран мира кинорежиссера, создавшего более 150 телевизионных фильмов, воспевавших родную республику, любимый город, земляков и их повседневный, но героический труд, красоты родного края.

Наиболее яркие из них, завоевавшие признание на союзных и международных фестивалях: «Чабанский хлеб», «Запах земли», «Я тебя никогда не забуду», «Лакумы по-чегемски», «Город строится», «Улица моего детства» (сериал, посвященный г. Нальчику), «Выстрел за вами, поручик!» (о М. Лермонтове) и многие другие.

Будучи человеком разносторонним, являясь с 1989 года председателем

Кабардино-Балкарского Фонда культуры, Владимир Халидович издал 12 книг, ведет огромную просветительскую работу.

Свидетельством тому функционирующие при Фонде культуры 18 национальных культурных центров, играющих огромную роль в сплочении многонационального народа Кабардино-Балкарии.

Незаурядные организаторские способности В. Ворокова проявились и при создании современной телевизионной студии «Нальчик» в 1996 году, являющейся лучшей на Северном Кавказе.

Владимир Вороков – заслуженный работник культуры РФ и КБР, заслуженный деятель искусств Республики Адыгея и республики Северная Осетия (Алания), Действительный член трех академий, трижды лауреат Государственной премии Кабардино-Балкарской Республики, почетный работник радио и телевидения СССР, победитель ряда международных, всесоюзных, всероссийских и региональных теле-кино-фестивалей.

Имеет правительственные награды: Орден Почета, Орден Дружбы, а также пять негосударственных орденов, десять медалей, Орден «Честь и Слава» (республика Абхазия), медаль республики Беларусь, Орден Святого Иннокентия Московского и др. Назван «Лучшим менеджером России» с вручением Золотого знака имени Петра Великого. В 2003 году стал почетным кинематографистом России. В 2009 году избран секретарем Союза кинематографистов Российской Федерации.

Многие читатели нашей республики не знают, что Владимир Вороков начинал свой литературный путь, будучи совсем молодым, сочиняя стихи, посвященные не только своим сверстникам, но и размышляя о жизни, бытии человеческом, о роли человека в обществе, его заботах и радостях. Предлагаем вашему вниманию подборку стихов из его сборника «Пусть будет добрым приговор». С высоты его возраста он не смотрит на молодых с высокомерием – он на большом пути, с которого он не сойдет потому, что впереди крутой перевал, над перевалом его чистое небо, за перевалом его чистые поля, реки и тропы. Его мир огромен, его сила и ум охватывают бесконечные просторы, и потому ему некогда останавливаться и задумываться о годах. Он – в пути, он ответственен за судьбы многих людей – он судьба тех, которые идут за ним.

Владимир ВОРОКОВ

Я один в этом крохотном мире

«Ну подумаешь, – скажут, – поэт.
После Пушкина или Шелли...»
Я не Лермонтов и не Фет.
Нас роднят только общие цели.

У озер – «голубые глаза»,
На горах – «косматые бурки...».

С женских лиц пишу образа,
В храм ведут меня переулки.

Поклоняюсь поэзии я.
Но не рифмам ее, а лире.
Вон летит во Вселенной Земля.
Я один в ее крохотном мире.

Пусть я прост, словно прадеда плуг,
Пусть не очень умен и складен,
Но зато разноцветен мой луг,
В жаркий день мой уют прохладен.

«Ну подумаешь, – скажут, – поэт.
После Пушкина или Шелли...»
Я не Лермонтов и не Фет.
Нас роднят только общие цели.

Друзьям

Я простил уж давным-давно
Все обиды и пересуды.
Урожай свой увез на гумно.
Расплатился за мелкие ссуды.

Отправляюсь друзей навестить.
Старый конь мой дорогу знает.
Вместе будем в пути грустить:
«Может, пруд меня не узнает?»

На душе – после дождика тишь,
На дворе чисто – мусор вымел.
За рекой что-то шепчет камыш.
За ворота коня я вывел.

Может, нас не узнает река?
Обознается дальний проулок?»
Безразлично плывут облака.
Не помашет нам вслед переулок.

Но я знаю, что каждый друг,
Лихо крикнув, расправит плечи.
И насыплет нам в души вдруг
Лепестки свои добрый вечер.

Ну скажи, отчего так случается,
Что в осеннюю хмурую даль
Журавли за весной отправляются,
На земле оставляя печаль?

А бывает, что солнце без радости
Мы встречаем в рассветную рань.
Провожаем ко сну без жалости
Его рыжую добрую длань.

Без улыбки, без теплого слова
Иногда мы встречаем добро.
Не заметив чего-то земного,
Субмариной идем на дно.

Научиться бы маленьким праздникам,
Отличая лучи от дождя.
Лучше слыть в этой жизни проказником,
Чем играть роль большого вождя.

Путь

Не закрывай сомненьем душу:
Ведь нет спасенья от судьбы.
Она на голову обрушит
Мотивы медные трубы.

Под старой крышей стонет филин.
На небе белый мягкий дым.
Между тропинками извилин
Мне путь укажет херувим.

Цветет весна, а в сердце – слякоть.
Дождь, словно много-много слез,
Кого-то заставляет плакать,
Кому-то радость в дом принес.

Путь от ненастия и боли,
От грусти, горечи и мглы...
Туда, где лошади на воле,
Где в небе горные орлы.

Я блуждаю по бездорожью.
За плечами в хурджине печаль.
Между истиною и ложью
Перевал меня манит вдаль.

Ну а если пришла бессонница,
Отобрав душевный покой,
Невысокая светлая звонница
Отведет ее теплой рукой.

Там, за синей тропой тумана,
Удивительно красен мак.
Нет лукавства там и обмана.
Доброте рады просто так.

Там морская волна не грохочет,
А ласкается, как дитя.
Каждый знает, чего он хочет,
Хлеб и ласку делит любя.

Так хочу в этот край безмятежный,
Что закрыт перевальной тропой,
Но останусь я в жизни прежней –
Под крутой неприступной горой.

Терек

Гонит воды к морю Терек,
Месяц на небе повис,
Задремал усталый берег,
Я смотрю с обрыва вниз.

Там вода бурлит и стонет,
Куrolесит водяной,
Волны бешеные гонит
Буйный Терек за собой.

Я люблю твою стремнину,
Этот громкий, дикий рев,
Эту грозную пучину...
Слышу твой призывный зов.

Мать моя была терчанкой,
Значит, кровь твоя во мне.
Оттого, как на тачанке,
Мчусь по терской крутизне.

Не надо говорить слова,
Каких я слушать не желаю.
Моя седая голова
Вины не ведает. Я знаю.

Как бы случайно, невзначай,
Коснусь руки твоей, как пламя,
Однажды скажешь мне: «Прощай!»
И я спущу с флагштока знамя.

Тебя ни завтра, ни теперь
Своим намеком не обижу,
Не постучу в глухую дверь:
Она закрыта. Я же вижу.

Ты тихо скажешь мне: «Прощай!»,
Я все приму без осужденья,
Промолвлю лишь: «Не продолжай!»
Как шепот снега, как прощенье.

Не говори ты мне: «Прощай!»

Вокзал

Скорый поезд уносит разлуку,
Оставляя мне шумный вокзал,
Сберегая сомненья и муку,
И слова, что тебе не сказал.

Ты увозишь свои обещанья,
Жар объятий и ревности лед,
На душе лишь осколки страданья
И оборванной песни аккорд.

Машинист паровоза, бездушный,
Не гони так стального коня!
Твой гудок, он такой равнодушный,
В сердце ранит навывлет меня.

Но цветы рокового прощанья
Уронил я на мокрый перрон.
Ты оставь мне свои обещанья –
Лишь металла в ответ перезвон.

Высота

Путь безжалостно извилист.
Вверх иду я за тропой.
Пруд внизу и тих, и илист,
Стадо ждет на водопой.

Не хочу я к водопою,
Не хочу, где стадо пьет.
Высоту возьму с собою –
Высота меня зовет.

Вечное

В слове Родина есть что-то вечное.
Как дорога она в небе Млечная.
Не ругай ее, на нее не сердись.
Под березой-ольхой отдохни, разгрузись.

Не сбежишь, не уйдешь, не отвертишься.
Уходи, улетай – снова встретишься.
И дрожащей рукой стукнешь в ставеньку,
Чтоб увидеть свой дом, обнять маменьку.

То за горло берет, то ласкается,
То как омут она, то плескается.
Тихо-тихо зовет тебя шепотом,
То грохочет в душе громким топотом.

А порою бывает мятежною,
Очень доброй бывает и нежною.
Оттого в слове том что-то вечное.
Как дорога она в небе Млечная.

К 70-летию Ахмата Созаева

От редакции

Мой перевал! И кто не знает, что потом!..

Ахмат Созаев

Творчество Ахмата Созаева обратило на себя внимание таких выдающихся мэтров литературы, как Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Керим Отаров, Лев Озеров, Эдуардас Межелайтис, Евгений Евтушенко. Его поэтические произведения в дальнейшем охотно переводили известные мастера Лев Озеров, Лазарь Шерешевский, Алексей Королёв и другие.

Его стихи отличаются своеобразным талантом, неповторимым почерком, метафорически наполненным и в то же время просто и безыскусно говорящим о сокровенных человеческих чувствах.

А. С. Созаев – поэт плеяды шестидесятников, впитавший всем существом заботы и стремления человека, желающего выжить и выстоять, да ещё и спеть собственную песнь, утверждающую превосходство духа над брэнной плотью.

В разные годы он работал: главным редактором Гостелерадио КБР, директором республиканского книжного издательства «Эльбрус», председателем правления Союза писателей Кабардино-Балкарской Республики, он внес значительный вклад в развитие балкарской поэзии, обогатив тем самым и российскую литературу.

Творчество Ахмата Созаева по достоинству оценивалось общественностью. Он – народный поэт Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и заслуженный работник культуры Ингушетии. А. С. Созаев – лауреат

Государственной премии КБР, премии комсомола республики. Награжден медалью «За трудовое отличие», ему присвоены звания «Заслуженный работник культуры КБР», «Отличник телевидения и радио СССР». Он также лауреат артиады народов России.

Рекомендация

Ахмат Созаев выпустил две книжки лирики, много стихов опубликовал в периодике. Его вещи печатались и в переводе на русский язык (журнал «Юность», «Литературная Россия», альманах «Поэзия», «Московский комсомолец» и др.). Он окончил университет, служил в Советской Армии.

Мне понятно, что в Союз писателей надо рекомендовать и принимать действительно даровитых литераторов. Также хорошо я знаю, что Ахмат Созаев – один из самых талантливых молодых балкарских поэтов. А потому без колебаний рекомендую его в члены Союза писателей СССР.

Кайсын Кулиев

20 февраля 1973 г.

В балкарской поэзии, давно пользующейся добрым отношением читателей республики, а ныне уже завоевавшей известность в стране, работают талантливые и даровитые молодые поэты, которые стремятся сказать свое слово, не похожее на других, двигаться дальше, не повторяя старших. Это, разумеется, дело трудное, но все же кое-кому из них оно оказалось по плечу. Ахмат Созаев служил в Советской Армии, окончил филологический факультет университета. Знания, как говорится, не помеха дарованию. Ахмат – автор двух книжек стихов, часто печатается в балкарской периодике. А главное – он талантлив, что, несомненно, остается важнейшим качеством всякого художника. О стихах Созаева, как мне думается, теперь уже можно говорить всерьез. Он с каждым годом становится самостоятельнее. А это, как известно, является важнейшим делом в творчестве. Стихи Ахмата не крикливы, а темпераментны, содержательны, образны, пластичны, современны не по внешним признакам, как бывает нередко, а по сути, по чувству времени и ответственности. У него хорошая школа, идущая от нашего общего учителя Кязима, от его реалистического стиля, от его содержательности и глубины.

Ахмат Созаев, как и некоторые из наших молодых поэтов, умеет использовать достижения родной поэзии, учиться на них, в то же время стремясь к самостоятельности. Его вещи дышат живой жизнью. У моих земляков – чегемских крестьян, есть поговорка: «Того, кто может убить волка – видно по шапке». Созаев может. Это видно по его стихам. На наших глазах растет еще один талантливый балкарский поэт. Мне, как и полагается старшему собрату, только остается пожелать ему большого пути в поэзии.

Стихи молодого балкарца впервые переводятся на русский язык. Это для него – событие, которое обязывает и кладет на его плечи груз серьезной ответственности. Излишне говорить о том, что русский язык – это язык величайшей поэзии. Я не сомневаюсь в том, что Ахмат Созаев хорошо это понимает.

*Кайсын Кулиев,
Газета «Литературная Россия»,
3 ноября 1972 г.*

Доброта, любовь и нежность

Поэт по природе, один из самых ярких представителей современной балкарской поэзии Ахмат Созаев, бесспорно, является продолжателем лучших литературных традиций, заложенных в национальную поэзию великим Кайсыном, поэтом-живописцем, который, в свою очередь, также был продолжателем гуманистических традиций гениального Кязима... Традиции, устремленные в будущее, стали для Ахмата Созаева школой обновления балкарского стиха, его образной системы, духовного колорита и мысли, которые он несет в себе. Это легко ощущается во всех произведениях поэта, особенно – в отдельных его книгах, таких, как «Солнечные тени», «Летающие окна», «Голос рассвета моего» и другие... Так о чем же он пишет, мой односельчанин, собрат по перу, наделенный большим даром, талантливый вдохновенный поэт, одухотворенный шумом Белой Речки, журчаньем и прохладой родников, запахом свежескошенной травы на полянах «Жашырын Тала» и «Сырт Тала», разноголосьем певчих птиц в чинаровых лесах Ак-су?... Да, пишет он обо всем. Для него нет мелочей в жизни, а значит – и в самой природе... Тематика произведений Ахмата Созаева так разнообразна, глубока и обширна, что ее трудно объять словом...

Отчий порог для него – это дорога в огромный мир, известный и неизвестный человечеству. Родной край, его божественная природа, люди, творящие, живущие в ней – вот, пожалуй, основа творчества замечательного балкарского поэта...

Его стихи навеяны романтическим ветром и уносят читателя в далекий мир высокой поэзии. Они наполнены чувством доброты, человечности, любви и нежности к людям, ко всему живому на земле...

Ахмат Созаев – представитель нового поколения балкарских поэтов, прославляющих в своем творчестве эстетическое начало, изящное от-

ношение к миру. И это говорит о новом художественном уровне балкарской литературы... Вот почему я говорю поэту: спасибо, друг, за добрые, человеческие стихи, в которых всегда наступает утро и восходит солнце...

Ахмату Созаеву – 60. Это пора зрелости человека, а для поэта – пора зрелости его творчества... Позади – 60 перевалов, впереди – еще 60...

Доброго пути тебе, дорогой Ахмат, удачи тебе во всем... Пусть твой голос, как самобытный одинокий голос поэта, еще долго звучит над нашей землей.

*Ибрагим Бабаев,
Лауреат Государственной премии КБР,
2000 год*

Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

Ахмату Созаеву

Так от майского цвета светло,
Что равнина лучами промыта,
И Эльбруса седое седло
Ждет невиданного джигита.

Так пробившая камень вода
Преуспела в пастушьих замашках,
Что стремительно гонит стада
Бесконечных и резвых барашков.

Так надежней гранитных основ
Прочно держат земли своей славу.
Руки пахарей и чабанов, –
Что, как скалы, тверды и шершавы.

Так ревет водопада струя,
Осененная гривою лавиной,
Что рождается песня твоя,
Как ветра, родники и лавины.

Вдохновенно шепчи, кипятись,
Чтобы порой прорваться сквозною
Сквозь ночное неистовство птиц,
Сквозь дневное неистовство зноя –

К тем верхам, что в броне белизны,
Точно витязи, неуязвимы,
Где стучит, словно молот Кязима,
Сердце горной твоей стороны.

*1973 г.
Москва*

Дорогой Ахмат!

В большом удовольствии перевел
и все стихотворение, на день рожде-
ния Сидальфа". Мы посвядили его
публикации ко дню рождения Ва-
каракого народа и ко дню смерти
Сидальфа, дам его под заголовком
"Животный зверь". Это слова библеи-
ской из старого стихотворения.

Ахмат, после проведения мифологии,
нескелетных Вакаракому Ринну-
Кекемову, думаю, мы вновь вернемся
к вопросу нашей совместной веро-
ги у нас в Ангушети.

Большая спасибо тебе и всем
моим друзьям за содействие и соми-
дорность.

Обнимаю по-братски

Твой Вагзахенц

6.05.2006г.

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Рано найти себя, свое место в жизни, свою любимую работу, которой с радостью отдаешь все свои душевные силы – счастье для каждого человека.

Ахмат Созаев – один из тех, кто рано и бесповоротно отдал свое сердце трудному, сложному, но приносящему счастье труду – ежедневной работе в поэзии.

Сегодня Ахмат Созаев – один из лучших поэтов Кабардино-Балкарии, он давно известен и многим читателям по книгам, переведенным на русский язык.

Впервые я познакомился с творчеством А. Созаева лет двадцать назад, к тому времени он был уже широко известен балкарскому читателю по публикациям в газетах, альманахах, по первым книгам. К иноязычным читателям он пришел зрелым, вполне сложившимся поэтом, и они приняли его первую книгу «Солнечные тени» с радостью, как это всегда и бывает при рождении нового таланта. За первой книгой последовал новый сборник «Летящие окна», изданный уже в Москве, свидетельствуя о том, что поэт пришел и к всесоюзному читателю.

Каждую новую книгу поэта читаешь с нарастающим интересом, стихи в подавляющем большинстве своем коротки – многословие, кажется, поэтом отвергнуто навсегда. Это и увеличивает емкость строки, строфы, стихотворения, в них через край бьется пульсирующая мысль, ищущая, открывающая, запечатлевающая все, что видимо, слышимо, прочувствованно, продумано.

Многие строки поэта навевают грусть на душу, но поэзия его в основе своей оптимистична. Вот всего десять строк, которые раз прочитав, не забудешь – их удерживает память, потому что они прикоснулись к струнам души: зная бренность всего сущего, человек живет надеждой на то, что он вновь будет «в юном звучать листе».

Как тишина,
Большой
Пожелтевший лист,
Канувший
В тишину, –
Грустное слово дерева,
Брошенное на ветер,
Сказанное земле,
Кануло,
Чтобы вновь
В юном звучать листе.

(«Желтый лист»)

Зоркий глаз поэта видит, «как закипает в воздухе мед»: невольно обращаешь свой взор на небо, прочитав, например, вот это десятистишие:

Бодро, словно и не спала,
Просыпается Сырт-тала.

В бег пускаются травы все,
Искры вспыхивают в росе.

Птицы утренний воздух пьют
И, пьянея, поют, поют...

Просыпается Сырт-тала –
Земляники полна пола.

Солнце свет благодатный льет,
Закипает в воздухе мед.

Трагическая тема – переселение из родной земли в чужие края – звучит в произведениях всех балкарских писателей. Созаев и здесь нашел свои слова – радость возвращения переполнила душу и вылилась в искренние строки:

Нам отчего дома
Окошки в пути
Светили, а то мы
Могли б не дойти.

Мы лиха хлебнули
На дальних путях,
Вернулись – раздули
Огонь в очагах.

Отведали хлеба,
Не пряча лица.

Огромное небо,
Как шапка отца.

Здесь каждый утешен
И счастлив вполне,
Здесь даже и пешие
Мы – на коне!

Домой возвратиться,
Вернуться домой –
Как будто омыться
Живою водой!

(«В отчем доме»)

Большое и важное место занимает в книге Ахмата Созаева поэма «Земля». Эта сравнительно маленькая по объему поэма вместила в себя глубокие размышления поэта о родной земле, о великой труженице-кормилице, о верных сыновьях и дочерях Родины, отдавших свои жизни за счастье и благополучие, о людях, наших современниках, залечивших раны, нанесенные ей беспощадной войной, и ныне преобразующих плодородную землю родную своими натруженными руками.

Война сама по себе – неисчерпаемая тема, рассказ о ней бесконечен, но есть в ней строки, особенно западающие в сердце – это «дети и война»: сколько новорожденных душ унесено ею! И неудивительно, что поэты нашего поколения много пишут о детстве, совпавшем с ненавистной войной, о тех, кто не вернулся с поля боя. Отдал дань этой теме и Ахмат Созаев: поэт и критик Лев Озеров, автор предисловия к первой книге и один из ее переводчиков, отметил характерные черты поэзии А. Созаева. Он писал: «Умение бытовое, обиходное, привычное делать возвышенным, одухотворенным, сказочным составляет существо работы поэта. Ощущение мягкого перехода обыкновенного в необыкновенное не покидает меня на всем протяжении книги, на всем протяжении встречи с поэтом».

Особенно хочется отметить песенное творчество поэта. Ведущие композиторы республики часто обращаются к стихам А. Созаева. В творческом содружестве с поэтом они создали более сорока песен, давно ставших популярными – часто звучат они по радио и телевидению – их исполняют наши ведущие певцы и певицы. Народ полюбил и запомнил их, о чем свидетельствуют многочисленные заявки радиослушателей и телезрителей, которые просят передать ту или иную песню. Это и есть, наверное, высшее признание песенного творчества поэта.

Ахмат Созаев вписал свою яркую страницу не только в балкарскую литературу, слово поэта оказалось **НОВЫМ СЛОВОМ** и во всей горской поэзии.

Зубер Тхагазитов

ЕСЛИ УЛЫБАЕШЬСЯ МИРУ...

Человеку надо немало дорог пройти, прежде чем он сможет понять: в его жизнь приходит то, что он сам приносит в нее: не важно, что происходит в ней, важно, как он это воспринимает. Если улыбаешься миру, то и он улыбается тебе в ответ.

У поэта особое, метафорическое восприятие мира. Полагают, что подобное мышление, присущее расширенному сознанию, для большинства станет доступным лишь в будущем. Поэт же сегодня способен видеть вселенную как единство, где сняты противоположности. Благодаря своему ракурсу поэт Ахмат Созаев видит улыбку не только мужчины, который дарит кольцо любимой, не только улыбку ребенка, «родины росточка», не только улыбку на губах спящей девушки, которую юноша похищает поцелуем, но и улыбку того, что в общем представлении не может улыбаться, не является живым, олицетворенным. И именно это восприятие рождает такой образ, как «солнечные тени». Эдуардас Межелайтис не случайно высоко оценил его, назвав очень тонким. Для обычных людей существует «или» – «или»: или солнце, или тень, а для поэта «в мире блуждают солнечные тени». Много в поэзии Созаева и утра, светлого, радостного, хотя цвета его – бирюза и позолота. У утра есть глаза – две капельки росы. В этом особом мире, вернее, обычном, но увиденном особым взглядом, утром пробуждается и потягивается окно, «утро – словно яблока щека, солнцем подрубленная слегка».

Не только нежное утро и солнечный день существуют в поэзии Созаева, но и их полюса, вечер и ночь. Однако и они прекрасны. Стихотворение «Ночной родник» – еще одно свидетельство видения мира как единства, в котором составляющие равно значимые, равновеликие.

На ясном вечернем небе
Звезды – как след арбы.
Слышу их теплый лепет
В извивах горной тропы.

Замечательный образный ряд этого стихотворения позволяет сказать не только о метафоричности как универсальном начале, но и о сердцевине поэзии Ахмата Созаева, о национальной картине мира. Вообще определение «национальное» приложимо ко всем ее составляющим. Каждое стихотворение поэта наполнено национальными реалиями. Здесь это горы, сакля, арба, аул. Достаточно посмотреть на заголовки стихов, чтобы оценить роль национального в поэзии Ахмата. Огромный пласт его поэзии связан с историей балкарского народа. Об этом такие произведения, как «Портрет моего отца», «Говорю родной земле», «Балкарец вернулся на родину», «Старые дороги», «Обращал он к Кавказу угасающий взор».

О ней говорят «кровеносные сосуды земли», старые дороги. О ней говорят пашни, только надо суметь прочесть их, ведь они – «скрижали земли, письма мира». О ней говорят камни, «израненные» камни, превращающиеся в «слезы» и в «надгробья». Особая страница истории – это трагическая страница, начавшаяся в тот год, когда был особенно обильный сбор меда, как будто всезнающая земля «так поступила, чтоб хоть немного сгладить горечь беды, народу предстоявшей». Но от этого не легче были страдания стариков, которые «в изгнание умирали», обращая «к Кавказу угасающий взор». Не меньше мучились «беззащитные дети, потерявшие в пути своих матерей». Не меньше была тяжесть всеобщего горя, голода, унижений. И все это для поэта – непреходящая боль.

История народа – история его лучших сыновей. В поэзии Ахмата Созаева им, знаменитым и безвестным, посвящены сотни строк, десятки стихотворений: «Кязим», «На проспекте Кайсына», «Алиму Байсултанову», «Взирает на Балкарию Кязим», «Памяти Сайда Шахмурзы», «Берту Гургуеву в день рождения», «Азрету Будаеву» и другие. Их судьбы, их свершения вплетаются и в жизнь поэта.

Ощущение своей принадлежности родителям, роду, нации, земле – одно из самых сильных чувств поэта. Он пытается прозреть сквозь времена своего предка, Созая, давшего имя роду, и негаснущее пламя в очаге его потомков. Гордость за свою нацию, за род, любовь к родителям, почитание старших – общее нравственное начало, присущее кавказским народам.

Отец, мать, сыновья, брат, тетя, даже сестра, об отсутствии которой жалеет поэт, – всем им посвящены стихи, полные благодарности, восхищения, любви. «Я несу в себе ваши сердца», – так назвал Ахмат Созаев цикл произведений, обращенных к отцу и матери, искренних и открытых. Доминантный образ в них – руки, натруженные руки, в руке отца – созревшее яблоко, в руке матери – веретено, вкус ее шершавых рук – в испеченном ею хлебе, «сладость же пальцев материнских – точно мед».

Погруженного в тревоги сына
Ты погладишь теплою рукой,
Как вода живая край пустынный,
Хлынут в сердце радость и покой.

Прикоснуться и вместить – вот, пожалуй, то главное, помимо со-зидания, что становится возможным благодаря рукам. И в этом, как и в

улыбке, отражается позиция поэта, позиция приятия мира. Прикоснуться к любимому человеку, соприкоснуться с ним – счастье:

Прикосновенье...
Соприкосновенье!
Нас обнимают ласковые руки:
Твои – меня, родная!
Мои – тебя.

Глядя с горной высоты, поэт видит пятиушельную страну Балкарию как «шершавые, в трещинах руки» и проводит параллель с руками матери, старые ее дороги сравнивает с усталыми руками пахарей. А вот пейзаж:

Набухло небо,
Поднялось, как тесто,
Туман –
Айран, что пенится
В ложбине.

Жизнь и смерть в одном стихотворении Созаева также меняются местами, рождение он показывает как конец. Стихотворение называется «На кладбище», оно – о переходе от небытия к бытию, о рождении, однако название и тональность говорят об обратном: рождение – умирание. «По венам деревьев... движутся листья, которые скоро родятся. По венам туч... движутся капли, которые скоро прольются дождем. По венам поэта... движутся строки, которые скоро лягут на белый лист». Жизнь несет смерть, смерть несет жизнь, и то, и другое включено в круг бытия. Ахмат Созаев стремится постигнуть его суть, вглядывается во входящие в него другие круги, круг кольца, круг цветка, круг лука, круг горизонта, круг полнолуния, круг солнца, которые неустанно воспевают душа поэта, достаточно мудрого, чтобы улыбку сделать основой жизни, «лишь на улыбку в пути опираться».

Нина Шогенцукова,
доктор филологических наук.
Газета «Литературная Россия», 13 мая 2005 г.

ГОЛОС РАССВЕТА

Поэта создает не набор удачных строчек, ярких образов, запоминающихся рифм. Владение версификационной техникой – необходимое, но еще недостаточное условие для создания поэта. У поэта должен быть свой собственный, им сотворенный мир. Именно мир поэта как нечто целостное диктует ему впоследствии свою интонацию, свои слова, свои образы.

И в этом смысле Ахмат Созаев, безусловно, является создателем и обладателем собственного мира, характерной чертой которого мы бы назвали осознание всеобщей, всеохватывающей связанности его предметов и явлений. Это мир неисчислимых отражений, где звезды – это рыбки,

а рыбки – звезды, где деревья – это руки погибших, протянутые к нам из-под земли, где голос может быть уподоблен реке, а реки – узору вен, проступающих на натруженных руках. Вся метафорика А. Созаева порождается его «взаимоотраженным» миром, отнюдь не являясь набором случайных «придумок».

Это и доказывает истинность его поэзии, в то же время определяя ее место в балкарской поэзии вообще, плотью от плоти которой она является.

Не секрет, что многие балкарские поэты (да и прозаики) объединены сходной тематикой – это и воспоминания о сенокосном разнотравье, и осмысление горьких лет изгнания, и многое другое, что роднит обитателей Пяти Ущелий. Сходство тематики вполне естественно, иначе и быть не может, но ведь не тематикой единой определяется лицо поэта.

О чем бы ни говорил Ахмат Созаев, у него всегда свой голос, он всегда узнаваем, и причина этого, повторимся, в том, что он как истинный поэт обладает собственным миром, который сам творит и которым щедро делится с читателями.

Поэма А. Созаева «Поляна детства», впервые переведенная на русский язык, порадеет чистотой и эмоциональностью авторского видения. Она весьма показательна для творчества А. Созаева, поскольку целиком принадлежит его поэтическому миру. Поэма интересна еще и тем, что в ней читатель может проследить зарождение этого мира в душе двенадцатилетнего мальчика... Впрочем, текст перед вами, и он приглашает вас в путешествие в сказочный, чарующий мир, из которого берет начало путь поэта.

*Георгий Яропольский,
поэт*

Ахмат СОЗАЕВ

ПОЛЯНА ДЕТСТВА

(В сокращении)

1	Я пришел к тебе в надежде
Давным-давно	Свои следы босые
Я вышел за ворота	Отыскать,
Лет детства,	Я жду,
Светозарных и согретых...	Что ты мне снова
	улыбнешься,
Сегодня вновь	Как прежде,
Пришел к тебе, поляна.	Широко и беззаботно.
Взяв в спутники себе	
Рассвет высокий.	Поверь,
	Мне это так необходимо!
Не скрою,	И вот я

Играя:
В нем небо
Отражалось целиком.

Азат,
С лица стирая капли пота,
Глотал неспешно
Солнечные блики –
Как будто льдинки жгучие
Глотал.

Когда он
Передал ведро невестке,
Я в зеркале воды
Ее увидел –
Глаза ее огромные.
Ресницы,
Касавшиеся неба,
Что дрожало
В моем ведре...

Она отерла губы,
Кошачьим шагом
Подошла к Азату
И – выплеснула вдруг
Воды остаток
Промеж лопаток потных!
В тот же миг
Помчалась прочь.
Как будто – полетела.
Она, смеясь,
Летела в платье белом,
И развевались
Крылья-рукава.
Азат рванул за ней,
И показалось,
Как будто с места
Сдвинулась скала!
Моя невестка

На бегу смеялась,
А эхо смех
Стократно умножало –
Пустились в смех
И скалы вековые,
И даже необхватные
чинары.

Бежал Азат,
Летел вслед белой птице.
Вот так и скрылись
В чаще леса оба.

Я взгляд отвел...
А воздух твой, поляна,
Вскипал, как мед,
Медлителен и густ.
«Один? Так что ж!
С телянком поиграюсь!» –
Так я решил
И бросился к нему.
А подбежал –
Блаженную картину,
Увидел:
К материнскому соску,
Приник теленок,
Славно присосался!
И запах молока
Благоухал,
Мешаясь с меда запахом...
Поляна...
Я сел поодаль,
Стал на них смотреть,
«Пусть лучше
Молока у нас не будет, –
Размыслил я, –
Но сказочной картины
Я ни за что на свете
Не нарушу».

*Уважаемая редакция
журнала «Литературная Кабардино-Балкария»!*

Прочитали в вашем журнале (№ 1, 2010) главы из повести Алим Балкарова «В поисках испанской любви» и получили приятные впечатления. Спасибо!

Не обнаружив продолжения в следующем номере, были разочарованы. Когда ожидать продолжения? Возможно, существует книга, не знаем, хотя внимательно следим за новыми изданиями.

Спасибо за глоток свежего воздуха! Устали перечитывать классику. Наша литература нуждается в интересных именах. Желает творческих достижений. От редакции журнала, с вашим непрекаемым авторитетом в открытии новых имен, ждем продолжения этой виртуозной словесной игры под названием «В поисках испанской любви». Дайте взглянуть в тайну человеческих отношений по-настоящему, в оба глаза.

*Читательницы журнала
и поклонницы А. Балкарова:*

*Бженикова Аминат
Болотокова Зарема
Филина Марина
Хачемизова Залина
Куранова Асият*

Алим БАЛКАРОВ

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ПОИСКАХ ИСПАНСКОЙ ЛЮБВИ**

Главы из повести ¹

...Он сидел на той самой скамейке в глубине двора. Было холодно и сыро. Оттого, наверное, все вокруг казалось еще более пустынным. Время от времени гасли окна в их широком пятиэтажном доме. Азамат застегнул ворот курки до самой шеи. Мелькнула мысль, что так можно и простудиться, ведь он только после ванны. Но долго об этом не думалось. Не думалось долго вообще ни о чем, кроме как о Саиде.

И размышления эти крутились в основном вокруг его странного и, как он сам считал, не совсем нормального чувства к ней. Свойство этого чувства обнаруживалось в том, что днем, а особенно вечером, тем более когда ожидалось назначенное свидание, он тосковал, умирал, натурально сох по

¹ Продолжение (начало см. в № 1, 2010).

Саиде и в нем росла какая-то бешеная нетерпеливость, такая, что они часто не добирались до кровати; выходит, это было обоюдное томление, совершенно ослеплявшее их, когда они, наконец, оставались одни.

«Какая же в этом игра?» – недоумевал он. Но утром! Теперь в основном было так, что, пробуждаясь ото сна и вспоминая, где он и кто рядом с ним, он чувствовал совершенно непонятный наплыв гнева к ней, часто такого, что брезгливо, двумя пальцами, убирал с себя ее руку, отстранялся от ее волос или столь же гадливо высвобождал свою ногу из-под ее закинутой на него во сне ноги.

Позже, после долгого и мучительного анализа (а он действительно мучился от этой своей «странности»), он сделал вывод, что не выносит, чтобы кто-то присваивал себе право касаться его. Он не допускал, чтобы она видела его раздетым, и если в минуты страсти об этом уже не думалось, то все остальное время он был либо укрыт, либо одет. Привыкшая к этому Саида после минут близости долго лежала с закрытыми глазами, давая ему возможность наспех набросить рубашку и брюки.

Он догадывался, что это нехорошо, что это будет вносить проблемы в будущую семейную жизнь, с кем бы он ни жил, но побороть себя не мог – каждое утро переживал чувство презрения к ней, которое ослабевало к полудню, а потом уступало место совершенно противоположному чувству желания. Он откровенно страдал от этого, потому что знал (даже осторожно выяснял), что у других все не так.

Переживания по этому поводу часто всплывали у него в мыслях, вот почему его особенно задела слова Саиды о том, что он тоже, как и все остальные, играет в любовь. И тем более его задело то, что она равняла его с остальными.

Он вспомнил своего тезку, Азамата из Яникоя, с которым пил водку вот на этой самой скамейке, и усмехнулся: познакомить бы с этой историей Саиду, не болтала бы больше про игры в любовь. Хотя и теперь он не верил в ту бескорыстную любовь, которой так гордился его случайный подвыпивший знакомый.

Потому что, думал он, стоит этой самой девушке по имени Лейла просто улыбнуться этому самому тезке, как он забудет все свое бескорытие и вновь с головой бросится в океан любовной страсти. Потому что, считал он, нет никакой бескорыстной любви, любви без телесного желания. Потому что, был уверен он, это все вокруг – Азамат из Яникоя, Лейла, Саида, Бэла (которая утомила веки, строя ему глазки), Лена, Тимур, менеджер Алим, шеф Хасан Анатольевич – играют, но только он один ни во что не играет. Он лишь страдает от того, что эта самая любовь доставляет ему такие мучения.

Он достал из кармана телефон и отправил ей сообщение: «Все это слова. Ты тоже играешь в любовь». И вдруг, когда на дисплее высветилось «Доставлено. Саида. №...», его пронзила мысль о том, что, вероятнее всего, есть люди, которые вряд ли во что-то там играют. Его поразило не то, что он был с ними знаком, и не то, что они действительно не вписывались в общий список, а то, что вспомнил он о них одновременно.

Азамат даже потрогал ладонью сырую поверхность скамейки: мистическое какое-то место, подумал он. Телефон был все еще в руке. Он прокрутил список и нашел одного из тех, о ком только что подумал: в списке так и значилось – «Заур-Шпион». Азамат не спешил нажимать клавишу

вызова. Он размышлял. И размышления его сводились к тому, что у него совершенно нет друзей.

Да, Азамат был одинок. То есть не то что здесь, в городе, но и вообще друзей у него не было. Были однокурсники, были коллеги по «Триаде», где-то в прошлой жизни остались соседские парни и бывшие одноклассники (ни одного из которых он также не мог назвать своим другом), были клиенты по бизнесу, были какие-то респонденты по «Одноклассникам» или «Агенту», но – никого близкого. Ему вдруг показалась отвратительной мысль, что этим можно гордиться. Он даже громко сплонул. Надо было где-то провести ночь. Он нажал вызов.

К его действительно большой радости, Заур отозвался тут же: «Салам, Азамат, рассказывай!» – «Заур, извини, что так поздно, но я тут, короче... в общем... я не разбудил тебя?» – «Понял тебя, шпион ты полуночный. Что мямлишь, переночевать негде?» – «Короче, да». – «В общем, так, я живу на Калюжного, дом такой-то, квартира такая-то, запомнил? Знаешь, где это?» – «Найду. Я на такси». – «И не комплексуй, я в такое время не сплю. Все, жду».

В гости он приехал, как полагается, не с пустыми руками – по пути таксист завез его в магазин. Жест Заур оценил, но пить отказался. «Я в завязке, – сообщил он, – ты что, не знал?» – «Откуда?» – честно ответил Азамат. «Ну, не знал, так не знал. Поем с тобой с удовольствием. И выпью. Чаю».

В своей маленькой комнатке он поставил по центру невысокий раскладной столик. Развернул кресло от письменного стола с включенным компьютером и кучей исписанных бумаг. Еще на столе в беспорядке лежали книги, и, пока Заур отлучился на кухню, Азамат не без интереса просмотрел обложки: «Ф. М. Достоевский. Бесы», «Хорхе Луис Борхес», «Ибн-Сина», «Владимир Соловьев», была книжка и по профессии – «Грядущая реклама». Из всего ему был знаком лишь Достоевский, да и то по далеким теперь уже школьным урокам. Он сел на стульчик, оглядел комнатку, также заполненную книгами – на полке, на подоконнике, даже на кровати, – бумагами с непонятными записями, CD и DVD-дисками. Тут же у стены стояла кровать. Собственно говоря, вся «старорежимная» съемная квартирка и состояла из этой небольшой комнатки, кухни, да еще санузла.

Когда стол был накрыт, Заур включил на компьютере музыку и устроился напротив.

– С прошлых разгульных времен, – признался он, – осталась во мне слабость к организованному застолью. Не люблю я беспорядка в этом деле, красиво надо сидеть.

– Неужели так разгульно жил? – спросил Азамат.

– Не то слово. Пил, курил и не по-товарищески относился к женскому полу, пока однажды не загорелась красная лампочка. Ладно, ты пей, не стесняйся, а я действительно третий год уже ни капли.

– Заур, в общем, ты извини...

– Кончай, не люблю! – перебил Заур. – Пей!

Потом предположил:

– Тебя, наверное, выгнали.

– Почти, – ответил Азамат. Затем подумал и уточнил: – В общем, да.

– Саидка?

Азамат даже жевать перестал. Уставился на него.

– Расслабься! И знаю только я.

– Откуда?

– Сами меня Шпионом называете. И потом, если знаю только я, то больше ни одна собака, ни в конторе, нигде больше. Понял?

– Понял.

Азамат поспешил снова выпить стопку, прожевал и после этого сообщил:

– Я люблю ее.

– Тогда женись.

– Ну да, так просто.

– Понимаю, – покачал головой Заур, – дело в этой чудесной девочке в бежевом плаще. Как ее зовут?

Азамат теперь даже с какой-то злой торопливостью налил третью и опрокинул в себя.

– Как это? – спросил он Заура.

Заур вздохнул.

– Она в офис сегодня приходила, тебя спрашивала.

– И что?

– И ничего. Объяснили ей, что ты уехал. Ты что так нервничаешь?

Азамат попросил разрешения закурить. Задымили оба. Затем Заур высказался:

– Если бы женщина знала, как мужчина думает о ней и любит ее красоту, она, наверное, захотела бы стать мужчиной. Чтобы испытать это чувство. Но если бы мужчина знал, как о нем думает и любит его женщина, то он, наверное, задохнулся бы от зависти. Кстати, ты знаешь, сколько Саиде лет?

– Да, она не скрывает.

– Ты знаешь, что такое тридцать четыре?

– Что?

– Это точка разграничения в магической иерархии чисел.

– Нумерология, что ли? – предположил Азамат.

– Братишка, я похож на того, кто занимается такой дешевой псевдохренью? «Нумерология», – презрительно повторил он. – Отдыхает эта нумерология! Я тебе говорю о настоящем знании, которое всем этим болтунам и не снилось.

Короче, если тебе действительно интересно, в общих чертах: число тридцать четыре – это переходная граница имманентности и трансцендентности. Это число великой возможности либо великого разочарования и катастрофы. Суть в том, что оно состоит из двух чисел «семнадцать».

Ровно такое количество – семнадцать – категорий грехов совершает в течение жизни человек. Какое бы направление ни выбирала психическая субстанция человека – вовне или внутрь, – в своем постоянном поиске наиболее полного самовыражения она становится перед выбором: либо мучительный поиск максимального комфорта тончайшей управляющей конструкции, которую принято называть «душой», либо шаг к бесповоротному согласию на краткосрочный энергетический комфорт собственного «эго».

Проблема в том, что и тот, и другой пути ведут к энергетическому истощению, поэтому человек по любому смертен.

Разница лишь в том, что поиск душевного (ну, или духовного) комфорта, связанный с осознанным отказом от краткосрочных удовольствий, возвращает этот тончайший механизм к своему первоисточнику – Абсолюту, в котором и

царит абсолютный комфорт, то есть так называемое блаженство; а вот второй путь, путь ублажения своего «эго», тащит эту самую конструкцию в совсем обратную сторону – в некие энергетические черные дыры, попросту бездонные энергетические провалы, в которых, мягко говоря, не до блаженства.

То есть чем больше психическая субстанция человека замкнута на себе, тем ближе она к полю действия имманентного притяжения и тем выше вероятность, что она будет утянута в эту черную дыру. И наоборот, субстанция, ищущая самовыражения в трансцендентном направлении, в конце концов, обретает совершенное блаженство. Ты что-нибудь понял?

– Я думаю, ты говоришь про рай и ад.

– Примерно так. Теперь обо мне и Саиде. Но сначала выпей!

Заур не торопился с продолжением. Вместо этого он «сконструировал» очень аппетитный бутерброд и принялся внимательно, чтобы не просыпалось содержимое, есть.

– Извини, оказывается, я был голоден, – сообщил он. – Кстати, по ходу тест. Он не на сообразительность, а на уровень мышления.

– А когда про Саиду? – спросил Азамат.

– Да не торопись, вся ночь впереди. Итак, живут два богача. Оба совершенно одинаково, то есть в одинаковых объемах, занимаются благотворительностью. Помогают бедным, строят больницы, дают много денег на богоугодные дела – в общем, как полагается, делятся. Но! Есть между ними разница: первый делает все это охотно и даже с радостью (нравится ему людям помогать), а вот второй, как бы это помягче, скуповат, в общем. Не любит он делиться, но делает это, потому что так надо. Или, проще говоря, первый – человек хороший, а вот второй – плохой, причем сам знает, что плохой, но делает хорошие поступки. Теперь вопрос: кто из этих двоих достоин большего уважения и кто из них выше духом? Не торопись, вопрос непростой. А чтобы ты не мучился особо, я между делом поговорю обо мне и о Саиде. Только чай принесу, подожди.

В его отсутствие Азамат честно пытался задуматься над предложенным ему вопросом, но ничего не выходило. Мысли крутились вокруг новости: Индира, оказывается, приходила в «Триаду». Все вставало на свои места. Там они и увиделись. Но как это происходило, что они сказали друг другу?

Заур вернулся с чаем.

– Ты сколько водки взял? – спросил он.

– Литр. А что?

– Не опьянеешь? А то, смотрю, частить стал.

– Нет, я почти не пьянею.

– Плохо, – покачал головой Заур, – к моим годам можешь алкоголиком стать. Это бывает как раз с теми, кто поначалу не пьянеет. Опыт. Личный.

– Ты не будешь рассказывать? – неожиданно перебил Азамат.

– А что рассказывать, – в голосе Заура прошли удрученные нотки, – семнадцать плюс семнадцать, тридцать четыре... Неужели ты поверил во всю эту белиберду? Да нет никакой такой науки всяких там магических чисел, какого-то водораздела направлений. Я все это выдумал. Тут вот по ходу и сочинил. Так что чепуха это все. Одно знаю и уверен в этом – не потому человек попадает в рай, что хороший он и добрый, а потому, что дела на этой земле делал хорошие. Ты не так считаешь?

– Ну, так.

– В таком случае, кто из двоих богачей достоин большего уважения?

– Первый.

– Ну вот, сам себе противоречишь. Ну почему первый?

– Потому что он делает это от души.

– Да от какой такой души? Ему все это совсем не трудно. Конечно, ему дана щедрая душа, вот он и помогает людям безо всяких усилий. Ну?

– Сам скажи! – попросил Азамат.

– Второй, – с разочарованием и даже сухо произнес Заур.

– Почему? Я хочу знать! – потребовал Азамат.

Так же сухо и устало Заур ответил:

– Я ведь уже озвучил это: потому что он делает над собой усилие. Потому что он борется с собой, с плохой, неприглядной стороной своей души. Он делает то, что ему не нравится делать. А сила характера и духа воспитывается только через то, что человек не любит делать.

Азамат поднял рюмку.

– Я хочу выпить за тебя, – сказал он, – потому что, можешь мне не верить, но я еще...

– А вот этого не надо! – поморщился Заур.

– Отвечаю! – подтвердил Азамат и, после того как выпил, добавил: – По крайней мере, я еще не встречал человека, который в течение одного застолья обосновывает целостную научную концепцию и тут же ее опровергает.

– Чепуха, – отмахнулся Заур, – это все несерьезно. Но вот раньше! Эх, братишка, было время, когда я девицу мог за двадцать минут уломать. Представляешь? Правда, чтобы мое красноречие включилось и не подвело меня, мне необходимо было постоянно быть под градусом. Ведь мне не так повезло с мордашкой, как тебе, Юсуф ты наш, вот мне и пришлось стать умным, чтобы иметь хоть какой-то успех.

– Что значит – Юсуф?

– Не что, а кто. Был такой гражданин, кораническо-библейской прописки. Бог наделил юношу Юсуфа невиданной красотой, такой, что однажды, когда он вошел в собрание вельможных дам, при виде него эти знатные женщины вошли в неистовство и поотрезали себе пальцы.

– Ничего себе! – нашел нужным ответить на это Азамат. – Нет, а все-таки, это правда, что ты всего за двадцать минут?..

– Ну, это потом, так скажем, в зрелые годы, – усмехнулся Заур. – Да и неправда, конечно, а так, хвастовство одно. Ты смотри, не вздумай мне верить!

– А потом, после «зрелых» годов?

– А потом я спился. И едва не умер. Или, может быть, все-таки умер. Настолько мне было страшно.

– Чего страшно?

– Странный ты, Азаматик. Конечно, смерти. Хотя не самой смерти, а стало страшно умереть вот таким, в какого я превратился.

– Я не верю, что там что-то есть, – сказал Азамат.

– Я тоже, – согласился Заур. – Не верю. Я знаю, что есть.

Он снова ушел из комнаты. Пока его не было, Заур взял полистать первую же книжку. Не читалось. Он отложил ее. Поднялся и подошел к окну, за которым чернела промозглая ночь. Он думал о том, что не ошибся, думая о Зауре как о человеке, который не играет в жизнь или в любовь. Кстати, решил он, надо спросить его, любил ли он, потому что у таких людей всегда есть, что рассказать, и их истории всегда особенные. Наверное, потому, что они не врут.

Заур так и сделал, спросил, когда он вернулся в комнату.

– Было так, чтобы ты по-настоящему влюбился?

– Много раз, – ответил Заур.

– Нет, я не про то, я же говорю: по-настоящему. Сильно. Страстно.

Заур тем временем снова устроился за стол.

– Значит, так, – сказал он, – пару раз было такое, что я конкретно западал. Один раз в пионерском лагере, а другой раз в универе уже, на втором курсе. И в том, и в другом случае ни фига из этого не вышло. Поэтому я в эту романтическую чушь не верю – практически через это прошел. А два года тому назад, когда только пришел в «Триаду», я подкатил к Саиде. Сказал ей, что питаю симпатию, и предложил более чем серьезные отношения. Вот тебе и обещанная история.

– И что она?

– Ничего. Отказала.

– И все?

– А что еще? Я думал, что ты знаешь.

– Нет, нет, подожди, – заволновался Азамат, – я не знал, она мне ничего не рассказала, но я точно знаю, что она... в общем...

– Да расслабься – терпеть она меня не может. Ты это хотел сказать?

– Да, – выдохнул Азамат.

– Она не виновата, это я сам ее обидел.

– Чем?

– Слушай, парень, ты чего пристал?

– Ну, это же моя женщина, и я люблю ее! – сказал Азамат.

– А, ну ладно, извините! – картинно развел ладони Заур. – Обидел я ее тем, что просто посмел подойти к ней с этим. Я – алкаш в завязке, плохо одетый, нищий, разведенный отец троих детей, – и к ней – такой супер-леди! Я знаю, это очень обижает. Даже более того – злит. Я рассердил ее. Очень.

Азамат молча переосмысливал услышанное. Он не был настолько пьян, чтобы не уловить никаких параллелей.

– А ты сам что почувствовал?

– Ничего, – сухо и даже холодно ответил Заур, – я извинился и отстал.

– И все?

– И все.

– Значит, ты был влюблен и так просто отстал?

– Слушай, пошел на фиг, шпион приставучий! Чего ты хочешь услышать от меня? Да, отстал и больше ни разу не подходил. Просто даже не подходил и не заговаривал. И не потому, что я обиделся, оскорбился или обозлился на нее. И тем более не потому, что испугался этого борова Аслана. Если бы она подала мне хоть малейший повод для надежды, я отбил бы ее у этого мешка с деньгами, не ему со мною тягаться. Короче, я извинился и отстал. Все, точка!

– И больше у тебя к ней ничего нет?

– Слушай, – Заур даже подался к собеседнику, – ты, пацан, уже злить меня начинаешь!

– Ну, ты же должен понять – я не могу жить без нее!

Заур вздохнул, откинулся в кресле, пальцами забарабанил по ручке.

– Сам подумай, – наконец ответил он, – может уважающий себя мужчина после подобного испытывать что-то к женщине? Нет, ничего не осталось у меня к ней, можешь быть спокоен. – Он потянулся за сигаретой. – Да и не меня тебе надо опасаться, – добавил между делом, – а эту скотину Аслана. Он просто купил ее с потрохами. И сделал такой, какой она стала. А она не такая.

Азамат напрягся еще больше.

– А какая она?

– Дурак ты, – скучно ответил Заур. – Она правильная. И хорошая. И все, отстань, утомил ты меня!

Азамат действительно решил отстать. Но слишком многое крутилось в голове и просилось быть сказанным, причем почему-то именно этому человеку.

– Что же мне делать с Асланом? – будто в сторону спросил он.

– Что делать, что делать? Боишься его?

– Не знаю, – Азамат пожал плечами.

– Ну, убить он, конечно, не убьет, – сделал предположение Заур, – не потому, что не способен на это – очень даже способен, – а потому, что не нужны ему эти проблемы. Но вот жизнь испортить он сможет, и довольно серьезно.

– И что... он там сможет?

– Да всякое, – скучно отмахнулся Заур. – Встретят, например, тебя какие-нибудь пацаны, вечером в подъезде, и избьют до полусмерти, и телефон заберут, чтобы выглядело, как ограбление, и будешь ты лечиться по больницам месяца три-четыре. А еще и из академии отчислят – найдут повод. И еще может статься, что в Нальчик ты будешь въезжать, озираясь, и будешь спешить поскорее убраться к себе в село. А могут еще и так сделать, что даже в селе родном ты будешь бояться за ворота выходить. Всякое.

– А ты жестокий человек! – выдохнул Азамат. – Злой!

– Это я жестокий? – усмехнулся Заур. – Эх ты, шпион ты доморощенный! «Жестокий», – передразнил он. – И вот вы все такие. Доморощенные, трусливые и потому сами жестокие. Слабые вы. И мне вас, современных молодых орлов комнатных, искренне жаль. И девчонки ваши такие же, сопливые, а уже жестокие.

Он хотел, видимо, на этом и закончить, снова потянулся за сигаретой, потом рывком поднялся, вышел из комнаты и минутами позже вернулся с чаем для Азамата и с кофе для себя. И заговорил уже с порога комнаты.

– Я одного в вас не пойму – природы, источника вашей злобы. Вы не видели войны, лишений, бытовых тягот, голода – но вы жестокие. Вы хорошо одеты, всегда сыты, при деньгах каких-то и – вечно недовольны, агрессивны, бессердечны, грубы. Вас кто-то обидел, оскорбил? Нет. Вы не знаете, что такое обида. Откуда это в вас? Ты можешь ответить?

– Я не такой, – огрызнулся Азамат.

– Да ладно, «не такой»! Вот что интересно, даже девицы ваши усвоили эту психологию. Знаешь, что чаще всего от них слышишь? «В этой жизни надо быть жесткой». И ни один из вас, парней или девушек, не говорит, что надо быть добрым и человечным. Ты не задумывался над этим, парень? Или это не так, я сочиняю?

Азамат предпочел отмолчаться.

– ...Почему считается постыдным, – продолжал Заур, – быть добрым и человечным? Почему даже те немногие, кто так не считает, стыдятся сказать это вслух или обнаружить свою доброту и человечность? Потому что их засмеют. А то и постараются сделать больно. Нет, конечно, это наблюдалось во все времена – человек так по-скотски устроен. Но дело в том, что вы превзошли все предыдущие поколения. Вы своей жестокостью и бессердечием превзошли своих отцов, старших братьев, старших друзей и знакомых – всех, кто впервые научил вас этой детской жестокости.

Я понимаю, существует убеждение, что только так можно чего-то в этой жизни добиться. А хочешь, я открою тебе один великий секрет, одну ужасную тайну? Никогда, ни в какие времена, ни один человек на земле еще не обретал счастья посредством своего бессердечия и жестокости! Не получает эта самая психическая субстанция никакого комфорта...

– Ты преувеличиваешь, – вставил Азамат. – И, повторяю, я не такой.

– О тебе отдельный разговор, – грубо парировал Заур. – И я не преувеличиваю. Я даже слишком нежно это обсуждаю. На днях еду в маршрутке, и в окно картина: толпа пацанов прямо на улице забивает одного парнишку. Их то ли четверо, то ли пятеро, и каждый старается не остаться в стороне. Именно так – злобно, зверски, одного. Мы в свое время дрались один на один. Да, жестоко дрались, но справедливо. А потом пожимали друг другу руки и расходились. Еще и мировую, бывало, выпивали. Что теперь? Теперь цель – зверски искалечить, изувечить. Это считается доблестью – когда толпой. А я тебе вот что скажу, братишка: когда один на один – это по-человечески, а когда толпой – это по-скотски. Потому что только животные нападают толпой, то есть стаей или стадом: не все, конечно, но гиены, например, или шакалы.

– Я тебе сказал, что я ничего общего со всем этим не имею! – сверкнул глазами Азамат.

– Да успокойся, я не в твой адрес это говорю. Я же сказал, что не все такие. Но о поколении судят по тенденции, по тому, как живет, думает и поступает большинство.

Заур все еще стоял над столиком, и Азамат, соображая о своем качестве гостя, никак не решался предложить ему сесть обратно в свое кресло, потому что так, стоя над ним, он еще более нервировал его своими пламенными сентенциями. Воспользовавшись паузой, он рискнул все же обратиться на это внимание.

– Ну да, ты прав, – тут же согласился Заур, – подожди... я зачем я, и правда, стою? А, я же окно хотел открыть.

Пробравшись между кроватью и столиком, он отворил створку окна, и в комнату волнами и даже едва заметными клубами пара вплыл освежающий холод осенней ночи. Тут же улетучилась замкнутая прокуренная напряженность.

– Осень! – констатировал, глядя в промозглую ночь, Заур. – Натурально «моя сестра». Любишь осень?

– За что ее любить, – отозвался Азамат, – вот за это?

– Осень – это самое правдивое время года.

Он затворил окно и, наконец, опустился в кресло напротив.

– Правдивое, – повторил он. – А знаешь, из чего исходит все то, о чем я тебе говорил?

Азамат твердо решил молчать.

– Со лжи все начинается, – сообщил Заур. – Ты можешь с твердой уверенностью заявить, что, например, в течение сегодняшнего дня ни разу не соврал? Только честно.

– Нет.

– Я ведь неспроста все это тебе говорю, – вздохнул Заур. – Совсем неспроста. Я вижу даже то, о чем ты еще и не подозреваешь. Поэтому я знаю, насколько опасно то, чему вы не придаете никакого значения. Вы лжете. Все.

– А ты? – не удержался Азамат.

– А я пожинаю плоды своей лжи и самообмана. Ты, парень, про любовь

меня спрашивал? Есть у меня, что вспомнить по этому поводу. Вот скажи мне честно: ты и любой из твоих сверстников – как вы отреагируете на то, что девушка отказывает вам во внимании? Я о тенденции спрашиваю.

– О тенденции?

– О тенденции.

– Никак, – ответил Азамат, – хотя... Честно?

– Разумеется, – усмехнулся Заур.

– Мне будет обидно.

– Так.

– Я даже буду злиться.

– Так.

– И... раз уж, если по-честному, то... не знаю.

– Хорошо, тогда конкретизируем вопрос: что, если девушка не просто откажет, а откровенно проигнорирует тебя, отнесется к тебе как к пустому месту?

– Ну, тут надо будет, – воодушевился было Азамат, – короче... лично я постарался бы сделать ей больно. Это честно.

– Верю, что честно. Так и было в N-ском районе. Молодой человек решил познакомиться с девушкой. Но, как это часто бывает, не понравился он ей. И вот, вместо того, чтобы деликатно сказать ему (ведь это чужие чувства и их надо щадить), что есть, мол, парень, или даже открыто сказать: «Извини, так и так, не могу я с тобой общаться, ты очень хороший, но прости и тэдэ и тэпэ», она начинает попросту плевать на него. Избегает его, на звонки не отвечает, а при случайных встречах даже грубит ему, причем на людях; одним словом, как к собаке к нему относится. И поверь, это не частный случай.

Ну вот, теперь представь, что творится с парнем. Каково ему? Конечно, его любовь постепенно перерождается в ненависть. Ему бы отстать от этой тупицы да и отправиться с миром на поиски другой девицы поговорчивее. Но нет, крепко она его задела – причем заметить, что девицы это иногда делают намеренно. Это такой вот жестокий флирт. Короче, в нашем случае парень преследовал ее недолго, особых разборок не устраивал. (О! А как эти девицы обожают эти разборки, скандалы, ссоры, сплетни! Что ты! Ведь это так ее рейтинг поднимает!) Он просто однажды подкараулил ее и плеснул в лицо кислотой. Вот так вот. Она была красивая. Гордилась, говорят, этой красотой невероятно. Но – теперь уже была.

– Это что, реальный случай? – переспросил Азамат.

– Конечно, реальный. Один мой друг даже на судебном заседании присутствовал, это он и рассказал. Конечно, парень этот полный идиот, и он виноват. Но жизнь он загубил и себе, и ей. Нечем ей теперь гордиться. И у него теперь долго не будет никакой другой. А ведь все могло кончиться, и не начавшись, «снизойди» она до него. Сказала бы ему по-человечески, пусть и соврала бы, что занята уже или еще как-нибудь, но, главное, по-человечески.

Нет, ни в коем случае я не соглашусь хотя бы с намеком на то, что эта девушка заслужила то, что с ней произошло. Но факт таков, что на свою жестокость она получила ответную жестокость. А это уже та самая тенденция.

Или вот совсем недавний случай. Какой-то добрый молодец влюбился в жену своего друга (друга, а не просто знакомого! И не в девушку, не в подружку, а в жену!). И что он делает? Крадет ее. Замужнюю молодую женщину!

– Я слышал про этот случай, – заметил Азамат.

– Ну вот, что из этого получилось: оскорбленный муж приехал разби-

раться со стволом в кармане. В результате – один труп и один – в реанимации, то есть полутруп. И у женщины судьба наперекосяк.

– Заур, ну зачем ты... ну это же единичные случаи!

– Нет, брат. Это не единичные случаи. Это диагноз вашему поколению. Поколению, которое хочет, чтобы ему какой угодно ценой, но было хорошо. Хорошо сейчас, сразу, несмотря на!

«Единичный»! Месяца не прошло после этого, как в соседнем районе произошел другой «единичный» случай. Бывший муж приходит домой к своей бывшей молодой супруге под предлогом того, что надо поговорить – и поговорил. Расстрелял ее и ее семью. За что – это вопрос отдельный. Но как! Молодая женщина убита, бывшая теща, чудом оставшаяся в живых, – навсегда калека, брат жены ранен. Сам виновник навсегда закрывает себе путь к нормальной жизни, и еще – их (его и ее) маленькие дети остаются сиротами. Есть хоть одна причина, по которой можно устроить такую бойню? Есть, я тебя спрашиваю?!

– Отстань, – почти прошептал Азамат.

– А я тебе говорю, что есть. И причина эта – бесчеловечность. Та самая жестокость. «Единичный»! Тебе еще привести эти единичные случаи? Что молчишь? Да ты возьми подшивку всего за один месяц «Газеты Юга»! Там в криминальных сводках, знаешь, сколько этих единичных случаев? «Единичный»... Ну вот, и кофе мой из-за тебя остыл. Да и хрен с ним... Вот подожди, ты сам у нас из какого села?

– Из N...

– Ага, из N... значит. Та-ак... Есть! Ты знаешь, есть у меня совсем свежий случай из твоего родного села. Значит, парняга лет под тридцать, тракторист, решил выпить с приятелями. Мать этого парняги магазинчик держала, «комок», как принято называть. Ну, вот он и попросил у матери эту самую выпивку. В долг, разумеется, – денег-то не было. И мать, само собой, отказала ему. Короче, дело не в том, до каких высоких нот дошел у них разговор, а в том, чем это кончилось. Он завел свой трактор и попер на магазинчик, когда и мать его внутри была – раздавил к черту ларек. Мать едва-едва выскочить успела. Не слышал про этот случай?

– Нет.

– А про следующий, уже в другом селе, но в вашем же районе. Тут скандал кончился тем, что не успела мать никуда выскочить. Очень уж осерчал на нее родной сын. Забил насмерть тяткой для прополки. Ну, тут... без комментариев, короче.

– Я понял...

– Заткнись! – оборвал его Заур. – Я скажу, потом слово получишь! Извини! А, вот свеженький пример. Парню девушка очень понравилась. И, как назло, родственницей она ему приходилась, близкой причем. Так и сказали: «Я унэжбуэщ хьыджэбэ». Но ведь он ее хотел! Вот и взял. Насильно. Сестру, получается. И знаешь, что дальше было? Отец этого (не знаю даже, как назвать его), короче, подонка этого, сделал все, чтобы «уладить» дело – родственников умолял-ублажал, подмазал кого надо, ну и не посадили сыночка. А лучше бы посадили, потому что через год этот невинный мальчик таксиста зарезал. Бросил труп в багажник этого же такси и поехал еще покататься. Ну, обидел его таксист – денег с него за извоз потребовал, сто рублей.

Эх, Азамат! Я понимаю. Понимаю, что ты ни при чем. Да и я что-то

разошелся! Мне, может быть, только и нужно, что выговориться. Ты уж прости, выслушай, пожалуйста! Хорошо?

– Да ладно, я же понимаю...

– Конечно, ты понимаешь. Еще бы! Я вижу, что ты парень непростой. «Продвинутый», как сейчас модно говорить. И я вижу, что тебя самого это очень тревожит. Или не тревожит?

– Тревожит! – поспешил заверить Азамат, который теперь и не знал, чего дальше ожидать от этого очень уж «неудобного» человека.

– Это хорошо, – покачал головой Заур, теперь уже пристально глядя ему в лицо, – очень хорошо... В смысле, хорошо, что тревожит... А! Вот тоже случай. В моем городе. И тоже совсем недавно. Я еще тогда там жил и работал. Так вот, недалеко от меня жил человек один пропавший. Алкоголик конченый. Ни семьи, ни родственников. Опустился он совершенно. До того дошел, что хламье непотребное из дому нес продавать, так что спать, говорят, ему не на чем было уже. Одним словом, я, как и все в нашем микрорайоне, ждали, что вот-вот умрет человек от такой жизни. Да и жалели, и протягивали ему кое-что, да бесполезно все было – пропивал. В общем, недолго ему оставалось. А как-то утром нашли его убитого в своем доме (если домом это можно было назвать). Изуродовали, забили до смерти.

В общем, все решили, что это дело рук каких-то алкашей, таких же, как он. А потом менты знакомые мне по секрету шепнули, что алкашами там и не пахло. Что юнцы это какие-то сделали, кто-то что-то там видел, но, в общем, концов никак невозможно было найти. Да и зачем? Кому он при жизни был нужен? А теперь и подавно. Одним ничтожеством на земле меньше стало. Но и еще за счет нескольких молодых ребят стало больше жестокости и бесчеловечности.

И это обязательно аукнется. Непременно! Нужны еще случаи? Единичные?

– Нет! Заур...

– Хорошо, все. Понял. Со мной не опьянеешь, правда?

Заур и в самом деле решил остановиться. Наступившую паузу заполнил приглушенный рокот музыки из динамиков компьютера. Азамат, воспользовавшись этим, поднялся и вышел из комнаты. По большому счету он теперь жалел, что обратился с просьбой о ночлеге именно к Зауру. Мелькнула даже мысль, не уйти ли прямо сейчас, ничего не объясняя. Набросить куртку, которая тут же, в прихожей, и спокойно... Хотя спокойно ли? Нет, решил он, это будет выглядеть как малодушие. Да и куда теперь уже идти? Это сразу можно было пойти в гостиницу – денег на переночевать хватило бы, – а теперь уже поздно. Да и чего он испугался? Этих примеров? Да он их не меньше знает! Так что теперь, бежать, что ли, от такой злой жизни? Все это преувеличение.

Заур сидел в том же положении, запрокинув голову и глядя в потолок. Он продолжал молчать и после того, как Азамат вернулся и устроился вновь на свое место за столом. Тот решил не нарушать молчания первым.

– Нас ждут тяжелые времена, – так же глядя в потолок, сам заговорил Заур. – Скорее всего, даже жуткие. Запомни это, мальчик! Мы сами захотели стать такими, какими стали. Попросту «вуду-пипл», как в песенке у «Продиджи», народ «вуду». Ни веры, ни идеи, ни духа. Даже от великого этикета остался один «понт». Это очень просто называется по-русски – бездуховность. Готовность в любой момент бить морды, калечить и убивать – это не дух, а обычная темная жестокость, которая корнями уходит в трусость и малодушие. А там, где нет духа, селятся демоны. Слишком много молодых и не совсем уже

молодых людей одновременно захотели получить все и сейчас, несмотря ни на кого и ни на что. И зашли далеко, а отступать, «врубать заднюю» не хочет никто. И сделали наше время таким. А время – неумолимая вещь, оно оплатит нам тою же мерою. Это закон. Поэтому, когда оно доберется до всех нас (а в стороне не останется никто) – не плачьте, не жалуйтесь! Я, например, к этому готов, поэтому я сопли распускать не буду. И каждый должен знать, что отвечает только за свои дела. Большие или малые. Ничего незаслуженного не получит никто. Ответ времени будет адекватен нашей жестокости и бесчеловечности. Но только адекватен, потому что, в отличие от нас, время справедливо.

Он снова замолчал. Снова надолго.

– А знаешь, что? – вдруг прервал эту затянувшуюся паузу Азамат.

– Что? – не глядя на него, отозвался Заур.

– А тебе не кажется, что вся твоя эта теория жестокости очень хромает?

– Ну что ж, обоснуй! – так же вяло согласился Заур.

– Значит так, откуда все те примеры, которые ты только что привел?

Из какой среды?

– Ну? Дальше.

– Из низшей среды. Из самой невежественной и темной среды нашего народа. Из среды плебса.

– Ох ты, какие мы слова употребляем!

– А что тебе не нравится? – Азамат вдруг обнаружил в себе необычайную дерзость, пока только мысли. – Именно плебса. Черни, которая всегда была и остается подвластной самым темным и жестоким инстинктам. Что, не так?

– Ну, если ты считаешь темным плебсом студентов наших ВУЗов, например, однокурника нашего коллеги Тимура и молодой жены этого однокурника, которая тоже студентка; или если невежественная чернь – это та же студентка, которая наплевала на внимание парня, и тот же парень с кислотой, который, заметь, из очень хорошей благополучной семьи; или если темные плебеи – это поубивавшие друг друга из-за жены одного из них, друзья, которые, опять-таки, из вполне достойных городских семей... Да даже парень, изнасиловавший родственницу и потом таксиста убивший, заметь, был не из последних семей в своем селе! По-твоему, это плебеи и чернь?

Азамат угрюмо молчал.

– Это, братуха, наш с тобою класс, наша прослойка. Это люди из моего и твоего маленького, заметь, слишком маленького народа, чтобы делить его на продвинутые слои и остальную чернь.

– Так ты что, – уже с раздражением бросил Азамат, – свой народ не любишь?

Заур медленно выпрямился и внимательно посмотрел ему в глаза. Поначалу с тем же напряжением и с некоторой даже злостью. Потом вдруг совершенно неожиданно рассмеялся.

– Вот ты все-таки шпион маленький! – выговорил он сквозь смех.

Азамат обиделся. Слишком очевидно обиделся. Так, что Заур это заметил.

– Ладно, успокойся, – снова примирительно вступил он, – люблю я свой народ, куда ж я денусь. Вот, послушай:

Но, склоняся на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец непрстой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя».

У тебя что по литературе в школе было?

– Ничего не было, – огрызнулся даже Азамат.

– «Народ свой не любишь», – проворчал негромко, пододвигая к себе чай, Заур, – отличники!..

Азамат промолчал. Он действительно не знал ни автора, ни самого стихотворения.

– Сойдемся на том, что это все временно и это пройдет, – сказал Заур. – Давай так скажем, что наш с тобою народ сейчас болеет. Нездоровится нам, короче. Но болеем мы далеко не насморком. Согласен?

– Я тебя все равно не переспорю! – отмахнулся Азамат. – Из-за тебя у меня все выпитое даром испарилось.

– Не переживай, еще сходим! Тут недалеко ночной магазинчик есть.

После некоторого «затишья», в течение которого Азамат смог хотя бы перевести дух и выпить очередную, Заур вдруг весело улыбнулся ему и даже подмигнул.

– Что, сильно я закрутил? – усмехнулся он. – Но ты же понимаешь, что это я так, не со зла. И тем более, ничего в твой адрес. Посуди сам: днем работа, – а в офисе, сам знаешь, какие разговоры, – вечером домой и снова за компьютер, за книжки эти – чему они могут научить? В кои-то веки появился в гостях достойный парень, вот мне и охота выговориться, «языком почесать», короче. Кстати, ты заметил, сколько вранья в нашей работе?

Азамат согласно кивнул.

– Да-а! И вообще, сколько вокруг вранья?

Азамат вновь молча согласился. Создавалось впечатление, что теперь он опасался даже слово вслух произнести.

– А чести мало. Ты, кстати, можешь определение дать понятию «честь»? Ладно, не отвечай, а то снова «наеду». – Заур снова подмигнул ему. – Честь, – повторил он и задумался. – Давай я тебе пару историй расскажу! Нет, нет, не таких, не «единичных», а хороших, о чести! Рассказать? Если не хочешь, не буду.

– Нет, нет, расскажи! – поспешил попросить Азамат.

– Я тут просто задумался... Там, в офисе, когда обсуждали ситуацию с тимуровским однокурсником, я не во всем прав был. Словом, нельзя лишать человека права на оправдание. Не все так, по черно-белому, происходит. Сегодня человек может такое совершить! Злодеяние даже ужасное. А потом так пожалеет об этом, так пожалеет, что всю жизнь грех этот отмаливать будет,

мучиться будет, страдать – и станет таким правильным, даже праведным. Вот как в фильме том, «Остров». Видел? Ну ладно. Вот, слушай историю. В этой истории сам человек даже не то чтобы злодеяние, а вообще ничего предосудительного не совершал. Более того, общественно значимые дела делал, вернее, делала. Ладно, история.

Она об очень красивой девушке, молодой американке. Ее звали Энн Миллер. В тридцатые-сороковые годы прошлого века она была моделью. Ну, зарабатывала этим. И неплохо зарабатывала. Так что в свободное от работы время вела просто восхитительный образ жизни. Нам бы с тобою так жить! Каждый вечер эти дорогие рестораны, театры, приемы, вечеринки. Много путешествовала по стране и по миру. А главное, она была, что называется, светской львицей. Вот уж кто могла минут за двадцать уложить в койку любого принца или финансового магната. Да что там, любовники у нее были – высший класс. И всякий раз она то на обложке, то на разворотах всяких там «Вогов», «Элей», одна или с очередным лощеным молодым, ну, или не молодым богачом. И вокруг ее имени непрестанно скандалы, драмы, любовные коллизии. В общем, нескучно жила. У меня где-то, кстати, ее снимок был... Ну, ладно, искать сейчас... В общем, реально, классная леди, просто конфетка! И ведь неглупая была блондинка. Много талантов у нее было, и образованная была. Под конец занялась сама фотографией, и, между прочим, получалось это у нее очень и очень неплохо. Ну, и зарабатывала опять же этим делом неплохие деньги. Такая вот молодая женщина, мечта просто, баловница судьбы.

В конце второй мировой войны, в тысяча девятьсот сорок пятом году, она работала в Европе, ездила вместе с американскими военными по освобожденным от немцев территориям, делала свои снимки для тех же журналов. А однажды вместе с теми же военными вошла в только что освобожденный концентрационный лагерь Дахау, чтобы и там поснимать фотки для сытых землячков в далекой Америке. И, кстати, для нее это было делом профессионального престижа – она была первой, кто снимал там на пленку. И фотографии ее были опубликованы. Только вот после этого не стало знаменитой светской репортерши Энн Миллер. Осталась просто молодая американка, отказавшаяся от дальнейшей карьеры, от славы, от поклонников, от «света».

Лагерь Дахау изменил ее жизнь. Она исчезла, просто закрылась дома, занялась воспитанием дочери. Больше никаких путешествий, никаких вечеринок, никаких приемов, никаких интервью и фотографий.

Многие говорят, что это явилось следствием того тяжелого, тягостного впечатления, которое произвело на нее то, что она там увидела и услышала: все эти газовые камеры, печи крематориев, эксперименты над людьми, зверства эсесовцев... Да, это, конечно, не очень приятное зрелище. Но я вот думаю, что был еще один аспект, который, кстати, не озвучивали. И я уверен, что это главный аспект. Я думаю, что великая и неповторимая Энн Миллер испытала не просто чувство стыда, а искренне и глубоко пожалела, раскаялась, что вела в прошлом тот образ жизни, когда в то же самое время где-то за океаном не люди из «СС» сжигали в печах и травили газом сотни тысяч мужчин, стариков, женщин, детей. Детей.

Вот эти стыд и сожаление и говорят о таком понятии, как честь. Потому что очень многие на месте красавицы Энн Миллер не придали бы такого драматического значения увиденному. И уж конечно, не отказались бы по этому поводу от блестящей карьеры и больших денег. Ведь разве была хоть капля ее вины в том, что творилось за тысячи километров на другом континенте?

Так вот, я скажу тебе, брат, что истинное величие пришло к ней не тогда, когда она крутила романы с «сильными мира сего» и транжирила, не считая, деньги, а тогда, когда она отказалась от всего этого. Ну, что скажешь?

– Очень сильная история! – согласился Азамат. – И женщина эта – такая!..

– Ты прав, – подтвердил Заур, – бывают, редко, но встречаются такие женщины, просто чудо! Да и ты меня радуешь, – похвалил он, наконец, Азамата.

– За Энн Миллер!

– Давай, за нее! А теперь другая история, тоже о чести.

Ты, конечно же, слышал про таких исторических персонажей, как Шамиль и Хаджи-Мурат. Ну ладно, все, не напрягайся, знаю, что слышал. В общем, в истории кавказской войны есть отдельная глава. Это глава о гавзавате, который объявил имам Шамиль царско-русским захватчиком. Как говорят французы, «на войне как на войне», то есть это самое отвратительное человеческое состояние. Апофеоз смерти. А та война была действительно жестокой, велась со стороны царских войск действительно бесчеловечными методами, и горцы отвечали на эти методы равной жестокостью.

Я думаю, что если попытаться определить то, что горцы испытывали к врагам, то «ненависть» будет слишком нежным определением. Такая война была, и время такое было. Я это к тому, чтобы ты настроился на то, в каких условиях произошла следующая история. Саму историю я вычитал у Гамзатова, а он записал ее по старинным преданиям о Хаджи-Мурате.

Кто такой был Хаджи-Мурат? Это был один из наибов грозного Шамиля. То есть генерал, по-современному. Но нравом этот наиб Хаджи-Мурат был тоже «не подарок». По рассказам, сам великий имам опасался его и его влияния. Ну так вот, разгар войны, выжженные аулы, отрезанные головы, налеты на русские подразделения, вражда, ненависть, смерть.

Как-то ночью Хаджи-Мурат лесом возвращался с конным отрядом своих нукеров после одного такого набега. Вдруг у лесной дороги заметили костер. А у костра расположились себе двое русских солдат. Сидят беспечно и песенки даже поют. Такая удача! Что ждало этих двоих? Ну, тут даже пленом и рабством не пахло – не стали бы с ними возиться, изрубили бы в «мелкий винегрет» горячие нукеры, у которых и глаза даже загорелись и желваки заиграли. Отряд Хаджи-Мурата по его приказу замер. Солдаты их не заметили. И песни какие-то протяжные продолжали петь. Тут Хаджи-Мурат спрашивает своего толмача, о чем поют эти гауры? Типа, о чем их последние в жизни песни? Толмач прислушался и перевел: поют, говорит, песню о матери, о любимой девушке и о далекой родине, о которой они тоскуют. И знаешь, что сделал Хаджи-Мурат? Он вдруг, совершенно неожиданно даже для своих, подал знак – и отряд так же тихо и незаметно для солдат ушел стороной. Не тронули. Простили.

Это тоже называется честь. Также – величие души. Души сурового, отважного, как тигр, воина, который не им, русским рекрутам, продемонстрировал это самое величие, даже не своим подчиненным, а себе сказал: да, благородные господа генералы Зассы, Бяратинские и Ермоловы выжигают дотла мои родные аулы, убивают моих братьев и сестер, считают нас дикарями и отказывают нам в благородстве; что ж, это их дела, но сам о себе я знаю, что да, я – кавказец, горец, и я не зверь, я – человек, и я знаю, что такое мать, я знаю, что такое любимая девушка, и я каждый день умираю за свою родину. И я не убиваю просто из кровожадности.

Слышал, у русских дворян-офицеров была форма приветствия – «Честь имею!»? Так вот, Хаджи-Мурат просто продемонстрировал это своим поступком – что имеется у него честь, да еще какая! Толстого, если что, перечитай! Хотя разве бывает честь в сравнительной степени – или национальная, или, скажем, дворянская? Она просто либо есть, либо нет ее вовсе.

Азамат реально не мог захмелеть – даже если бы и захотел, не смог бы. К тому же он стал не только подозревать, но и уверять себя, что таким образом его визави попросту забавляется. Все лучше, чем сидеть в одиночестве у компьютера или за книжкой. Он, кстати, только сейчас обратил внимание, что неизменного атрибута любого уважающего себя дома (то есть, конечно же, хозяина) у Заура в квартире не было. Телевизора.

Да и что с того, что не получается захмелеть, ведь не напиться же он сюда пришел, а переночевать, хотя и этого ему совсем теперь не хотелось.

– Да, кстати, к вопросу о продвинутой, фу ты, прогрессивной части нашего населения. Ты заметил, какие рекламные щиты висят по городу? Ну, хотя бы в самом центре, на перекрестке Проспекта и Кешокова? – возобновил разговор Заур.

«Интересно, что на этот раз выкинет», – насторожился Азамат.

– И что там висит?.. Э, короче, ты сейчас опять мне что-то... Да говори, что хочешь, у меня еще бутылка есть!

– Там две бабищи висят. Точнее, полторы. Почти раздетые. Та, что справа, в самом минимальном нижнем белье, а от второй только задница на нас смотрит и ноги поднятые. Получается, что полторы.

– Ну и что? – Азамат теперь с уверенностью ждал очередной каверзы. – Ну, висят, я знаю, и что?

– Ничего. Просто висят, – пожал Заур плечами.

– Ну хорошо! – выдохнул шумно Азамат. – Согласен я, согласен, что не совсем это прилично в самом центре города, но ведь... Ну, я не знаю. Но ведь в других городах...

– Нет, нет, – тут же перебил его Заур, – мы за другие города не отвечаем, там другие люди живут. Мы говорим за Нальчик, столицу кавказской республики, заметь – кавказской. И то, что как-то еще проходит в каких-то других местах, на Кавказе никак не проходит.

– А чем Кавказ хуже других мест? – возразил Азамат.

– Да ты что? – удивился Заур. – Ладно, бес с ними, со щитами! Не в них дело. Это просто показатель. А дело в том, что мы – не Европа, как очень хочется думать одним, и совсем не Азия, как хочется другим. Да наша земля на километр пропитана кровью войн, несправедливости и личной вражды! Нам ничего нельзя доказать, внушить или привить. Мы непокорные и упрямые до тупости, до невозможности! Понимаешь? Да нас просто распирает от ощущения величия! Мы, можно сказать, все еще дети этого мира, наивные и открытые. Непримириемые, обидчивые, смешные, гордые, готовые в любую минуту к великой вражде, но и к такой же великой дружбе и великой любви. Мы – Кавказ. Спокойная и скучная жизнь вызывает в нас презрение. Мы – не Запад, но мы и не Восток. И беда одной нашей прогрессивной части в том, что она не понимает, что мы никогда не станем европейцами, и беда не менее прогрессивной другой нашей части в непонимании того, что мы никогда не станем людьми Востока. И если там или там разврат вызывает осуждение,

то у нас он вызывает гнев. Точно так же, как ответный гнев вызывает косность. У нас нет середины.

И я точно знаю (потому что об этом мне говорили люди, которые там побывали), что во многих прогрессивных европейских городах нет рекламных щитов с полураздетыми бабами. Там это – дурной вкус. И разврата такого, как у нас, там нет. И в Европе так открыто девицы не одеваются, как наши. А веду я к тому, что никто ничего нам не принес ни из Европы, ни с Востока – мы сами стали такими. Потому что захотели такими стать. Потому что захотели всего и сразу – сейчас! Но надо твердо знать, братишка, что всего и сейчас не хотят даже самые свирепые хищные звери. Ты чего так смотришь?

Азамат не отвечал.

– Эй, очнись!

– Ничего, – отвел Азамат взгляд.

Как-то странно получалось, по всему было так, что Азамат хотел, чтобы эта «пытка», в конце концов, прекратилась и чтобы они посидели-выпили, как нормальные мужчины, а не философы какие-то, которые решают мировые проблемы. Тем более что здесь, в замкнутом пространстве комнатки, ничего не решалось ни для этого самого мира, ни даже для них самих.

И, вместе с тем, заверши они сейчас этот странный разговор, Азамат огорчился бы. Он понимал, что так бывает часто, что молодые ребята обычно тянутся к взрослым мужчинам именно за этим – за опытом, мудростью, неординарностью взглядов. Заур, конечно, потрясал его, но в то же время и злил его тем, что постоянно превращал все это в иронию, будто издевался над ним. Интересно, думал Азамат, что теперь он выкинет, потому что тот снова заговорил.

– Меня радует, что ты не такой, как большинство, – говорил Заур, – действительно достойный парнишка. Да и вообще, ты, наверное, прав – есть за мной грешок, многое преувеличиваю.

Ведь сколько у меня знакомых и ребят, и девушек, за которых просто сердце радуется. Мои папа и мама, кстати, часто говорят, что, случись что сегодня – ну, там, не дай Бог, война или еще какая неприятность, – мол, не будет ни того героизма, какой был раньше, ни самоотверженности. Как же мы сможем защитить себя? Так даже вопрос ставят, представляешь! А я просто и спокойно уверен – полно и сейчас, и всегда будет полно молодых людей, готовых на высокие порывы и дела.

Да одних моих друзей хотя бы взять, работают себе тихо-спокойно, пусть небольшие, зато правильные дела делают. И, кстати, это еще вопрос, чьи дела более важны. Нет, не прав я, хорошее у нас поколение. И друзья у меня просто отличные. Да я сам вообще состою из моих друзей, я, можно сказать, собирательный образ. Понимаешь, о чем речь?

Просто проблема в том, что время сейчас не наше еще, много фальши и грубости, вот и повылезала всякая сволочь, выскочки. В которых нет уважения ни к чему – ни к законам, ни к морали, ни к власти. Но ничего. В общем, ты мне тоже теперь обязан другом стать, Азамат. Иначе нельзя, ведь сидели же за одним столом! Или ты против?

– Нет, как я могу против...

– Понял, спасибо! Теперь смотри. Вернее, слушай. Ты и сам понял, что все, что я сейчас тут говорил, – это морализаторская чушь. По большому счету смахивает на старческое брюзжание – то не так, это не этак. Верно?

Но, как бы там ни было, теперь ты знаешь, кто я такой и как я думаю. А думаю я именно так!

Я ничего не собираюсь менять, да и не смогу ничего изменить. Сажу тут в своей норе, книжки умные читаю, денег заработать даже прилично не умею и толкаю гневные речи о том, как распустилась эта молодежь. Не очень-то симпатичный автопортрет, правда? Мое поколение и твоё поколение сейчас рулит в бизнесе, в культуре, даже журнальчики глянецовые с теми же полураздетыми девками и красивыми машинками научились выпускать. Мы даже можем ответить на довольно сложные вопросы современности – в области политики, например, или того же издательского бизнеса. А на довольно простые вопросы ответить у нас не получится. Например, кто такой Норберт Винер.

Кто такой Билл Гейтс, мы знаем все, но о том, что не было бы никакого Билла Гейтса, если бы не Норберт Винер, знают единицы. Вот скажи мне, ты книжки читаешь?

– Нет.

– И правильно делаешь. А те, кто читают, говорят мне о Януше Вишневском и Паоло Коэльо. Слышал про таких?

– Слышал, – честно признался Азамат.

– Так вот, я не против Коэльо и Вишневского. Возможно даже, что это очень достойные люди, но не имеет права человек ставить себе в заслугу то, что он читает Вишневского и Коэльо, если про Мигеля де Сервантеса он даже и не слышал. Или если про Достоевского он может сказать только то, что это «знаменитый российский писатель». Согласен?

– Согласен, – теперь уже со спокойствием и некоторой нагловатостью ответил Азамат, – я, например, ничего этого не знаю.

– Да и пожалуйста, не обязан ты это знать! Если бы, конечно, не одно маленькое «но». Каждый, кто заявляет себя высокопродвинутым, прогрессивным, современным, в конце концов, человеком, обязан сначала знать, кто такие Мигель де Сервантес и Норберт Винер, а потом уже говорить про всех остальных.

– И кто они такие?

– Да неважно, жили такие люди... А теперь следующий вопрос. Азамат К...в, ты лично, чего ты боишься?

– В смысле?

– В прямом. Чего?

– Не знаю.

– Хорошо. А как ты считаешь, кто ничего не боится?

– Тоже не знаю.

– Молодец! Теперь смотри, лично я точно знаю, чего и кого боюсь. И я точно знаю, что самые отважные люди – это честные люди. Те, кому нечего стыдиться и скрывать. А те, кто ночами в кабаках и борделях сорят деньгами на выпивку и шлюх, – это мои личные враги, потому что у нас полно голодных сирот и брошенных стариков. И все, что я тебе тут нес, – это полная чушь, направленная только на то, чтобы прощупать, из какого ты теста. Чушь, в которую я все-таки верю, – и на том стою! И мне не надо теперь ходить вокруг да около, чтобы задать тебе два вопроса. Первый: как тебя называли пацаны в детстве? Какое прозвище дали?

Азамат усмехнулся.

– А это здесь при чем?

– Нет, это очень серьезно, ответь, пожалуйста!

– Азик.

– Хорошо. Теперь второй вопрос. Азик, ты случайно не знаешь, кто украл мои деньги?

Он замолчал и действительно с вопросом глядел ему в глаза. Азамат по-прежнему с полуулыбкой слушал. Потом улыбка сползла.

– Что? Подожди, какие деньги?

– Тс-с! – приложил палец к губам Заур, потянулся к письменному столу, взял ручку и бумагу, потом протянул листок ему.

Азамат прочел и поднял взгляд. Он сам не знал, что именно выражал его взгляд – непонимание, недоверие, испуг, сомнение. Последнего, скорее всего, было больше. Заур это понял.

– Ты знаешь, брат, я не то чтобы злюсь или что-то предпринимаю, – как-то даже скучно заговорил он, – я просто в тихом, невиданном гневе. В бешенстве! Это точно. И не только я. Вот ты смотришь на меня и не веришь, а это так. Деньги, сам видишь, большие. Одному человеку их не поднять. Поэтому я не один. И обокрали, получается, не меня одного. А эти люди не такие, как я. Они, как бы тебе это сказать, недобрые люди. Да и какая может быть доброта, когда тут такие деньги. Ведь большие деньги, Азамат?

– Д-да... большие, очень. Но, Заур... Неужели... Клянусь тебе... Мамой. Да ты понимаешь, что я сейчас... Да это просто охренеть можно, какие деньги! Как их можно так просто?..

Заур и не пытался скрыть, что внимательно изучает его, спокойно, откровенно.

– Вся информация была закрыта в папке с паролем. На «входе», само собой, тоже был пароль. Если бы входной пароль был взломан, мы бы это тут же узнали. Правильно?

– Правильно, – немедленно согласился Азамат.

– И ты прекрасно знаешь, что не просто трудно, а невероятно сложно взломать пароль на папке.

– Практически невозможно, – согласился Азамат, – да нет, то есть вообще невозможно!

– Ну, конечно, если не войти человеку в сновидения и не скачать пароли оттуда.

Азамат напряженно кивал.

– Ты соображаешь? – спросил Заур.

– Не могу. Еще не пойму.

– А что тут понимать, никто ничего не взламывал.

– А как, как?

– Ну, вот сам подумай, как можно скачать информацию, ничего не взламывая? Ну?

Азамат лихорадочно пытался сообразить. Заур спокойно продолжал в упор смотреть ему в лицо. Наконец снова заговорил.

– Слушай, ты один у нас в конторе компьютерный гений и не можешь такую легкую задачку решить. Ты, наверное, выпил лишнего.

И тут изнутри в Азамате мгновенно извергся во все тело холод ужаса. Хаос в голове стремительно преобразовался в стройный и совершенно осмысленный ряд. Не оставалось никаких сомнений.

– Что? – впился в него взглядом Заур.

Надо было предпринимать над собой невероятные усилия, чтобы никак не выдать своего настоящего состояния, которое на самом деле было близко к панике.

– Шпионская программа, – почти прошептал он.

– Красавчик! – похвалил Заур. – Правда, что-то долго ты соображал. Я, например, с ходу понял, в чем дело.

– А почему я? – тут же мелькнула догадка, и он поспешил сказать: – Ведь если это из офиса...

– Ну нет, конечно, не из офиса. Это же самоубийство. Из какого-нибудь Интернет-салона.

– В виде чего? – спросил Азамат.

– Пришла однажды глупость какая-то на ящик. Мы и сами лоханулись. Кто ж знал, что такое коварство под боком притаилось, с нами одним воздухом офиса дышит. Ну, открыли свою почту, прочли эту чушь и забыли. Знали бы, что за сволочь после этого притаилась на винчестере, в реку системник выбросили бы. Ну вот, а как только вошли мы по надобности в нашу заветную папку, эта гадина слизнула все: адреса и закрытые реквизиты, банковские счета, оперативные коды вместе с остальной дребеденью и оставила нас в лохах, а меня к тому же еще и нищим – разорившимся менеджерешкой.

– Слушай, Заур, это невероятно! Этого не может быть, понимаешь? Это нужна такая суперпрограмма!..

– Да успокойся! – ответил Заур. – Я выяснял. Ничего особенного. Вот только уровень подготовки у человека должен быть действительно высокий. Очень высокий.

– Заур, клянусь! Клянусь! Что же это?..

– Да ладно, – Заур, уже не глядя на него, поднялся и снова отвернулся к окну. – Мы все равно узнаем, кто это. Да, и еще, – он развернулся, – считали информацию уже в офисе, в «Триаде» родной, по внутренней сети. Потому что я, в отличие от всех наших, во всякие дебилские «Одноклассники» и «Аськи» прочие не лезу. Теперь понял?

– Теперь понял! – горячо заверил Азамат.

Дальше все было, будто в каком-то тихом неприятном сновидении. Он даже спросил разрешения выпить водки. Своей водки! Заур тем временем еще раз открыл окно, освежал воздух комнаты. Но Азамату от этого легче не становилось, разве что холоднее. Нет, он вовсе не терял контроля. Все было так же, просто потом это воспринималось как сон. Вероятно, от напряжения мысли. К тому же он не винил его, не говорил, что подозрения совершенно справедливо падали на него самого. В голове стоял, как гвоздь, один и тот же неопределенный и вполне глупый вопрос: как же так? Да и прекрасно он понимал, что говорил Заур, и отвечал на его вопросы, и вообще разговор поддерживал, но ведь теперь все было по-другому. За окном едва заметно начинался рассвет.

А Заур говорил:

– Знаешь, сынок, я ничего себе в заслугу не ставлю. Это вам всем надо доказывать, что вы хорошие люди. Пусть и поступаете плохо, но внутри-то вы – о! – внутри вы чистые и светлые... А мне это ни к чему. И доказывать никому ничего мне нет необходимости. Бывает, что люди хвалятся своими трудностями, проблемами, мол, пришлось через такое пройти, чтобы чего-то там добиться. Нет, ерунда это все. Ну, ходил я иногда в рваных туфлях, даже

зимой. Недодел. Курил дерьмо всякое, когда вы «Кенты» и «Винстоны» курили. Читал всю эту «пургу» по финансам, риэлтингу, даже в бухгалтерское дело залезал и едва не заблудился. Да вот хотя бы по рекламе книжка лежит. Разве мое это все? Нет, конечно. Еще и пешком исходил больше, чем вы на авто накатали. И разговоры вести приходилось иногда с такой сволочью! Ладно, чего уж теперь. Я даже вспоминать это все не люблю. Просто не знает этот человек, в смысле вор, как для меня важна эта сделка. И какие серьезные люди сделали ставку на мой бизнес. Заметь, не на меня, а на дело мое, которое я им предложил. Этот человек, наверное, сейчас сидит и думает, какой он умный. И что так и нужно поступать и жить. – Заур вдруг наклонился и уперся руками о поверхность столика, так что получилось, что он почти навис над Азаматом. – Но так не бывает, мальчик! Я не все говорю, но твердо знаю одно – этот человек не представляет, в какой он оказался жуткой, холодной и затяжной беде!

Он замолчал. И Азамат замер. По-настоящему боялся пошевелиться.

– Азамат, ты знаешь этого человека?

– Нет, – выдохнул он.

Заур снова выдержал паузу.

– А сможешь мне найти его?

Он почувствовал напряжение шейных мышц оттого, что часто и мелко закивал.

– Ладно. – Заур опустил в свое кресло. – Смотри-ка, утро уже! Ты сегодня на работу пойдешь?

Азамат пожал плечами.

– Правильно. К тому же перегар от тебя, да и не отдыхал с дороги еще. Я тоже не пойду, спать буду. Останешься?

Он снова безмолвно повел головой.

Он был разбит и опустошен. Ранним утром на холодной промозглой улице и в автобусе он несколько раз пытался дозвониться, но безуспешно. Так, мучимый головной болью, невыспавшийся, со всклокоченными нервами, он и добрался до Индиры. Ему было даже все равно, будут ли дома ее сестра и зять, хотелось только одного – спать, забыться. Но их, как обычно, не было. Перепуганной Индире он только и смог объяснить, что дорога из Ростова была тяжелой. Она дала ему таблетку от головы, и он тут же отключился, одетый, на диване. Она укрыла его, написала записку о еде в холодильнике и о том, где оставить ключ, и собиралась уже с детьми выходить, как услышала сигнал о сообщении на его телефоне. Замешкалась на минуту, вернулась из прихожей в комнату и отключила звук телефона. И не сдержалась, открыла sms-ку и прочла: «Отстань. Сначала прояви мужество. Я больше делиться не буду. Или – или». И вместо имени в списке – одна буква «С».

Индира взглянула на него. Он был красив. Он всегда был красив, в любом состоянии и положении. Она гордилась им и его делами, но в последнее время он стал вносить в их отношения и в ее мысли что-то смутное и неуловимое, а потому тревожное. Кто такой или, что еще хуже, такая эта «С»?

На занятия она поехала в испорченном настроении. На перемене между парами не выдержала, рассказала подруге-однорукнице, о том, что столько дней проволновалась за него, а он даже не позвонил. А появился выпивший, больной, уставший, и не получилось поговорить. Про sms-ку она промолчала.

Проснувшись, он вспомнил все, и это подбросило его с дивана. Наспех принял душ, не стал тратить время на бритье, ел, запихивая в рот котлеты с хлебом, пока одевался. Даже на площадку выскочил с котлетой в руке.

В квартиру на Байсултанова он ворвался, не разуваясь, принялся лихорадочно ворошить диски в ящике компьютерного стола. Затем несколько раз одну за другой, перелистывая, просмотрел все свои книги. Потом заметался по комнате в поисках. Смотрел даже на кухне. Замер посреди зала и громко выругался. Метнулся к двери, захлопнул ее за собой и побежал вниз по лестничным пролетам.

В ее кабинете он появился вовремя, она собиралась уезжать. Так и сказала, что у нее совсем нет времени и чтобы он был краток.

– Да, краток, очень краток! – согласился он, прикрыл дверь и сел. – Сядь, сядь, я очень кратко, очень!

Она, уже в плаще, опустилась в кресло.

– Это ты, – выдохнул он, – я знаю. Мой диск с программой и книжка. Это ты, Саида.

– Встань, запри дверь! – сказала она.

Он провернул замок и снова сел напротив.

– Теперь спокойно скажи, в чем дело! – потребовала она.

– Саида, где мой диск и книга?

– Какой диск и какая книга?

– Диск с программами взлома и внедрения и книга.

– Так, теперь ты меня хочешь воровстве обвинить?

– Вот именно, что не хочу. Пожалуйста, скажи, что это не ты! Ну! Сними это с моей души, удали из меня!

– Ты что такой нервный?

– Я плохо спал, пил всю ночь, узнал такое... Слушай, ты можешь человечески ответить мне, это ты или не ты!

– Я что, одна у тебя в гостях бывала?

– Ох, е...лки-палки!

Он вскочил, подошел к окну. Потом направился к двери и хотел уже отпереть замок, когда она ответила.

– Да, это я.

Натурально театральная сцена. Даже кинематографическая. Правда, голову руками он не обхватил. Обхватил, сидя в кресле, живот и сидел, согнувшись и покачиваясь. Такая мизансцена. А она говорила, и каждое слово доставляло ему невероятное мучение.

– Что же ты наделала? – потом произнес он.

– И что же?

– Я о деньгах, которые ты...

– Не ори! – спокойно ответила она, указывая на стены. – А чего ты хотел? Как еще ты хотел получить свой кусок счастья? – Она говорила вполголоса, но твердо, предельно внятно. – Или ты такая же тряпка, как тысячи и миллионы тех, кто вокруг? Не ты ли каждую минуту кричал, что хочешь добиться многого? Интересно, каким образом ты это собираешься сделать? Ты ответишь – честно. О да, конечно! Только ведь ты сам такой умница, что прекрасно знаешь: нет никакого честного пути. То есть, конечно, есть, но это путь нищих. А в этом мире, на этом уровне, на котором мы делаем наше дело

и зарабатываем свой кусок, никакого честного пути нет. И если ты чувствуешь, что не справляешься, если силенок и духа у тебя маловато, что ж, уходи, сойди с дистанции. Этот путь не для слабых. Скажи теперь, если ты такой правильный и принципиальный, то зачем тебе нужно было изучать все эти штучки по внедрению и держать наготове диск со шпионскими программами? Или у тебя самого своя игра, свой бизнес, о котором даже я ничего не знаю?

– Не такие уж и суперовские эти программы, – покачал он головой. – Но как ты сумела в этом разобраться?

– Не тупица, разобралась. И ты сам знаешь, что в книге и на диске есть то, из чего можно сделать действительно серьезную машину.

– Не может быть! Невероятно! Я, наверное, сплю. Или кино какое-то смотрю, в котором сам играю.

– Ты что, совсем дурной? Какое кино? Кино – это у них, у слабаков, которые внизу, а я лично иду на самый верх. А ты где? Значит, ты такой же, как и сотни, и тысячи тех, кто приезжает сюда с одной только планкой желаний, на которой умещаются квартирка, работенка, машинка, кабаки и шлюхи по вечерам? Ты хочешь остаться здесь, внизу, в этой помойке? А теперь подумай сам: кто нас просто так пустит в тот сильный и прекрасный мир, о котором мы столько мечтали? Как ты думаешь, почему об этом мире мечтают все, а попадают в него только немногие? У этих избранных, что, контрамарка особая? Нет, просто они сильнее всех остальных. Я сильная и отчаянная. А ты?

– Какая же ты змея, Саида! Какая же ты коварная! Нет, подожди, все равно не верю, что ты сама это сумела сделать. Тебе кто-то помогал. Кто, Саида?

– Это все, что ты можешь ответить? То есть ты открыто признаешься, что струсил. И это тогда, когда я сама... когда мне самой сейчас несладко, ты бросаешь меня посреди этого.

– Да при чем здесь трусость, ты о нем подумала, о Зауре?

– А при чем здесь Заур?

– Да при всем, это он мне сказал про эту... пропажу. Он и сам в той сделке в доле – так я понял.

– Вот что, ни у какого Заура я деньги не воровала. У него их и не было. Никогда не было. И самое главное, я вообще ничего ни у кого не украла. Я сделала то, что сделает любой грамотный и сильный бизнесмен из любой фирмы, из любой страны мира. Меня пытались обойти, оставить в стороне, и я просто сама обошла их. И поверь мне, мальчик, что люди, с которыми я так поступила, не являются образцами благочестия. И не обеднеют они от этого.

– А Заур? Это он пытался тебя обойти? Или это он – богач?

– Я тебе повторяю, он здесь ни при чем!

– Да при всем, Саида. Это он разрабатывал эту сделку. Это он сам сказал – я всю эту ночь с ним проговорил. Ты хоть знаешь, что он за парень?!

– Ах, вот оно что! Ну и что, как он тебя очаровал? Говорил тебе о том, что ведет войну за правду и справедливость? Что его враги – это те, кто сорят деньгами в кабаках? Что сильный человек – это тот, кто делает то, чего не любит делать?

Азамат перестал раскачиваться, поднял взгляд на нее.

– Ясно, он стал повторяться, – с улыбкой заключила Саида. – Бедный Заур с бедной фантазией! А он не рассказал тебе о том, как довел до самоу-

бийства совсем еще юную девочку, почти ребенка? Нет? Этого он, конечно, никому не рассказывает. Я и сама это узнала случайно, от посторонних людей.

Ну конечно, ведь это будет уже против него, против его имиджа борца за всеобщую справедливость. Уж кто коварен, так это он. Змей! Ты знаешь, что он пробовал забраться ко мне в постель? Говорил мне, что якобы может за двадцать минут уложить любую из наших девочек, но только я – самая, самая... И я должна о нем думать! – Слушая ее, Азамат и не заметил, как все ушло куда-то в сторону, в тень, и осталось только ее лицо и губы, с которых слетали эти негромкие, но удивительно сильные слова. И не заметил, что, вместо того чтобы негодовать на нее, давно уже любит ее, а потом вдруг с силой, с мучительной сладостью ощутил, что она – его женщина, его плоть и кровь, что она столько раз принадлежала ему, что стала ему родной и близкой, ближе всех на этой усталой земле. И он смотрел в ее до сумасшествия красивые глаза и видел в них не просто негодование, а теперь уже прекрасный, возвышенный гнев. – А кто здесь о ком-то думает? Кто вообще думает о ком-то другом, кроме себя самого? Кто обо мне хоть раз подумал?! Мои родители, которые просто уговорили меня выйти замуж за моего бывшего? Чего стоило меня уговорить тогда, глупую девчонку! Конечно, ведь наши родители дружили и им так захотелось – поженить детей.

Или это мой бывший думал обо мне? Мне не нужна была его любовь, а только капелька уважения ко мне. Но нет, у этой вечно пьяной скотины был такой образ жизни, что от меня требовалось только одно. Его распорядок дня был прост – пьянка с друзьями, потом вечер в наушниках под эту ненавистную мне рок-музыку, а потом я, то есть не совсем я, а мое тело. И он еще имел наглость смеяться над моей «недалекостью», учить меня уму-разуму, а сам ни разу, ни разу не защитил меня, не поддержал.

Или это животное Аслан думает обо мне? Нет, он, конечно, думает обо мне, но тоже в определенной плоскости. Он хотя бы хорошую цену платит мне за мое тело. И защищает меня, потому что я его вещь. Или ты?.. – Она замолчала. И опустила усталый взгляд.

– Саида...

– Подожди. Я очень устала, Азамат. Я устала от столько слез по ночам в подушку. Я человек, и я хочу счастья. Ты не будешь больше держать меня или ее про запас. Я так устала, что с легкостью могу теперь отказаться от всего на свете. Но я очень боюсь... Мне иногда кажется, что я не переживу, если потеряю тебя. Лучше бы ты ушел тогда, починил бы мой компьютер и ушел. Я не буду больше для тебя просто девкой. Я не из тех, и ты это понял. Я не играю в игры. Слишком для меня это все... Слишком.

Она плакала. Он поднялся и подошел к ней, погладил по волосам. Она отмахнула его руку, достала носовой платок.

– Я готовлюсь уехать отсюда. Навсегда, – сказала она. – А ты решай. Ты свободный человек. А сейчас уйди, мне надо побыть одной.

Иногда случается так, что человеку не хватает мужества или благоразумия остаться наедине с собой. Особенно это касается сложных, «пиковых» ситуаций, что как раз и требуют спокойного вдумчивого осмысления, которое, возможно, должно занять не один день.

Не мог он остановиться и, что называется, оглянуться. Не признаваясь

себе в этом явно, он опасался той минуты, когда придется принять решение. Возможно, от этого он и уходил – по привычке откладывал на потом, хотя прекрасно знал, что далее откладывать это нет уже никакой возможности.

В бухгалтерии он взял задним числом командировочные и небольшой аванс и не стал задерживаться в офисе. Не зная еще определенно, куда ехать, поймал такси, попросил в центр, «а там будет видно». Думал только о том, что сейчас, в данную минуту, нужно одно – сбросить напряжение, а дальше действительно будет видно. Он даже позвонил по дороге знакомым девушкам, которые «держали» кафе недалеко от центра, убедился, что они на месте и работают, и даже сделал предварительный заказ.

Не доезжая до пересечения с Пачева, они попали в пробку. Не было возможности ни обогнуть ее, ни повернуть обратно. Пришлось ждать и время от времени в общем потоке подавать вперед. Таксист предложил скостить полцены, чтобы Азамат мог дальше пройти пешком, но тот отказался: спешить было некуда. Потом они увидели причину заминки: на мокром асфальте лежала сбитая машиной пожилая женщина, вокруг суетились сотрудники ДПС, толпились прохожие, на дороге врассыпную, заляпанное сырой грязью, лежало содержимое ее сумки – батон грязного теперь хлеба, раздавленные полуфабрикаты (то ли пельмени, то ли вареники), осколки стекла в красных кляксах кетчупа; заметны были даже впечатанные в грязь деньги, прочесть номинал которых они не могли. В тот момент, когда их такси проезжало мимо этого места, сотрудник патрульной службы накрыл женщину большим черным целлофановым мешком.

Азамат отвернулся, асиднулся на сиденье, запрокинул голову и закрыл глаза. Наконец набрали скорость.

В кафе он сразу же заказал себе целую бутылку виски. Потом принесли закуски. Но есть ему не хотелось. Он выпил подряд четыре рюмки. Закурил. Девушкам было некогда, он сидел один. Он подумал, что нельзя больше жить так, как он жил до сих пор, – нельзя больше бояться всего на свете, дрожать – как бы чего не вышло, потому что жизнь в любом случае вещь злая и жесткая и она достанет тебя в равной мере, будь ты отчаянный храбрец или трусливая мышь. Виски ему помогло, он сбросил с себя мучительные терзания и понял, что лучше ему не станет, как бы он ни поступил и куда бы ни повернул. Он не хотел ничего терять, обманутый собственной трусостью. Его посетила странная храбрость, отчаяние за гранью запретного. Все страхи и мучения оставались в нем, как и прежде, но теперь он с ними согласился, как с неизбежностью, – и успокоился.

Выпил еще. Потом достал свой телефон, легко, с первого раза набрал текст сообщения и отправил его Саиде.

К еде он так и не притронулся. В кафе было до странности пусто. Он был единственный посетитель. И ему было одиноко. Мысли, воспоминания, соображения, не путаясь, плыли в нем стройными рядами. Потом возникла недавно виденная картина сбитой машиной женщины, ее заляпанная грязью дешевая одежда, задранный коричневый плащ, из-под которого виднелись такие же коричневые теплые колготки, каблук, отлетевший в сторону, червонцы или полтинники, втоптаные в грязь, – неприкрытая жизнь с невероятно тонкой оболочкой, именно такая, какая есть – некрасивая и обреченная...

Ничто никуда не делось. Одиночество, полное и безжалостное, вновь пробралось в него и завладело его естеством. Стало даже подташнивать от

чувства тревоги и безысходности. Он перебирал в памяти знакомых и понимал, что никто не был в состоянии хотя бы отвлечь его, не говоря уже о поддержке или помощи. И он набрал Индиру.

Она жалела о своей слабости, о том, что не сдержалась и пожаловалась подружке. Она не любила этого в других – постоянных жалоб, пересудов о своих парнях, откровениях о непрестанных ссорах и примирениях, – а теперь получалось, что и сама не лучше. Поэтому она посчитала, что вполне заслужила то, что эта самая ее сокурсница заронила в ней мучительное томление одной только фразой: «А у него случайно другая не завелась?».

Сама Индира считала, что виной всех странностей в поведении ее Азамата являлась его работа, то, что он отдает ей слишком много времени и сил. А еще (и это было так ужасно!) она постоянно вспоминала о том, что в офисе его ежедневно окружают такие девушки. Испуг не проходил и усилился после этих слов подружки. Она никак и никому этого не показывала, но у нее самой в последнее время были большие проблемы. Ее просто мучили необоснованные, невнятные подозрения. А в этот вечер она просто пала духом. Она почему-то испугалась, что может потерять его навсегда.

Приехав вечером домой, она даже вдруг поймала себя на том, что совершенно не помнит, как добиралась, как будто перенеслась из-за прилавка магазина прямо сюда, на квартиру сестры. Делать что-либо она была не в состоянии. Легла на диван, включила вползвук телевизор, не могла смотреть, не могла закрыть глаза, не могла подняться. Девочки-племянницы, предоставленные сами себе, закрылись и возились у себя в комнате. Индира пусто глядела в блики на потолке, когда зазвонил ее телефон.

Ну, вот она и ожила. Быстро приняла душ, довольно строго указала девочкам ужинать и идти спать, а сама тем временем наспех готовила что-то легкое и прибиралась.

Потом они сидели на привычном диване напротив телевизора, она слушала его тихие виноватые слова, которые проникали в самую душу, о том, как он устал, и о том, что нет для него ближе и роднее и лучше человечка, чем она. А она прильнула к нему смело, ласково, глядя в его самые прекрасные на свете глаза. Поцеловались, долго, страстно, как никогда. Он прошептал (впервые): «Сладкая, как же я тебя люблю!» Тогда она поднялась, взяла его за руку и повела за собой.

Ночью он проснулся. В квартире стояла нетронутая тишина. В голове было ясно, как будто он и не спал. Она, уткнувшись ему в плечо и обнимая его, тихо дышала рядом, даже во сне прижимаясь к нему теснее. Он глядел в потолок, в отсветы улицы в окно спальни, и невероятно новое, неожиданное чувство переполняло его. Это было открытие, он будто прозрел после долгих месяцев и даже лет слепоты и был потрясен – та, которая всегда была рядом, его девочка Индира была в сотни, в тысячи раз лучше Саиды! Она была свежа, она была невинна, она была стыдлива, искренна, пуглива, и неподдельный ее темперамент превзошел все его ожидания. Он понял, что ни за что на свете не сможет отказаться от этой девочки. Он понял, что порвать надо не с ней, а с другой, которая теперь пугала его...

Хизир ТАХТАМЫШЕВ

Порок свою скрывает наготу.
В друзьях не добродетели ищите,
А ту, одну презренную черту,
С которой невозможно примириться.

Твой новый дом, что замок, безусловно,
В него не смеет старый друг войти.
Но без друзей в томительном безмолвье
Твой дом – тюрьма, а сам невольник ты.

Среди мудрейших выглядишь глупцом,
Но поумнеешь.
Среди глупцов признают мудрецом,
Но поглупеешь.

Прощу грехи лжецу, мздоимцу, вору
И протяну им руку без укора.
Но лишь с изменой не смиряться мне,
Как с раной, кровоточащей в спине.

Остановить мгновенье – это смерть:
Ведь сердце разорвется без движенья.
Но можно вдруг, презревши жизни бег,
Продлить в душе прекрасные мгновенья.

Умри на год и вновь воспрянь,
Не избежишь душевных ран.
От сует мелких в отдаленье
Приходит мудрость и прозренья.

В водовороте собственных страстей
Нам кажется, земля перевернулась.
Она же во вселенской пустоте
Вокруг оси привычно повернулась.

Лишь над толпой вознесшись высоко,
Ты мнишь себя вождем всего народа.
Толпа – туман, развеется легко.
Народ же вечен, как сама природа.

Холуя искренне мне жаль, признаюсь.
Как тяжело платит он за бесталанность:
Живет, горбясь, с изогнутой душой,
Не человек уже, не зверь еще.

Назначено судьбой иным из нас
Еще при жизни встретить судный час.
Одних, быть может, стыд вконец настигнет,
Других – тоска, что жизнь не удалась.

Добро и зло – неужто стерлась грань?
А может быть, и не было в помине.
Бушует в нас корысти ураган,
Внутри кружат добро и зло в обнимку.

Помни о смерти, замыслив лихое,
Помни о смерти, замыслив благое.
Все неминуемо встретимся с ней,
Помни всегда, но не думай о ней.

Проступок друга кажется забавой.
Ему вторя, казаться хочешь бравым.
Расстанешься с таким – откроешь вдруг,
Что был наивным ты и подлым друг.

Примета есть у топкого болота:
Где буйный цвет, там путь закончил кто-то.
Невзрачных мест спасительно держись –
Сродни болотным тропам наша жизнь.

Лекарством можно насмерть отравиться
И можно чудодейственно спастись.
Опасней яда – в мере ошибиться,
Найди Ее и низко поклонись.

Над землей пронесся ураган,
Жить, как прежде, видно, не годится.
Но природа – это вечный храм,
Лучшее в грядущем возродится.

Костром добра сгораешь безрассудно.
Кого теплом не обнял – проворчит,
Кого коснулся пламенем – осудит,
Кто обогрелся – тихо промолчит.

Не пестуя слабые клетки,
Не вылечить весь организм.
Не пестуя дух человека,
Не сделать счастливую жизнь.

Как может гад порой ужалить гада,
Предателя предатель предает.
Но у него не боль – одна досада,
Что сам не смог опередить его.

Одних при жизни трепетно возносят,
Потомки их безжалостно хулят.
Других при жизни яростно поносят,
Как идолов, потом боготворят.

Людская боль давно понятна мне,
Она от тайных бед оберегает.
Но злую боль – страдание людей –
Лишь человек корыстно пробуждает.

Доверял я тебе одному, –
Неразлучны, как молния с громом.
Нашу тайну доверив ему,
Показал, что ты друг для другого.

Бедняк, нуждой измятый, больно скуп.
Богач в погоне жаден непомерно,

А встретится бедняк, разбогатевший вдруг, –
И скуп, и жаден он одновременно.

При избытке добро превращается в зло.
Зло не знает границ в поднебесье.
Справедливости суд означает одно –
Между злом и добром равновесье.

Есть в жизни день, который кормит год,
Не упусти и проживешь достойно.
И день другой когда-то настает,
Что за него всю жизнь трудиться стоит.

Проиграл сражение властелин,
Холуи бегут со всей округи.
Мстить не будет новый господин,
Им же шанс прослыть надежным другом.

Не модны нынче вещи раздумья,
Трещит костер шаманов и шутов.
Их пламя ветер времени задует,
И здравый смысл в наш дом вернется вновь.

Ну что ж, твой довод крепче, чем скала.
При лунном свете прав ты в этом споре.
Но ночь пройдет. Настанет днем жара,
Скала твоя в лучах растает скоро.

Ты в гневе – словно тигр разъяренный.
Остыв, напротив, кроткий, как ягненок.
Не знаю, кто ты истинно в душе:
Иль жалкий трус, иль рыцарь благородный.

В глазах опечаленных темная ночь:
Родился не сын, а плаксивая дочь.
Забыл, что так нежно любимая мама
На свет появилась в такую же ночь.

О жизни дума – прожитая жизнь,
За жизнь одну сумеешь две прожить.
Не потому ль иной юнец безусый
В делах мирских мудрее седоусых.

Зло не камень, спрятанный в кармане,
А болезнь заразная души.
Толпы мысль безумная дурманит,
Словно накурились анаши.

Нам кажется порой, что мы, родители –
Судьбы детей своих распорядители.
Увы, судьбы неведомы дороги,
Грядущее подвластно только богу.

Добро – в любви взлелеянный цветок,
Рождается в душе поодиночке.
Зло множится в безудержный поток,
А каждый бьется с ним поодиночке.

Сколько губит сияние золота,
Одурманив волшебным огнем.
Сколько судеб людских перемолото,
Шедших к цели обманным путем.

В делах своих неправедность признать –
Что самому вину с себя же снять.
Нередко громогласное признание –
Стремление уйти от наказанья.

Пусть испытал ты горечь поражения,
Теперь трезвей и много раз сильней.
Его победа – головокруженье,
Теперь он пьян и много раз слабей.

Кто восходил на Эльбрус величавый,
Не хвалится в окрестностях холмом.
Кто с гением однажды повстречался,
Не станет хвастать собственным умом.

Батыр ас АЛАНСКИЙ**АЛИМ И НЮРЖАН***Главы из романа*

Княжеских домов в селении Ышканти всего четыре, и все они расположены на лучших, более ровных местах, поближе к речке Ишкырты. По границе участков Хаждаюта из Карабиевых и Алий-Солтана из Аланбиевых тянется невысокий каменистый холм. Сперва, как и везде, здесь тоже, видно, была каменная ограда, но все время с обеих сторон камни с огорода относили и бросали у стены, в результате и образовался этот холм. Участок Карабиевых расположен чуть повыше, поэтому вода для полива к Аланбиевым поступает по канаве, проходящей через огород Карабиевых. Сбоку от канавы, разрывая каменный холм, тянется тропинка от одного двора до другого, – Карабиевы и Аланбиевы были всегда неплохими соседями. Правда, когда Крым возмужал и власть в доме постепенно начала переходить к нему от старого Хаждаюта, а тем более после того, как вернулся со службы Исмаил и стал старшиной, во взаимоотношениях между двумя домами появился холодок, но так как это чувствовалось лишь среди мужчин, то женщины и девушки жили по-прежнему. Как и раньше, чуть ли не каждый день, то в одном доме, то в другом собирались вместе поработать и скоротать время девушки – дочь Крыма Нюржан, дочери Алий-Солтана Зулейха и Зухра, дочь Сафара из Аланбиевых Аслижан, а с ними и девятилетняя сестренка Нюржан Айсурат, младшая дочь Алий-Солтана Татлыхан. Раза два в неделю заходит к ним и младшая дочь Исмаила из Аланбиевых Алтын, – Нюржан и она неразлучные подружки, а потому более длительное время в разлуке просто прожить не могут. А в тот день, когда ее старший брат Алим вернулся из Петербурга, Алтын пришла в Ышканти не в обычное время после завершения утренних работ по дому, а уже к вечеру. Сперва она решила заглянуть в дом Алий-Солтана: может быть, девушки сегодня здесь собрались.

– Что ты так поздно, доченька, что-нибудь случилось? – несколько встревоженная, спросила Жаухар, жена Алий-Солтана.

И только теперь поняла Алтын, что она попала в неловкое положение. Какую отговорку не придумывай, а о приезде Алима сказать все равно придется, если здесь об этом еще не слышали. А скажи она о приезде Алима, тогда получается так, что она пришла сообщить радостную весть – ведь Алим приходитя племянником Алий-Солтану, а потому ей полагается суйюнчюлюк – подарок за добрую весть. Но она, родная сестра Алима, может получить суйюнчюлюк только от старших близких родственников – от братьев и сестер, если они есть, от отца, матери, дедушки, бабушки, получить суйюнчюлюк от дальних родственников – это немного неприлично. И вообще – не принято, чтобы человек из дома, где произошло радостное событие, сообщал об этом дальним родственникам с целью получить суйюнчюлюк. Ведь может быть и так, что человек, которому ты сообщаем радостную якобы для него весть, вовсе и не рад этой новости или же безразличен. А если суйюнчюлюк делается только ради формы, лишь бы соблюсти обычай, а не от души – кому

нужен такой суйюнчюлюк? Тонкости этого дела в горах не знают разве только малые дети. Знает, конечно, и Алтын. Вот потому-то и растерялась она, не зная, что ответить Жаухар. Но она быстро опомнилась и нашла выход.

– Ничего не случилось. Просто – Нюржан так долго искала одну книгу, а Алим как раз привез ее, я и хотела обрадовать Нюржан. Может, думаю, девушки у вас сидят, вот и заглянула, – сказала она.

И совесть ее успокоилась – она сообщила о приезде Алима без всякого намека на суйюнчюлюк, да и Жаухар, надо думать, сама понимает, что не следует совать ей, Алтын, суйюнчюлюк, словно ребенку, и ставить ее в неловкое положение.

– Да перейдут все его болезни ко мне – значит, Алим приехал? – искренне обрадовалась Жаухар. – Ну и слава Аллаху! Как хорошо, что он живым и здоровым вернулся домой, не заразившись, как Младший Парень, чахоткой. О, Аллах, какую радостную весть ты сообщила! И когда же он приехал?

«Младшим Парнем» она звала Султанбека, младшего брата своего мужа Алий-Солтана.

Алтын было приятно видеть неподдельную радость Жаухар приезду Алима.

– Сегодня. Зухра и Зулейха не дома?

– Они у Нюржан. Послать за ними?

– Нет, нет! Я сама туда пойду, мне надо повидать и Нюржан.

– Ну, хорошо. Только смотри – не вернувшись сюда, не уходи!

– Хорошо! – ответила Алтын и по знакомой тропинке через огороды пошла в дом Карабиевых.

Все три сына Хаждауга – и Крым, и Таубий, и Сарыбий живут с ним под одной крышей, и просторный двор со всех четырех сторон огорожен всевозможными постройками – конюшней, коровником, овчарней, кладовыми для зерна и муки, для копченостей, заготавливаемых на зиму, и всякой другой снеди.

Так как Алтын вошла во двор не с улицы, откуда обычно приходят гости, а со стороны огорода, то сперва на нее никто и не обратил внимания – видимо, подумали, что это кто-то из домашних. Увидев сидящих на широкой и длинной скамье, пристроенной вдоль стены и покрытой кийизом, самого Хаждауга и трех его сыновей, о чем-то увлеченно беседующих, немного растерялась, почувствовав неловкость оттого, что она, «чужая», вошла во двор с внутренней стороны. Хотя она и слышала слова старого князя: «Тот, кто держится за хвост коня – реку переплывет, а тот, кто держится за хвост собаки – на дно пойдет». Так что, сын мой, и Науруз, и его сыновья – люди уважаемые, и пренебрегать их дружбой я тебе не советую», и ответ Крыма, почему-то недовольного отцом: «Отец, почему это я должен искать чью-то дружбу, пусть кто-то ищет мою дружбу – чем мы хуже, ниже других? Благодаря милости Аллаха, у нас есть хозяйство и скот, ничуть не меньше кого-либо уважаемы», но смысл до нее не доходил. Она в этот миг была озабочена только одним – чем сгладить свою вину, что ей, проходя в дом, придется прервать беседу взрослых мужчин? И через мгновение она решила – будет хуже, если они заметят ее, стоящую здесь, и подумают, что она подслушивает их, лучше уж прямо подойти к ним, поздороваться, как принято, и пройти в дом. И только Алтын шагнула вперед, как с криками: «Алтын! Алтын!» к ней бросились дети, игравшие во дворе, что было очень кстати. Лишь когда

глянули туда, куда побежали дети с криками, увидели мужчины Алтын, которая в это время брала на руки младшую дочь Сарыбия – четырехлетнюю Лейлю. И только тогда они прервали свою беседу.

– Здравствуй, бабушка! – поздоровалась Алтын, подавая старому князю свою ручку, а когда тот попытался привстать, что и положено делать, когда люди здороваются, она обеими руками вежливо придержала его. – Сиди, сиди, бабушка, ради Аллаха. Еще этого не хватало – вставать из-за меня! И тут же, заметив, что и Крым, и его младшие братья привстали, горячо попросила: – Сидите, ради Аллаха! Не надо из-за меня вставать!

– Как же не встать! – заговорил старый князь. – Ты чиста и молода – как луч солнца, и если, приветствуя, не встать перед тобой, то перед кем же еще встать?! Как поживает Науруз?

– Слава Аллаху, хорошо. Спасибо.

– Ну и слава Аллаху. Остальные тоже живы-здоровы?

– Слава Аллаху, бабушка, все живы-здоровы.

– Ну и хорошо. А какие новости от Алима? Не обещает приехать?

– Он уже приехал, бабушка.

– Да ну! Когда же?

– Сегодня.

– Ну и слава Аллаху, хорошо, что наконец-то вернулся домой. Проходи, проходи, ты, верно, к дочке пришла.

– Да, дело у меня к ней...

– У себя, наверное. И подружки с ней.

Алтын упростила сесть мужчин и только потом зашла в дом.

После того, как дочь Исмаила зашла в дом, мужчины еще некоторое время сидели молча.

– Так что, сын мой, Аланбиевы всегда были уважаемыми людьми. Ты не стремишься их превзойти, а сравняться с ними постарайся, – снова заговорил старый князь. – Даже в прошлом, насколько нам известно, кроме Залимхановых, никто с ними ссоры не искал, а все хотели жить с ними в дружбе и согласии. А с Залимхановыми у них и сегодня нелады. Как сам знаешь, они даже и не рождаются – Аланбиевы своих дочерей замуж в род Залимхановых не выдают, и невест из них не берут. Так и те, разумеется. Ну, кто же на сегодня Залимхановы, и кто Аланбиевы? Аланбиевы – настоящие князья. И умом, и тем, что уважительно относятся к народу, к его обычаям. А Залимхановы? Правда, они, наверное, побогаче Аланбиевых, но кто их считает настоящими князьями? Настоящие они. Корысть разъедает их души, своим, близким родственникам чашку айрана, колю и умирать будут от жажды, не подадут. «Мусуковы, Мусуковы» говорим, да им до Мусуковых по части человечности, еще очень далеко. По крайней мере, те хоть о чести рода своего заботятся. Смотри – как они помогли Оразаю. Все ведь знают, что у того ничегошеньки за душой не было. Так они женили его, уплатили калым, справили свадьбу, построили какой ни есть, дом и, пожалуйста, Оразай теперь живет, как и все.

– Они таким путем хотят уважение жамаата заслужить, старались поэтому, а не оттого, что очень уж об Оразае пеклись. Как будто, отец, сам это не знаешь. Чтоб, так сказать, честь рода на высоте была.

– А что здесь плохого, сын мой. Разве можно их осуждать за то, что они дорожат уважением людей, честью рода. Пусть мы с ними немного и повздорили, но хорошее, богоугодное дело чернить не следует. Да и с ними

не надо было доводить отношения до ссоры и крови – что ни говори, а это нам чести не делает. Хорошо еще, что так закончилось.

– Тот раз все из-за дурака Алийбека случилось...

– Как бы там ни случилось, но мне-то было какво с седой бородой, главе княжеского дома, ходить к кому-то на поклон и быть просителем? А роду нашему много ли от этого чести? То, что вы получили в результате этой ссоры – пятьсот рублей – это что? Сегодня – это деньги, завтра – тлен. Да и половина из них истрачена на примирение. А если б ты старался вести дело мирно, по-хорошему, возможно, что тебе удалось бы поболее урвать.

– Да, урвешь у них! Тейри, у Ахмата скорее душу вырвешь, чем рубль! – вставил до сих пор не участвовавший в споре отца и брата Сарыбий.

– А что поделаешь? Говорят, кто не дорожит пятаком, у того и рубля не будет. Бережливость – это не порок.

– Осенью в этом году у нас заканчивается срок договора с чабанами. Может, будет лучше, если не в аренду будем сдавать отары, а найдем чабанов? – спросил Крым и этим повернул разговор на другую тему.

Видимо, он не с очень-то большой охотой слушал не всегда подходящие для сегодняшней жизни, как полагал, советы отца. Если ты из княжеского рода, то пусть у тебя будет соответствующее количество скота и земли – и тогда народ поневоле будет тебя уважать, а высокие слова о том, что надо день и ночь только и думать о чести рода, семьи, что надо быть вежливым да обходительным со всеми, особенно с бедными и нищими, бояться мнения жамуата, – это все пустое дело. Никакому народу не нужен сейчас заботливый князь-отец, никому не нужны его советы, опека. Каждый мнит себя мудрецом. Честь! Честь! Посмотрим, в какой ты будешь чести, коль в руках будет пусто! Не зря же Насреддин-хаджа говорил: «Ешь, моя шуба, ешь!» – когда его, вечного бродягу и балагура, приняли за богатого и уважаемого господина и посадили в тёр – на самое почетное место во время какого-то пиршества только за то, что он был в новой и дорогой шубе. «Нет, отец, – говорил в душе Крым, – давно ушли-уплыли те времена, о которых ты говоришь. Сейчас жизнь наша стала такая, что ничем ее не отличить от жизни диких зверей в лесу: если есть у тебя острые клыки да сильные лапы – бей, убивай, рви на клочья, если же нет – уноси ноги, а то распочут, растерзают, мигом проглотят. Ни честь, ни достоинство князя, ничье уважение тебя не спасут. А коль хочешь оставаться князем, да еще уважаемым – позаботься о том, чтобы у тебя был достаток. Как этого добиться – это уже дело каждого. Черт бы побрал этого дурака Алийбека, так глупо из-за него упустили Ирцы-Башы! Земля, земля, земля – вот что сейчас настоящее богатство. Скот – и то не очень надежно: вдруг какая-нибудь напасть-болезнь – и нет твоего богатства. Земля, черт возьми, земля...»

– ... Стар я уже, чтобы заниматься такими делами. Сами теперь решайте, – углубленный в размышления Крым даже не полностью расслышал слова отца. – Время вечернего намаза уже проходит, – сказал старый князь, поднимаясь с места.

Девушки, словно ждали момента, когда мужчины уйдут со двора, тут же высыпали из дому. Нюржан, провожая подруг, прошла с ними до калитки со стороны огорода, где начиналась тропинка в соседний двор. Здесь, отправив домой сестренок, Алтын придержала Нюржан.

– И не вздумай отвертеться и не дать мне сюйюнчюлюк – клянусь Аллахом, не позволю! – сказала она.

– Эй, подружка, о каком сюйюнчюлюке говоришь? Брат твой – вот и получай от самой себя сюйюнчюлюк! А у меня какое к этому отношение – мало ли ребят уезжают из села и возвращаются?

– Вот жадюга – я ей сообщаю о том, что приехал ее любимый, а она не хочет дать сюйюнчюлюк! Где это видано, где это слыхано? – взяв подружку за плечи и заглядывая ей в глаза, шутливо возмущалась Алтын. Увидев, что та от смущения и радости стоит в растерянности, Алтын еще больше разошлась. – Ну, хорошо. Я так и передам – я мол, думая обрадовать ее, побежала к Нюржан и говорю ей, так, мол, и так, приехал Алим, а она, презрительно фыркнув, сказала: «Мало ли парней из села куда-то уезжают и возвращаются – мне-то какое до этого дело?» – и с этим, ничего более не говоря, вроде бы обиженная, зашагала прочь.

Она не обернулась и тогда, когда услышала приглушенный крик Нюржан: «Алтын, погоди!»

Сперва Нюржан и не сомневалась, что Алтын просто подшучивает, ради озорства, но когда та, даже и не оглянувшись на отчаянный ее крик, так и ушла, какое-то смутное чувство страха начало овладевать душой девушки. И действительно, что будет, если она, вот так, в обиде, уйдет и расскажет Алимю все, как и было? Он, казалось Нюржан, и так особо из-за нее не убивается, лишь после курманлыка по поводу возвращения Исмаила с войны, он, видно, несколько удивленно узнавший, что и она обитает на этом свете, написал несколько писем в Тифлис, интересуясь, формы ради, ее учением да житьем-бытьем – вот и все. О любви – ни намек, ни слова. Ни в письмах, ни во время летних каникул, когда им иногда случалось встречаться. Конечно, Алим и добрый, и благовоспитанный парень, знает и уважает адеты – обычаи своего народа, думала Нюржан, но если б в его душе была хотя бы капля того чувства, что она питала к нему, разве он до сих пор молчал бы, не дал бы ей знать? А если теперь и Алтын пойдет и расскажет ему все, – не потухнет ли навсегда звезда ее тайной, заветной надежды, не исчезнет ли и то простое любопытство, что иногда он проявлял к ней? Что же делать?! Нет, нет! Нельзя, чтобы Алтын так и ушла, обидевшись! Если даже для этого надо будет побежать, догнать ее, упасть в ее объятия, плакать и умолять ее...

Нюржан догнала Алтын у межевой груды камней и, запыхавшись, горячо заговорила:

– Алтын, ради Аллаха, не обижайся! Мне показалось, что ты просто шутишь – и сама тоже сболтнула в шутку. Если вру – пусть Черек-река унесет меня!

Когда Нюржан, схватив обеими руками руки подружки, взволнованно говорила эти слова и пыталась остановить ее, Алтын, отвечала холодно, постоянно вырываясь и пытаясь уйти:

– Да ладно, оставь теперь уж – ты сказала то, что было у тебя на душе!

А на самом-то деле в душе у Алтын было светло и легко от того, что она видела – ее брат и Нюржан любят друг друга. И от этого легкого, светлого, радостного чувства она готова была кричать, петь, плясать и озорничать, шутить без меры! «А-а-а! Попалась в сети, подружка! Ты у меня еще не так запляшешь!» – говорила она про себя совсем не злорадно, а просто радостно, в то время, когда Нюржан, держа ее за руки, пыталась остановить, что-то

страстно доказывая. А в том, что Алим и Нюржан будут счастливы, она нисколько не сомневалась. Для Алима, юноши из княжеского дома, окончившего Петербургский университет, хорошо знающего заботы и нужды своего загнанного в горы несчастного народа, прекрасно понимающего животворную силу знаний и постоянно думающего о том, как бы привести и свой народ к этому сияющему миру знаний, чем бы ему помочь, Нюржан, умная, красивая, образованная горянка, станет такой подружкой жизни, словно специально для него выпрошенная у всемилостивого Аллаха. И только подумала она об этом, как тут же у нее перед глазами появился образ Хаджи-Мурата. И с удивлением она вспомнила, что все эти слова, что она про себя говорила об Алиме и о Нюржан, говорил ей когда-то в Тифлисе Хаджи-Мурат. Хаджи-Мурат, сын кумыкского князя, окончивший Московский университет, был старше Алтын почти на десять лет. Однажды, когда он был у своих друзей в Дигории, он вычитал в «Терских ведомостях» сенсационное сообщение о том, что две девушки-мусульманки из Нальчикского округа учатся в Тифлисе, отличаясь особым усердием и поразительными успехами. Несмотря на протесты друзей, у которых он должен был погостить еще с неделю, Хаджи-Мурат на следующий же день помчался в Тифлис. Он отыскал там одну из этих девушек и познакомился с ней – это была Алтын. Парень оказался настолько открытым, умным, с приятными манерами, его мечты были так интересны и заманчивы, что только за те три-четыре дня, что он был в Тифлисе, они полюбили друг друга, как Тахир и Зухра. Но согласиться с ним, чтобы после окончания ее учебы они сразу же поженились, Алтын не могла. Но постаралась ему объяснить, чтобы он понял: доводы ее – это не каприз, а гораздо более серьезные вещи морально-этического характера, с которыми не может не считаться благовоспитанная горская девушка. Во-первых, у нее есть старшая сестра, и торопливо выходить замуж раньше нее не только неприлично и не принято, но и бесчеловечно. Тем более что она еще очень молода и красива, а значит, долго в девушках не засидится. И еще – в будущем году ее старший брат заканчивает Петербургский университет и приезжает домой. Не может она поступить так, когда дома нет старшего брата. Если к этому времени твои чувства и намерения не изменятся, говорила Алтын, и если, по милости Аллаха, мы будем живы, то я сдержу свое слово и выйду за тебя замуж, как только дорога моя будет свободна. Лишь после такого клятвенного ее заверения уехал тогда Хаджи-Мурат к себе домой.

Вспомнив о любимом, Алтын почувствовала себя как бы виновной перед ним, и ей стало не по себе. И только теперь она обнаружила, что Нюржан почему-то не пытается ее удержать, ничего ей не говорит и вообще, кажется, ее рядом нет, куда-то исчезла. Алтын на мгновение растерялась. Потом, опомнившись, она оглянулась вокруг, прислушалась – где же Нюржан? И тут ей послышалось, что где-то там, у груды камней на меже, кто-то сдержанно всхлипывает. Кинулась туда, смотрит – Нюржан, припав грудью на камни, плачет, плачет, как ребенок, крепко обиженный матерью, стараясь сдерживать рыдания, но не в силах это сделать.

Алтын бросилась к подружке, крепко обняла ее, приподнимая с камней, поцелуями осушая ее глаза и щеки от солоноватых слез.

– Да буду я жертвой твоей, моя голубка, светик ты мой – что с тобой?! Ради Аллаха, не плачь, не разрывай мое сердце! Я просто шутила, играла – как ты не заметила этого, моя искорка, мой козленочек?! – так, словно бабуш-

ка о внучке, хлопотала Алтын о Нюржан, откуда-то находя уйму ласковых слов, всячески стараясь успокоить ее. Она подняла Нюржан и, хотя дожди постоянно омывают камни, не давая осесть на них и пылинке, отряхнула ее платье со всех сторон, усадила рядом с собой. И когда Нюржан немного успокоилась, взяла в руки ее лицо и, глядя в глаза, спросила:

– Что это с тобой случилось, дуреха ты моя?

– Не знаю, – ответила Нюржан, слабо улыбнувшись.

– Завтра вечером Алим придет повидать дядю Сафара и дядю Алий-Солтана. Я тоже с ним приду. А ты будь у Зухры. Хорошо?

– Хорошо, – тихо ответила Нюржан.

Теперь она готова была делать все, что скажет Алтын – никаких секретов, недомолвок между ними уже не было.

На второй день Васо Илларионович, Хамзат, Исмаил, а с ними и Алим поднялись до водопада, а оттуда пошли уже и на Кюннюм-гору поохотиться, но к вечеру, ничего так и не подстрелив, уставшие, вернулись домой. Но они ничуть не были огорчены, а наоборот – красота гор и их, словно ополоснув в роднике Зем-Зем¹, освободила от груза мелких суетных земных забот, наделила своей широтой и светом, добрыми помыслами и надеждами, так что, пришли они, смеясь и шутя, словно малые дети.

Дома сразу же подали на стол – все было давно приготовлено и лишь дожидались их возвращения. Появились горячие сохта, жерме, тузлук². Подав еду, Алим, как того и требует обычай, не сел за стол со старшими, а вышел из комнаты.

– Господин адвокат, у меня есть дело к тебе, следуй за мной, – сказала Алтын приказным тоном и, даже не оглянувшись, зашла в подсобку.

По тому, как она говорила с ним свысока, словно хан со своим провинившимся министром, и, не оглядываясь, вошла в помещение, понял Алим, что она хочет сообщить ему что-то про Нюржан. Уже два года, с тех пор как она стала «доверенным лицом» Алима и Нюржан, Алтын совершенно переменялась – вела себя так, словно Алим был ее не старшим братом, а младшим. Алим, конечно, мог ее отругать, осадить, но... побежал за ней, словно ручной ягненок.

– Ты, господин адвокат, за время учебы в Санкт-Петербурге, видно подзабыл о том, что являешься горцем³? – спросила строго Алтын, надменно склонив набок голову.

– О, прошу прощения, Золотой Луч Великого Солнца! Я, видимо, на что-то не обратил внимания по своей глупости, – ответил ей Алим, приложив правую руку к сердцу и низко кланяясь, тем самым безоговорочно принимая, пусть и в шуточной форме, ее власть над собой.

– Горец, тем более князь, обязанный как зеницу ока беречь и соблюдать обычаи своего народа, воротясь из дальних земель в отчий край, обязан, по крайней мере, навестить старших родственников, дабы первым приветствовать их в знак уважения. Ты уже забыл этот обычай своего народа, господин адвокат?

¹ Родник Зем-Зем – священный родник близ Мекки.

² Тузлук – приправа к мясным блюдам, готовится из айрана и специй.

³ Горец – так как одно из самоназваний балкарцев и есть «горец» (таулу), то это слово в их языке, если речь идет о человеке, означает «балкарец».

– Нет, не забыл, о Святое Сияние. Но, прошу прощения, сейчас, когда в нашем доме за столом сидят почетные гости, я, если даже рушится мир, не могу отлучиться из дому. Таков горский обычай. Чуть попозже, когда гости завершат трапезу, я намерен испросить на это дозволение батюшки и отправиться выполнять ту свою обязанность, о которой ты мне любезно напомнила, кусочек моей души¹ – Святое Сияние. Покорнейше прошу тебя не считать меня настолько глупцом, предполагая, что я мог забыть о таком важном деле!

– Я – твоя сестра, господин адвокат, а кусочком твоей души является Нюржан.

– Нет, нет, Святое Сияние, только не сердись, но ты не права: ты являешься одним кусочком моей души, а Нюржан – другим кусочком.

– Ах, так?! – с деланным возмущением накинулась с кулаками на брата.

Но он, ухватив обе ее руки, сказал:

– Не огорчайся, Святое Сияние, если Нюржан единожды кусочек души, то ты – дважды.

– А это еще что за выдумки, господин адвокат? – всерьез удивилась Алтын.

– Ты разве уже забыла, что являешься кусочком еще одной известной нам души, обитающей в далекой Темир-Хан-Шуре?

Конечно же, Алим говорил о Хаджи-Мурате, и Алтын зарделась от смущения, растерялась. Но тут же пришла в себя, отняла руки, и, стараясь придать голосу обычную строго-озорную нотку, сказала:

– Отправляйся в гостиную исполнять свои обязанности, адвокат, да запомни – вечером в гостях у Зулейхи и Зухры будет и Нюржан. Это я говорю к тому, чтобы ты не упал в обморок, неожиданно увидев ее там.

– Слушаюсь и повинуюсь, госпожа! – вновь поклонился Алим, приложив руку к сердцу. Когда ушел брат, перед глазами Алтын встал образ Хаджи-Мурата. Кроме больших карих глаз на его не по-горски белом, с тонкими чертами, лице она ничего отчетливо не замечает. Но и этого достаточно – ведь глаза Хаджи-Мурата не такие, как у всех, они необычные: если внимательно взглядеться, то в них, как в книге сказаний, можно прочесть обо всем: и о доброте его сердца; и о таких удивительных его мечтах и помыслах; и надежной, словно твердыня гор, и горячий, как само солнце, любви. Вот и сейчас, когда он так неожиданно предстал перед взором Алтын, всего-то за одну только минутку они сказали друг другу столько, сколько не могли бы сказать и за целый день при обычной встрече. «Спасибо, мой хан, что ты понимаешь мое положение и не огорчаешь меня упреками, а терпеливо ждешь – сам знаешь, пока жива, я не причиню боль твоему сердцу» – сказала она. Хаджи-Мурат благодарно кивнул ей, светло так улыбнулся и ушел...

Когда старшие встали из-за стола и расположились на кийизах, постеленных на траве в глубине двора, Алим подошел к отцу и попросил у него разрешения навестить Сафара и Алий-Солтана. Исмаил, конечно, разрешил. Алим с Алтын сперва навестили младшего брата деда Науруза – Сафара. Сафар, легко и незаметно подбиравшийся к своему шестидесятилетию, был истым горцем – он не подпускал к себе и на пушечный выстрел ни хитрую

¹ Кусочек моей души – шуточный дословный перевод выражения «жанымы кыйыры», что равносильно русскому «душа моя» в смысле – «дорогой», «дорогая».

старость, ни коварные болезни, никто не припомнит такого случая, чтобы он, хотя бы простудившись, лежал больным в постели. Лишь редкая проседь легким осенним инеем осела на его висках, так и не сумев добраться до пышных черных усов. И всегда он был опрятно одетым, словно вот-вот отправится на большой той, где, конечно, соберется все село. А его чистые карие глаза, казалось, будут вот так, как и солнце, вечно светиться молодостью и доброжелательным любопытством. Даже стройная Жансурат, его жена, дочь Крымшамхаловых из Карачая, и то кажется старше него. Кто знает, может быть, на ней сказалось то, что ей, гордой карачаевской княжне, после отмены крепостного права пришлось по существу, как холопке, заняться самой домашними хлопотами, а, может быть, это следствие тех бессонных, тревожных ночей, когда Ахмат, ее первенец, был на войне. Но сейчас у нее на душе, слава Аллаху, спокойно, никаких тревог – Ахмат живым и здоровым вернулся с войны, женился и младший сын Кылычбий, подросла и стала красавицей дочь Аслижан; невестки и дочь не дают ей теперь даже и к холодной воде прикоснуться – со всеми заботами и хлопотами по дому они справляются сами, а Жансурат остается, как и положено было в старые добрые времена делать княгине, лишь распорядиться да приказывать. Но так как горянка, если даже и княгиня, жить празднично, без дела не может, то она всецело отдала себя внукам, в которых она души не чаёт.

Вот и сейчас, когда пришли Алим и Алтын, она укладывала в люльку Омар-Алия, сына Кылычбия: завязав ему ножки, она держала в руках вышитый золотыми нитками черный бархатный ремешок, которым собиралась завязать руки, уже уложенные под одеяльцем. И тут она увидела Алима и, радостно всплеснув руками, принялась обнимать его, приговаривая:

– Да буду я жертвой твоей, мое сосновое деревце! Ты уже вернулся домой?! И как ты вытянулся, да перейдут твои болезни ко мне!

В это время зашла Аслижан и она, оттеснив мать, кинулась на шею Алим, радостно вскрикнув лишь одно слово:

– Алим!

Вскоре появились и невестки, они тоже тепло поздоровались с Алимом. Пришли и мужчины, увидевшие с база, где занимались какими-то хозяйственными делами, как вошли в дом Алим и Алтын, и тоже поочередно приветствовали Алима, обнимали. Из дома Сафара невозможно было уйти, как из дома просто знакомых или дальних родственников, не дождавшись угощения, а потому пришлось посидеть с часок, пока невестки готовили. А в это время Алим отвечал на обычные в таких случаях многочисленные вопросы дяди и братьев – да как ему учеба давалась, не трудно ли было ему переносить русские морозы, кто вместе с ним учился, да откуда они были, его товарищи, приходилось ли ему самому видеть царя, а если да – то где, когда...

Отведали мясных хычинов, церемониал посещения Алимом дяди Сафара этим завершился, и можно было уходить, но родственники никак не хотели так быстро отпускать Алима. Пришлось еще какое-то время посидеть. Наконец-то попрощались и направились к дому Алий-Солтана. На дворе уже смеркалось.

Дом Алий-Сотлана относился к княжеским домам скромного достатка. Отец Алий-Солтана и Солтанбека Эдильбий являлся одним из тех бедняг, что восприняли поражение и пленение святого Шамиля как крушение жизненных устоев и решили, что не стоит теперь жить на Кавказе под пятой гяуров, а

следует перебраться в правоверную Турцию. Несмотря на настойчивые уговоры родственников и друзей не делать этого, не отрываться от отчего края, от своего народа, Эдильбий, распродав весь скот и землю, тронулся в путь. Но где-то на берегах Черного моря, где пришлось долго ждать корабля, он заболел холерой и умер. Его жене чудом удалось спасти двух сыновей и дочь от верной смерти и, испытав невероятные трудности в пути, вернуться обратно в Большую Балкарию. Весь род Аланбиевых, их родственники и друзья не оставили сирот в беде – каждый считал себя обязанным чем-то помочь. Отец Науруза Мырза-хаджи отдал им свой участок земли в Ышканти, где собирали до сорока мер ячменя. Родственники, друзья, односельчане, организовав иезу, быстро построили дом, помещение для скота, склад для зерна и муки. Кто привел корову, кто пригнал двух-трех овец, кто привез мешок муки, – в общем, зажила семья Эдильбия, как и все. Но этот дом Аланбиевых от последствий той давней роковой ошибки до сих пор оправиться не может. Конечно же, никто и здесь не голодает и не мерзнет, да и род дело до этого не допустит, но говорить о былом достатке уже не приходится. И Алий-Солтан сам, и все в его семье знают и помнят о той большой помощи, что оказал в то трагическое время их семье старший дом рода Аланбиевых, сам Мырза-хаджи, а потому все они с искренним уважением относятся ко всем людям этого дома, ко всем отпрыскам Мырза-хаджи. Вот почему и Алий-Солтан, и его жена Жаухар действительно были рады, увидев Алима, живым и здоровым вернувшегося домой. А их сыновья, дочери тем более – они давно соскучились по Алиму, которого все считали не каким-то двоюродным, а просто старшим братом. Они постоянно опасались, боясь того, что и он, как и дядя Солтанбек, заболит проклятой чахоткой в этом сумрачном и холодном, как рассказывают, городе, где живет сам царь. И теперь, увидев брата живым и здоровым, узнав, что он уже приехал насовсем, закончив учебу, они были безмерно рады этому, словно вместе с ним и они избежали какой-то страшной, непоправимой беды.

Вышедшая из дому вместе с дочерьми Алий-Солтана на радостный шум во дворе, Нюржан стояла, как сирота, в сторонке и наблюдала за всем этим с улыбкой. Когда освободился от приветствий и объятий родственников, Алим поздоровался и с ней.

– Как поживает Хаждауют? Все ли ваши живы-здоровы?

– Слава Аллаху, все хорошо. Сам как доехал, спокойно, без приключений?

– Спасибо, хорошо. Какие там приключения!

И все. Больше они и не разговаривали друг с другом. Да и о чем разговаривать, если они не были родственниками, а просто знакомыми!

Но ни Алим, ни Нюржан нисколько не огорчились тем, что им невозможно остаться наедине, поговорить, взглядеться друг на друга, так как сама мысль об этом даже не приходила им в голову, – они были рады и тому, что вот так, стоят рядом, видят и слушают друг друга...

Когда Алим и Алтын засобирались домой, на дворе уже совсем стемнело.

– Уже поздно, я тоже выйду с вами, – сказала Нюржан, видимо, не без приказа Алтын.

Келемет, Зулейха и Зухра вышли их провожать. Но Алтын их дальше ворот не пустила, стала их просить именем Аллаха не беспокоиться, вернуться домой, что она сама с Алимом проводят и Нюржан, что те, сбитые с толку ее настойчивостью по такому пустячному делу, в недоразумении уступили

ей и вернулись домой. И как только закрылась за ними дверь, Алтын тут же подхватила Нюржан под руки и, несмотря на робкие попытки той оказать сопротивление, повела ее с собой вниз, по направлению к Черек-реке, в то время когда к дому Нюржан надо было идти вверх.

– Эй, подружка, что ты делаешь? – робко запротестовала Нюржан, хотя и знала прекрасно, что та делает.

– Клянусь Аллахом, ни капли совести у тебя нет – неужели ты хочешь уйти домой, не проводив нас? Ну и ну! – «возмутилась, удивилась» Алтын, продолжая увлекать Нюржан с собой.

– Алтын, перестань, ради Аллаха! Алим, скажи ей что-нибудь! – просит Нюржан, но по голосу чувствуется, что она всем сердцем желает, чтобы они не отпустили ее, увели с собой.

– Только попробуй отпустить – душу вырву! – говорит Алим Алтын, смеясь.

– Клянусь отцом, с вами что-то случилось. О, Аллах – и он князь, окончивший Петербургский университет! Дама просит его о помощи – а он сам становится на сторону разбойника! – говорит Нюржан, не переставая сопротивляться, но все же увлекаемая по-прежнему своей верной подружкой вниз, к реке.

– Интересно! Ты попросила сказать ей что-то – я сказал ей что-то, чем же ты недовольна? Разве я не выполнил твою просьбу? – «неслышанно удивился» Алим.

– Жаль, что тебя не научили хорошим манерам, а только находить отговорки, когда неправ, – засмеялась и Нюржан.

– Тейри, я сделаю все, что пожелаешь!.. Скажи ясно – что ты хочешь?

– Освободи меня – разве не видишь, что творят насилие?

– Сей же час! – сказал Алим и решительно, словно он действительно отважился на бог весть какой подвиг, отнял у сестры Нюржан и перевел ее на другую сторону. Не выпуская руку Нюржан, оказавшуюся в его руке во время «освободительной борьбы», Алим обратился к Алтын грозным голосом владыки, увидевшего на улице произвол чиновника, волокущего какого-то беднягу, продолжая при этом его нещадно колотить:

– Кто ты такая и на каком основании ты глумишься над этой бедной девушкой?

– Прошу прощения, мой господин! – «взмолилась» и Алтын, входя в роль мошеника-чиновника, смертельно напуганного тем, что его застали за грубым нарушением порядка и справедливости, что охраняются в стране законом и волей Самого Светлейшего. Но потом, видно, ей больше понравилась роль обиженной сестры: – Ваше жердеподобное высочество, вы, я гляжу, увидев эту негодную тарелкоглазую, уже и родную сестру не узнаете! О, бедное мое сердце! – «горестно» воскликнув так, Алтын быстрыми шагами ушла вперед. «Вам можно поиграть, а мне почему нельзя!» – так, наверное, подумала полная луна и тут же нырнула за легкие облака, но видно, заметив, что спряталась не очень-то надежно, выскочила обратно, смеясь, и тут, заглядевшись на Алима и Нюржан, так и застыла на месте, разинув рот. И звезды, радостно засиявшие в тот краткий миг, когда луна спряталась за облака, опять погрузнели и обиженно заморгали глазами. Да горы и те, хотя, кажется, что они-то уж спят, и то, наверное, все слышат и чувствуют в своей полудреме, – разве можно крепко уснуть в такую сказочную ночь?!

– По-моему, Алтын обиделась – давай догоним ее, не отнимая руки, потянулась вперед Нюржан, но Алим шагу не прибавил.

– Да что ты! Алтын, что ни говори – это Алтын¹. Она знает, что я соскучился по тебе, вот и оставила нас одних на минутку. А ты по мне так нисколько и не соскучилась?

– Не знаю, – тихо ответила Нюржан. А шевельнувшаяся ее рука в его руке, уличая хозяйку, говорила не таясь: «Соскучилась, еще как соскучилась!» И Алим поверил не Нюржан, а ее руке, и на душе у него стало светло и радостно. Мало ли он бродил по заполненным чистым холодным туманом улицам Петербурга, совершенно без дела, мечтая о том, чтобы вот так, держа Нюржан за руку, бродить с ней у берега Черек-реки в летнюю лунную ночь и рассказывать, рассказывать ей обо всем, что у него на душе? И вот, когда он в лунную летнюю ночь гуляет с Нюржан, как и мечтал, ему очень хотелось поговорить с ней, узнать, наконец, ясно и определенно, что у нее на сердце.

– Хорошо, если уж ты так сильно боишься Алтын, проводим ее до дому, а потом вернемся.

– О, Аллах– что ты говоришь?! Так и скажи лучше, что будем бродить до утра по дорогам Большой Балкарии.

– Я говорю вполне серьезно, Нюржан. Когда это теперь нам посчастливится встретиться вот так, давай лучше поговорим, чтобы наши отношения были ясны и понятны.

– А что неясного и непонятного между нами?

– Ты говоришь серьезно?

– Конечно. Мы же ни о чем не спорим, ничего не делим – что между нами непонятного?

– Хорошо, если так.

– Ну, тогда доброго вам пути, спокойной ночи, уже поздно я пойду домой.

– Никуда ты не пойдешь, а если и пойдешь – мы тебя проводим. Но сегодня я тебя так просто не отпущу.

– А что же ты собираешься делать – убить хочешь, что ли? – спросила Нюржан, засмеявшись.

– Да сохранит Аллах от такого греха! Разве есть на этом свете дураки, которые убивают своих любимых?

– А петербургские барышни, видать, научили тебя красному словцу да шуткам.

– Шутка, говорят, душа моя, – это посол правды.

– О, Аллах! У меня разрывается сердце! Я, бедная, уже поверила было, размечталась, а тут – всего-то только посол!

Алиму нравилось, что Нюржан не теряется, говорит свободно, не стесняясь, быстро находит ответы.

– А ты не бойся – коль посол будет доволен, правда и сама придет.

– Да, поистине лучше синица в руке, чем журавль в небе: коль любовь твоя нам не доступна, приходится довольствоваться и ее послром. И то правда – откуда нам достанется твоя любовь, когда есть дочери питерских дворян. Хорошо хоть шутками нас одариваешь, спасибо!

Трудно было понять, говорила ли Нюржан эти слова всерьез, или же

¹ Алтын – золото.

в шутку – в ее голосе слышались нотки и упреки, и обиды, и в то же время чувствовалось, что все это она говорила как бы свысока, и даже несколько снисходительно.

– Погоди, погоди! Кажется, я начинаю понимать, почему это ты так вольно, с насмешками говоришь обо мне. Недаром же говорят: «Тот, у кого бревно в глазу, смеется над тем, у кого – только соломинка». Так и ты – видно, полюбила одного красивого грузинского князя, а мною лишь забавляешься от скуки?

Нюржан внезапно остановилась, как-то странно глядя на Алима. Вскоре Алим понял, что Нюржан переменялась, и подошел к ней ближе.

– Что случилось, Нюржан?

– Ничего. Спасибо, что, не боясь людской молвы, разговаривал со мной – с девицей, влюбляющейся в каждого прохожего. И сильно не огорчайся, что потерял целый вечер – я больше не смею задерживать тебя. Я провела вас до моста, до вашего дома уже не так уж и далеко – спокойной ночи!

Алим растерялся, ничего не понимая. Опомнившись, бросился за ней, догнал и еле-еле остановил. Но, кажется, Нюржан задержалась не из-за просьб Алима – она с минуту беспокойно вглядывалась в темноту.

– Алтын! – позвала она.

Видимо, Алтын ушла не так уж далеко. Вскоре она появилась.

– Что случилось, душа моя? – с тревогой спросила она, чуя что-то неладное.

– Не обижайся, я не могу дальше вас провожать, мне надо вернуться домой, – сказала Нюржан, протягивая руку.

– Тоже мне – провожала нас! Об этом я тебя просила, да? Если за пять минут настолько надоели друг другу – плохи ваши дела. И это вы, возомнившие себя Тахиром и Зухрой?! Ха-ха-ха! – безжалостно смеясь, сказала, словно отстегала их ремнем, Алтын.

– До Зухры нам далеко, приличной девушкой бы быть, – ответила на это Нюржан.

– Что это ты говоришь?! – Алим совершенно не понимал, из-за чего это Нюржан так сильно на него обиделась? – Что я такого сказал, чтобы обидеть тебя?

– Каждый говорит то, что думает, и за это обижаться не стоит. У меня нет никакой обиды на тебя, Алим. Спасибо, что удостоил меня и беседой, и шуткой. Просто – уже поздно, я пойду домой.

– Хорошо, хорошо, душа моя! Идем! – и Алтын, обняв подругу, повела ее вверх. Потом обернувшись:

– Ну, погоди! Придет еще твой час! А сейчас стой на месте и не двигайся, пока я не вернусь! И отчитала Алима, и пригрозила ему, и приказала.

Совершенно не понимая, что к чему, Алим и без приказания Алтын был не в силах сдвинуться с места – он так и остался стоять, как истукан, удивляясь тому, как непонятно глупо закончился этот прекрасный вечер.

Прошел, быть может, целый век – и вот, наконец, сверху появилась Алтын.

– Ну и дурень! – коротко сказала она, дойдя до него, и не останавливаясь, пошла дальше.

– Что она сказала – что же все-таки случилось? Я ведь ничем ее не обидел!

– Что сказал, сам, наверное, помнишь, но это меня не касается, душа моя. Как только уедут наши гости, я постараюсь примирить вас, если, как и положено, усердно об этом попросишь. Но запомни: ежели опять ты обидишь ее – пеняй на себя!

– Хотя ты и Желтое Золото¹, но мой верный белый джин – мой ангел-хранитель. Дай я тебя поцелую! – сказал Алим, вновь обретя дар речи и толику способности к шутке.

Он поцеловал сестренку в лоб и, то и дело оборачиваясь и низко кланяясь, побежал перед ней, как слуга перед госпожой.

На четвертый день, проведив Васо Илларионовича и Хамзата до самого выхода из ущелья, возвращаясь домой, Исмаил как-то спросил:

– Гриппом теперь не болеешь?

Сразу поняв, о каком это «гриппе» идет речь, Алим, улыбнувшись, ответил:

– У нас, у подножия снежных гор, где и сам воздух целебен, грех болеть гриппом. В Петербурге совсем другое дело – там вечно туманы, сырость, мороз, да и с той стороны, где обычно гуляет грипп, постоянно дуют ветры.

– Это хорошо, сын мой, хорошо, – сказал Исмаил удовлетворенно. В эти дни он чувствовал себя на седьмом небе от радости, что сын, наконец-то, вернулся домой навсегда, окончив учебу, живым и здоровым, без всяких неприятных приключений.

В период заготовки сена время в Большой Балкарии проходит не как обычно, день за днем, а летит быстро и незаметно. Поэтому Исмаил даже удивился, когда снизу прибыл гонец и передал, что его, старшину Балкарского общества, срочно вызывает к себе начальник округа с бумагами о решении схода о строительстве дороги – как это успел Васо Илларионович так быстро – вчера вроде бы уехал! – поговорить на эту тему с областным начальством.

Из Нальчика Исмаил вернулся через три дня. А на второй же день уже с утра сельский посыльный объезжал все села Большой Балкарии, созывая всех старост сел и тех людей, которые были участниками «малого схода» в правлении.

– Дела наши, слава Аллаху, кажется, начинаются неплохо, – сказал Исмаил, когда все собрались во дворе правления. – Начальник округа, спасибо ему, говорил об этом со многими влиятельными людьми и даже с самим наместником, просил оказать нам помощь.

Собравшиеся люди, не знавшие о том, что царь, его наместник или кто-нибудь из высокопоставленных чиновников обременял себя заботами о народе, молча и несколько снисходительно прислушивались к словам Исмаила. Никто не хотел всерьез поверить в то, что начальник округа действительно хлопочет перед высокими чинами, искренне стремясь помочь народу; слова Исмаила все воспринимали как обычное явление – кто не знает, что маленький начальник всегда старается похвалить большого начальника! Можно подумать, что начальник округа ночами не спит, все думая о том, чем бы помочь народу Большой Балкарии, – жди! Ему лишь бы вовремя дань собрать – вот

¹ Хотя ты и Желтое Золото – игра слов в связи с именем Алтын, что означает «золото».

и все его заботы! Никто от них, от больших и малых начальников, никакой помощи и не ждет – лишь бы не мешали жить. Вот из каких соображений собравшиеся молчали, не выражая ни восторга, ни любопытства в связи с таким необычным сообщением Исмаила. Да и Исмаил сам не обратил особого внимания на то, почему это они, горцы, всегда отзывчивые на добро, промолчали в данном случае.

– Есть договоренность о том, что нам дадут столько пороха, сколько понадобится, – продолжил Исмаил. – Только нам самим надо привезти его сюда. Начальник округа хотел достать ломы, лопаты, кирки и другие инструменты тоже бесплатно, через военных, но это ему не удалось. Придется нам самим найти железо и заказать эти вещи. Железо тоже найти не очень трудно, но ищем подешевле, по казенной цене. Об извести – кое-где, видно, придется ограждать дорогу от осыпи стенками – тоже нам самим надо подумать. Вскоре из Владикавказа должен приехать военный инженер-дорожник. Он осмотрит ущелье и скажет, где лучше провести дорогу. После этого и за дело можно будет браться. Да, еще вот что, сами знаете, с порохом надо обращаться умеючи, а потому для ведения взрывных работ нам надо пригласить нескольких специалистов из армии. С порохом иметь будут дело только они. Мы обязаны обеспечивать их жильем, питанием, а также возместить расходы армии на их командировку к нам. Это, я думаю, для нас будет не очень-то обременительно. Иначе нам порох не давали, боялись, что может случиться несчастье и в этом потом будут обвинять военных – зачем, мол, порох давали людям, не умеющим с ним правильно обращаться. Итак, надо как можно скорее собрать какую-то сумму денег и начинать строительство дороги. Надо срочно заготовить списки людей, обязанных работать на дороге. Этим делом вам, старостам сел, вместе с Василием, надо будет заняться сегодня-завтра же.

Что посоветуете – надо ли вновь собирать сход или же сами все начинаем?

– Тейри, такое большое дело надо бы начать, сперва поговорив с народом.

– Сейчас напряженная пора, идет заготовка сена – удастся ли собрать народ?

– Миром уже решено строить дорогу, так что, надо начинать – и все, поменьше разговоров.

– Нечего тянуть! Сказано же: «хорошее дело – не откладывай, плохое дело – не начинай». Нечего откладывать!

– Правильно люди говорят, – сказал Ахмат-хаджи из Мисировых, вставая с места, и все затихли. – Не зря, видно, сказали наши предки: «На ныгышые и из шукуры вола не выкроишь пару чабыров». По такому важному и нужному делу не стоит долго и бесполезно спорить и говорить. Да и собрать народ на сход сейчас, сами понимаете, дело нелегкое. К тому же сход уже сказал свое слово – строить дорогу. Спасибо и Исмаилу, и начальнику округа. Оллахий, если не возьмешь, когда говорят «на», можешь и не получить, когда скажешь «дай». Порох, если действительно дают даром, надо быстренько привезти. Я, конечно, не особенно-то в это и верю, но если говорят – надо поехать, посмотреть, авось да и вправду дадут. Оллахий, дело у нас, действительно, неплохо начинается, хорошо даже. Если будет на то соизволение Аллаха, надо начинать дорогу, как только завершится сенокос. А к этому времени необходимо еще о многом позаботиться. Да хоть собери тысячу человек, если

в руках нет ничего – что сделаешь? Не только сдвинуть гору, даже и прут не срежешь. Надо – по десять ли рублей, по двадцать ли – быстро собрать деньги и готовить нужные инструменты.

– Правильно говорит хаджи, дай Аллах ему здоровья! Оллахий так!

– Говорит-то он, конечно, правильно, но сможет ли сейчас каждая семья найти эти десять или двадцать рублей, ведь еще не наступило время, когда люди продают скот, копчености?

– Не сможет, – пусть займет у соседа, в селе же живем!

– Займет, если найдет!

– Но коли так, то какого черта надо было все это затевать? Надо было так и сказать – это нам не по силам. А раз впрягся – надо тянуть!

Поспорив еще некоторое время в том же духе, собравшиеся в конце концов одобрили предложение хаджи и решили завтра же начинать сбор денег.

Перед тем как отпустить людей, Исмаил вновь обратился к ним:

– Спасибо вам! Мне кажется, вы решили очень правильно. Старосты сел не уходите и сейчас же начинайте готовить списки семей вместе с Василием, чтобы завтра же начинать собирать деньги. Как и решил сход, бедные семьи в списки не заносить. Как считаете – хватит на первых порах по десять рублей с дома?

– Пусть будет так!

– На один раз и это немало, хватит!

– Не хватит – потом еще соберем!

– Хорошо. Значит, по десять рублей с двора. Вот и все, если у нас нет других дел, на этом все. Сельские старосты остаются, остальные свободны. Спасибо!

Еще долго после того, как разошлись люди, Исмаил, Василий и сельские старосты составляли списки домов для сбора денег. Когда все было готово, ушли и старосты, Исмаил позвал Василия в свой кабинет.

– Василий, как думаешь, завтра начинать с какого села?

– Начнем, наверное, снизу, с Зылгы. А что?

– Эх, Василий, Василий?! Как это ты до сих пор не можешь вжиться в мир и психологию горца?

– Я не понимаю вас, Исмаил Наурузович. Почему вы так говорите?

– Как ты считаешь, лучше ли будет для дела, если мы побольше соберем денег или поменьше?

– Что за вопрос, Исмаил Наурузович?!

– Ну – скажи! – настаивал Исмаил, улыбаясь.

– А что там говорить – конечно же, будет тем лучше, чем больше мы соберем денег.

– Совершенно верно. А что надо сделать, чтобы побольше собрать денег?

– Как что делать? Собирать – по возможности с каждого дома, не откладывая на потом.

– И это правильно. По десять рублей с каждого дома, так?

– Но ведь так решили!

– Ты вник в суть слов хаджи?

– Я думаю, что вряд ли найдется теперь человек, который упрекнет меня в незнании балкарского.

– Правильно, друг мой, балкарский язык ты знаешь хорошо. А вот нрав и ум балкарцев, я вижу, для тебя все еще остаются загадочными.

– Обижаете, Исмаил Наурузович.

– Не хотелось бы тебя обидеть, но я вижу – это так.

– Да...

– Да, да, да... Если б хорошо знал наши нравы и обычаи, то в данном случае поступил бы так.

– Как, Исмаил Наурузович?

– Ты знаешь – каждый балкарец, как бы он ни старался это скрыть, но в душе до шепетильности горделив и честолюбив. «Да что я – хуже него, что ли? Неужели перед жамауатом я в меньшем почете, чем он? Тейри, коль дело коснется чести!» – скажи, разве изо дня в день тебе не приходится слышать такие слова. Вот это-то честолюбие и надо использовать в нашу пользу. Скажи – что для нас сейчас самое главное, – самое важное?

– Дорога, Исмаил Наурузович. Эти несчастные хуламцы и то...

– Вот-вот! Вот теперь ты – истый балкарец! Раз ты житель Большой Балкарии, то так и должен говорить: «Да в тот день, когда мы отстанем от этих несчастных хуламцев, пусть все мы провалимся сквозь землю!»

– Еще бы!..

– Посмеялись, пошутили – и будет! Теперь о деле. Действительно, это так – каждый балкарец, непременно хочет слыть человеком доброго нрава, бесконечно любящим и свой народ, и свой род, и свою религию, готовым на все ради них; во имя их благополучия он готов пожертвовать не только скотом и имуществом – все это тлен и пыль! – но даже и жизнью, если он на самом-то деле является и отъявленным скрягой, и последним идиотом. Улавливаешь? Эта штучка в крови каждого балкарца, независимо от того, князь он или простолюдин. Черт его знает, видимо, она, это штучка, забралась в нашу кровь и плоть давным-давно, когда, наверно, народу пришлось особо туго и от каждого человека требовалось мужество, достоинство и самоотверженность. Когда это было – нам неведомо, но сегодня живет в каждом из нас отголосок того времени, и мы все хотим выглядеть достойными сынами и своего рода, и своего народа, и даже своего ущелья, села. А сегодня у нас с тобой задача совсем простая – вот эту «штучку» – гордыню и честолюбие в душе горца использовать на пользу строительства дороги.

– Но как, Исмаил Наурузович?

– Очень даже просто, мой друг. Ты уже свой человек в Большой Балкарии – скажи, в каких селах люди живут более зажиточно, люди каких сел, мест пользуются большим уважением?

– Об этом я как-то и не думал. Но, по-моему, люди из Верхней Балкарии живут более зажиточно, да и авторитета им не занимать.

– Мне кажется, кое в чем ты прав. Раз так, то и начинать сбор денег надо с Верхней Балкарии. А здесь, как ты думаешь, какое село считать более авторитетным, солидным, что ли?

– Кюннюм, Исмаил Наурузович.

– А не лукавишь, Василий?

– А что? Ты – из Кюннюма, Ахмат-хаджи – из Кюннюма...

– Тоже верно. Но посмотри, сколько уважаемых людей появилось в последнее время и в Чегет-эле, и в Сауту, и в Фардыке, какие роды – Мамаевы, Таукеновы, Сабыровы, Мусуковы, ы? Вот с таких сел, где много уважаемых и зажиточных домов, родов, надо и начинать сбор денег. Если, скажем, в одном доме с хорошим достатком дадут двадцать или пятнадцать рублей вместо

десяти – а меньше никак дать не могут! – то в другом дадут, уже подумав: «А что я – хуже него, что ли?»

Можешь начать и с Кюннума, но в первую очередь надо заходить в те дома, где люди действительно дорожат общественным мнением, своим именем и в данном случае никоим образом не проявят скупости. Улавливаешь суть?

– Улавливаю, Исмаил Наурузович. Эта загадочная штучка – горская гордыня и честолюбие! Так?

– Молодец!

– Как это хорошо – горскую гордыню подчинить в пользу строительства дороги!

– Во-во-во! Теперь ты уже мыслишь по-балкарски! Коль вздумаешь все-таки начинать с Кюннума, я тебе советую сперва зайти к Ахмат-хаджи из Мисировых или к Наурузу из Аланбиевых. Можешь не сомневаться – они тоже наделены достаточно и гордостью, и честолюбием. А этот Науруз из Аланбиевых, говорят, с самим царем Александром встречался и беседовал. А Ахмат-хаджи из Мисировых, как никак, глава тере – чести и совести Большой Балкарии! И еще – по-моему, у этого самого Науруза из Аланбиевых сын является старшиной? Посмотрим, насколько они в действительности дорожат и своей честью, и своим достоинством, и уважением жамаата – ведь они вечно бьют себя в грудь, уверяя нас, что для них все это – свято.

И оба рассмеялись...

На следующий день утром в селении Кюннум к дому Науруза из Аланбиевых неожиданно нагрянули гости. Это были писарь сельского правления Василий и староста Нижнего Кюннума Бийберт из Мырзаевых.

– Салам алейкум, Науруз! Гостей принимаете? – и, не дожидаясь ответа хозяев, Бийберт шагнул во двор.

– Алейкум салам! Заходите, ради Аллаха, заходите! – радушно приветствовал гостей старый князь, стараясь скрыть свое удивление столь ранним их визитом. – Идемте, идемте – заходите в дом!

– Спасибо, Науруз! Дай Аллах, чтобы мы заходили в твой дом всегда только по радостному случаю. Но сейчас зайти не можем – времени нет. Мы начали сбор денег на дорогу и решили доброе дело начать с доброго же дома и зашли к тебе.

– Хорошо. Спасибо и вам на добром слове. И все-таки неудобно так – зайдите в дом.

– Спасибо! Какая разница, во двор войти – все равно что в дом зайти, – потом, обращаясь к Василию: – Ну-ка, присядь сюда, приготовь ручку и чернила и начинай в добрый час!

Василий присел на дощатую скамейку у стены, приготовил бумагу, ручку и чернила.

– Сколько с нас полагается, Бийберт? – спросил Науруз.

– По десять рублей с двора на первый раз – так определили, Науруз. А сверх этого, сказали, каждый сам добавит столько, сколько для себя считает возможным.

В это время из дому вышел Исмаил и, не спрашивая, понял, по какому поводу у них гости.

– Молодцы, оллахий! Хорошее дело с утра и надо начинать, – сказал Исмаил, здороваясь. – Сколько же собирается внести в жизненно важное

дело всего жамаата, уважаемый князь Науруз, в свое время покоривший Санкт-Петербург и имевший аудиенцию у самого царя?

– Зря смеешься, сын мой, – не скажешь ведь, что этого не было?

– Я и не смеюсь, отец. Наоборот, я просто хотел тебе напомнить о том, кто ты есть на самом деле, чтобы и в таком деле, чем вы сейчас заняты, ты не забывал об этом.

– С каждого дома по десять рублей говоришь, да, Бийберт? – спросил Науруз.

– Да. Но эти десять рублей даст семья бывшего кула, у которого в базу только одна или две коровы, да с десяток овец, – ответил вместо Бийберта Исмаил.

– Ну, тогда я дам двадцать рублей.

– Эти двадцать рублей даст и любой более или менее зажиточный уздень, если ты считаешь себя равным с ним – поступай, как хочешь.

– Говорят же: «Бедного хвала погубит». Так и вы хотите лестью меня околдовать. Хорошо – даю тридцать рублей. Согласны с этим? Десять рублей – равная со всеми доля, десять рублей – за то, что, по милости Аллаха мы находим хлеб и соль, а десять рублей – за то, что называюсь князем и тем обязан проявлять особую заботу о селе, о народе. С этим ты согласен, Бийберт, доволен?

– Да будет и Аллах доволен тобой, Науруз! Спасибо тебе! Оставшееся добро твое да множится! А если будут у тебя кое-какие расходы – пусть они всегда будут только по радостным событиям!

– И вам спасибо! Да пусть начнется это дело в добрый час! – и, повернувшись к Исмаилу, распорядился: – Сходи-ка, сын, принеси.

Исмаил принес из дому кошелек отца и вручил хозяину. Тот отсчитал тридцать рублей и дал Бийберту. Василий занес в бумагу сумму, полученную Бийбертом в доме Науруза из Аланбиевых, и встал.

– Следующим к кому собрались?

– К Ахмату-хаджи зайдем. Он же, кажется, один из самых уважаемых и мудрых аксакалов Большой Балкарии.

– Не кажется, а и есть на самом деле, Бийберт. Хорошо.

– Спасибо, отец! Правильно ты сделал. То, что добавил сверх положенного, это, самое большее, три-четыре овцы. А уважение жамаата – это вещь подороже, по-моему, чем три-четыре овцы.

– Тейри, сын мой, если за три-четыре овцы можно было бы купить уважение народа, то это было бы совсем нетрудно, – сказал Науруз, заходя в дом.

Хитрость Исмаила в связи с особыми чертами горского характера, понятиями чести и достоинства, действительно удалась и принесла ощутимую пользу.

Через неделю старосты сел и Василий занесли Исмаилу собранные деньги. В Большой Балкарии около двадцати сел, в них более пятисот дворов. Около ста семей были освобождены от всяких взносов. От остальных было собрано более шести тысяч рублей. Больше всего денег внесли жители селений Кюннум, Чегет-эль, Сауту, Фардык. В этих селах редко кто ограничивался только положенными десятью рублями, большинство давали по пятнадцать, немало было и тех, что вносили двойную норму – двадцать

рублей. Оно и понятно – каждый стремился воспользоваться случаем и чуть ли не официально обеспечить себе почетное место среди уважаемых граждан Большой Балкарии. Даже и глупцу должно быть понятно, что надо уважать человека, который дал на строительство дороги в два раза больше, чем с него полагалось. Ведь новая колесная дорога, если она будет построена – станет предметом гордости и чести всей Большой Балкарии, каждого жителя ущелья, о ней будут слагать легенды и песни... Но, по рассказам старост и Василия, было немало и таких домов, где хозяева отдали на общее дело последние свои сбережения. Не так уж мало было и тех, кому приходилось занимать у соседей или родственников. А кое-кто и вовсе не смог на этот раз внести свой взнос – дома не было денег и в долг не нашли. «Домов, которые мы сами освободили от всяких расходов – около ста; домов, в которых сегодня не оказалось и десяти рублей – тоже не мало. А бедных у нас, мой друг, оказывается гораздо больше, чем мы предполагали. Вот тебе и хваленая Большая Балкария!» – так с горечью говорил сам с собой Исмаил. А если б после отмены крепостного права безземельные семьи не переселились бы в Кашхатау, Хабаз и Лашкуту? Тогда чуть ли не половина семей были бы просто бедняками – вот и все!

Если б кто-нибудь до сегодняшнего дня сказал бы Исмаилу: «Да что ты все время кичишься своей Большой Балкарией, она-то ведь наполовину придавлена бедностью – неужели не видишь?!» – он бы горячо заспорил. Он знает хорошо – если человек сегодня не смог дать десять рублей на строительство дороги, то вряд ли он найдет деньги и завтра, и послезавтра. В таком случае, когда о твоей бедности, а значит, и о несостоятельности и никчемности, по горским понятиям, – может узнать весь жамауат, горец сделает все, чтобы найти и отдать эти деньги, которые он обязан внести для строительства дороги. А если все же он не смог найти эти деньги – значит, его семья действительно еле концы с концами сводит. Исмаил это прекрасно понимал, от этого-то и болела его душа – оказывается, бедных-то семей гораздо больше, чем он предполагал.

Старосты сел вместе с Василием, чин-чином еще раз подсчитав, сдали деньги Исмаилу и разошлись по домам. Когда остались одни, Исмаил стал с любопытством рассматривать списки.

– Хаждауют из Карабиевых – двадцать пять рублей, Ахмат-хаджи из Мисировых – двадцать пять рублей, Ханафий из Мусуковых – двадцать пять рублей?! Что с ними случилось. Василий?! Может быть, вы были слишком уж настойчивы в чем-то, а?

– Да что вы, Исмаил Наурузович! Мы объясняли каждому просто и ясно – обязательный, равный для всех, взнос – десять рублей, но если кто-то имеет возможность и хочет оказать строительству дороги более ощутимую помощь, может по своему усмотрению увеличить сумму взноса – вот и все».

– Неужели все эти люди, отдавшие по пятнадцать, двадцать, двадцать пять рублей, расставались со своими деньгами действительно с чувством радости и удовлетворенности, желая внести более весомый вклад в общее дело?

– Нам об этом, Исмаил Наурузович, особо говорить не приходится. Они давали – мы брали, заносили в бумагу, как и следует – и баста!

– Скажи, Василий, а часто просили прочесть список – ну, чтоб узнать, кто сколько заплатил?

– Это уж непременно в каждом дворе! А как же? Надо же знать, кто по сколько дает, найти свою ровню и по нему, так сказать, и сориентироваться.

– Ясно, ясно... а Ахмат из Мукуковых, бедный, ничего не говорил?

– Посмотрел так, не торопясь, список, кто, мол, сколько дал и – я-то уж заметил! – от досады аж глаза у него мутными стали. Но это лишь на один миг. Потом, нагнав на себя туман эдакого доброго настроения, вытащил деньги и отдал.

– Оллахий, спасибо и ему, и другим, – хорошие деньги дали. И Джанибековы тоже... Василий, а почему не зашли к Тохтамышу из Аскербиевых?

– Заходили и к ним, но нам сказали, что он сам уехал в Хулам. Обещали сами занести в правление, как только приедет хозяин.

– Ладно, принесут, раз пообещали, – сказал Исмаил, а сам подумал: «Может быть, и у них тоже нет десяти рублей?»

Рано утром следующего дня Исмаил поехал в Нальчик, к Эрбелиани. Надо было как можно скорее начинать строительство дороги, а дел еще невпроворот. В первую очередь необходимо вызвать инженера, да и с порохом, железом уже дальше тянуть никакого резона.

...Исмаил пробыл в Нальчике почти целую неделю. И сразу же, даже не заезжая домой, зашел в правление. Василий, как всегда, возился с бумагами.

– Здравствуй, Василий!

– Здравствуйте, Исмаил Наурузович! Как дела?

– Оллахий, прекрасно. А какие у нас новости?

– Слава богу, все хорошо. Ну, расскажите – как там у нас получается? – Из складов Артиллерийского управления в Тифлисе хоть сегодня можем взять 500-600 пудов пороха. Надо будет – дадут еще. Там у них, оказывается, полно старых, уже непригодных снарядов, а в снарядах – порох.

– Мы сами, что ли, будем извлекать этот порох из снарядов?

– Да что ты! Военные такое дело никому не доверят. Наше дело – только привезти.

– Даже и не верится – неужели весь этот порох нам дадут бесплатно?

– Увидел бы ты, какие прошения написал Васо Илларионович и начальнику Терской области Арбатову, и заместнику на Кавказе! Прочитав их, и сам Иблис сжалится и поможет. Так, мол, и так, небольшой народ мирного нрава да трудолюбивый, издавна живущий в горах Кавказа, безоглядно доверил свою судьбу государю императору, а раз так, то мы, от имени Его Величества осуществляющие здесь власть, обязаны помочь ему в жизненно важном деле, и что для нас, мол, это, в сущности, пустяк.

– Но ведь так и есть на самом деле! Разве не так?

– Так-то оно так, конечно, но... И знаешь, что еще сказал Васо Илларионович?

– Что?

– Будь что будет, говорит, но попробую освободить Балкарское общество от всех налогов на два-три года.

– Да что вы?!

– Точно. И еще – обещал устроить так, чтобы инженера и специалистов по взрывным работам прислали сюда как бы по военной надобности, в командировку. Тогда мы не будем в особом убытке и здесь: ведь за наем таких специалистов пришлось бы платить немало. У Васо Илларионовича в Тифлисе есть друзья и родственники на больших должностях. А один из

родственников даже и с самим наместником накоротке, вроде нас с тобой. Вот такие дела. Неплохо, по-моему, а?

– Отлично даже! «Постарайся – и я помогу!» – так ведь сказал Аллах?

Вот вы и постарались, и Аллах помог! Куда же ему деваться, раз обещал?

Исмаил, улыбнувшись, погрозил пальцем Василию:

– Не положено напоминать Аллаху о его обещаниях, да еще в такой беспардонной форме, как это ты делаешь!

– Тоба, тоба!¹ Прошу прощения, о Великий Аллах, за мои дерзостные слова. Тоба, тоба!

– Вот то-то!

– Такие вот дела. Теперь-то уж пора, по-моему, браться за дело. «Хорошее дело – не откладывай, плохое – не начинай» – так советуют наши предки, мы так и поступим. Надо подобрать пять-шесть молодцев-джигитов и немедля, завтра-послезавтра, отправить их в Тифлис. Было бы хорошо, если бы во главе их поехал Крым. Ты подготвь доверенность на его имя. Правление Балкарского общества, мол, доверяет господину такому-то такому получить порох со складов в Тифлисе Главного Артиллерийского управления Кавказского военного округа. А с ним я сам поговорю.

– Хорошо.

– Списки обязанных работать на дороге подготовил?

– Да. Сорок списков, в каждом списке по двадцать пять человек.

– Как и оговорено, занес всех трудоспособных мужчин, независимо от того, богат он или беден, князь или кул, – всех, начиная с восемнадцатилетних и до пятидесяти лет?

– Да, всех. Всего тысячу человек.

– Хорошо. Да... Хотел что-то сказать, забыл... Ладно, завтра же здесь будешь – поговорим. Стареею, наверное, – устал, поеду домой. Чем сейчас занимаешься?

– Готовлю списки должников по налогам за прошлый год. Помните, снизу приходила бумага – сколько, мол, должников, по каким налогам, да сколько всего недособрано денег? И откуда их откапывают, эти налоги, их становится все больше и больше. Земельный налог, налог за освобождение от службы, налог на содержание шариатского суда, налог на проведение общественных дел... налог на то, налог на се...

– Ничего не поделаешь, Василий – от государства никуда не убежишь, нигде не скроешься. Сколько мы всего задолжали по налогам?

– Около трех тысяч рублей.

Тяжело вздохнув, Исмаил отправился домой. Василий, уже настолько освоивший горские обычаи, что соблюдал требования этикета уже неосознанно, инстинктивно, вышел провожать Исмаила и стоял на крыльце, пока тот не отъехал от правления.

Что в доме случилось нечто необычное, Исмаил заметил сразу же, как только переступил порог: все были какие-то радостно-возбужденные. Айшат и дочери так и летали по дому, наводя повсюду порядок и лоск, лица и глаза их сияли, да и одеты они были так, словно курман-байрам настал. «Гости, наверное, будут из Баксана или Хулама; но что за дело такое, чтобы заранее знать их приезд и так готовиться?» – гадал Исмаил. Странно – даже когда

¹ Тоба, тоба – слова раскаяния.

он, уже не выдержав, спросил напрямую, что случилось, никто не дал ему вразумительного ответа.

– Алан, что случилось, к нам в гости едет наместник Его Величества на Кавказе? Что это вы так усердно прихорашиваетесь? – спросил Исмаил у Айшат, когда они оказались одни.

– Интересный ты человек! Что, если к нам в гости не едет наместник, то и дом ни к чему прибрать – так, по-твоему?

– И все-таки что-то случилось, только ты не хочешь мне сказать.

– Клянусь Алакёз, – ничего не случилось, – сказала, улыбаясь, Айшат. А смеющиеся глаза говорят: «Очень попросишь, дашь сюйюнчюлок – скажу!»

Алакёз – одна из двух коров, которых держат в доме Науруза. Когда Айшат вынуждена во время то ли какого-то розыгрыша, то ли шутивного рассказа поклясться, то она всегда клянется именем Алакёз.

– Но ты же хорошая девушка – скажи! Кому же еще скажешь, если не мне? – упрасивал Исмаил, привлекая ее к себе

– Что ты делаешь – вдруг кто-нибудь из детей зайдет?! – всполошилась Айшат, отстраняясь от мужа. Потом, положив обе руки на его плечи, слегка придавила – пригнись, мол, скажу на ухо.

Исмаил нагнулся, и она зашептала ему на ухо:

– Тебя ждем – посылаем сватов, собираемся женить твоего сына!

Исмаил удивленно уставился на нее.

– Не веришь?

– А кто девушка?

– А ты до сих пор не догадался? Дочь Крыма из Карабиевых – Нюржан.

– Да иди ты!

– Куда же мне идти? В Баксан? – засмеялась Айшат

Исмаил от удивления покачал головой:

– Не ожидал я от него такой прыти. И они что – любят друг друга?

– Алан, что ты за человек – кто же посылает сватов, если парень и девушка не пришли к согласию, не любят друг друга?

– Почему же нет? Что делать, если парень стеснительный, робкий. А наш, по-моему, не очень-то бойкий. И как это он осмелился говорить с девушкой – не представляю!

– Это почему же? По милости Аллаха, он вроде не немой, – сказала Айшат. А потом: – Не в обиду будет сказано, но сын-то, по-моему, оказался бойчее, чем ты, – добавила она. При этом озорно улыбнулась и глянула в глаза мужа.

– Да ну? Можно подумать, что тебя привели ко мне за руку какие-то люди, – отпарировал он, вспоминая дни своей женитьбы.

– Аллах един – если б не старший парень, неизвестно, как еще сложились бы твои дела, дорогой.

«Старшим парнем» она звала Хамзата. Правда, Хамзат был давним другом Исмаила и когда в доме Батырбиевых в Баксане появились сваты из Большой Балкарии, посланные родом Аланбиевых, он сразу же заявил родственникам: «Дело надо сделать». Конечно, Хамзат в своем роду пользовался большим авторитетом, и слово его было весомо, но вряд ли могла состояться свадьба, если б не приглянулся самой Айшат статный молодой офицер с золотыми погонами: ведь в роду Батырбиевых еще не было случая,

чтобы выдали девушку замуж против ее воли. Именно это имея в виду, ответил ей Исмаил просто, но ясно:

– Говори, говори!

– Сейчас отец может позвать тебя – я пошла, – сказала Айшат и, правив чуть сбившийся платок на голове, вышла из комнаты.

Так и остался стоять Исмаил посреди комнаты. Весь охваченный радостной новостью. До чего же удивительная эта жизнь: словно все случилось только вчера, он помнит до мельчайших подробностей свою свадьбу, и вот – пожалуйста! – уже готовится свадьба его сына! Перед его глазами стоит картина – годовалый Алимчик, проснувшись, сам освободил свою правую ручонку и, разглядывая пальчики, что-то бормочет, как же поверить тому, что с тех пор прошло не двадцать только дней, а двадцать лет!

Исмаил и сейчас явственно ощущает тепло крохотного тельца сына сквозь ситцевую рубашонку, что чувствовал тогда, когда Айшат, встав с постели и накинув на себя халат, взяла его из люльки и, укладывая на то место, откуда только что встала сама, ласково говорила: «Полежи-ка здесь, сыночек, в тепле, пока я оденусь». Жизнь, оказывается, обманчивая штука, как и весеннее солнце – обворожит человека на миг светом и теплом и тут же спешит к закату!..

Мысли «провели» Исмаила в дом, где жила девушка, которую, видно, полюбил его сын. Как эту весть воспримет, интересно, Крым? Вот если б он не был старшиной, когда Исмаил вернулся с войны – тогда обстоятельства сложились бы, конечно, куда проще. В Большой Балкарии каждому было ясно, что Крыму не очень-то было приятно, когда на его место старшиной сразу же избрали Исмаила. Пусть и ни словом нигде не обмолвился об этом Крым, но по его холодно-официальному тону во время редких встреч с ним чувствовал это Исмаил. И то правда, что Исмаил при встрече с Крымом всегда старался вести себя любезно, говорить с ним вежливо, всячески стараясь не задеть его самолюбия. Не оттого, конечно, что Исмаил боялся Крыма или же каких-то неприятных поступков с его стороны, нет – просто потому, что так именно и должен вести себя любой порядочный человек, окажись он на месте Исмаила. Конечно же, в том, что между ними сложились не очень-то дружеские отношения, Исмаил своей вины не видел, но все равно было неприятно. Раньше он не придавал особого значения тому, что Крым его не очень-то привечает, но сейчас это его начало беспокоить – как бы этот пустяк не стал неодолимым препятствием меж двух молодых любящих сердец. «Да что ты – уж так-то он, наверное, не поступит, взрослый ведь мужчина и не дурак, – успокаивает сам себя Исмаил. – Нет, не может он быть настолько неразумным. Если даже и не будет он рад в душе, но сказать прямо: «Нет, этому не бывать!» – он не сможет...

И тут в комнату вошла Алтын и радостным голосом сообщила:

– Отец, тебя дед зовет.

– Сын, ты слышал новость? – спросил Науруз, едва Исмаил переступил порог.

– Что за новость? – сделал вид Исмаил, что ничего не знает, тем самым пытаясь скрыть несколько суетную поспешность жены, уже успевшей ему сообщить обо всем, что несколько не соответствует высоким требованиям этикета, предъявляемым в княжеском доме.

– Как так? Джигиту-то нашему собираются дочку Крыма сосватать,

женщины чуть ли не летают по дому от радости – разве келин не сказала тебе об этом?

– Да, да! По-моему, она что-то такое говорила, но я с дороги как-то не обратил особого внимания. А что – это действительно так?

– Меня прямо за горло взяли, оллахий, – говорят, уже на этой неделе надо сватов засылать. Что скажешь обо всем этом?

– Что я могу сказать, отец, – поступай, как считаешь нужным. Кажется, девушка хорошая, неплохо воспитана, не стара, не хрома – ни к чему не придерешься. Что еще мне сказать?

– Судя по их разговорам, парень и девушка знают друг друга, и она дала ему слово, так что от нас ничего сложного и не требуется – одобрить выбор нашего джигита и засылать сватов. Что скажешь?

– Я же уже сказал, отец, – поступай, как считаешь нужным.

– Ну, раз так – да начнется это дело в добрый час. А Крым сам, интересно, знает ли?

– Оллахий, ничего не знаю, отец.

– Крым – парень с несколько крученым характером, по-моему. Как бы он, в отместку тебе, не заупрямился.

– Как же можно?! Разве в таком деле на подобные мелочи стоит обращать внимание? Ведь речь-то идет о счастье его же дочери!

– Кто его знает, сын мой. Вот эта-то мелочь и тревожит меня немного.

– Говорят: «К девушке сватаются многие, увозит – один». Так что, пошлем сватов. Если даже и скажут «нет!» – это не позор.

– Но и не слава, сын. Это ты и сам хорошо знаешь.

– Тогда что же?

– Да эти шайтановы дочери, женщины, должны были заранее кое-что выведать. Намекнуть как-то, вроде в шутку что-то сказать.

– Раз дети сами нашли согласие, так или иначе нам все равно придется засылать сватов. Пусть лучше пойдут, как обычно, – и все. А там посмотрим. Как считаешь?

– И то правда – мы-то не против, чего мы должны колебаться? Хорошо, пусть будет так. Кого пошлем? Может, стоит вызвать одного из братьев келин?

– Сперва, наверное, достаточно будет, если сходят Алий-Солтан и Ахмат. А там, коль дело дойдет до помолвки, позовем и остальных, кого надо. Стоит ли заранее, даже не зная, чем все закончится, растрезвонивать об этом аж до самого Баксана?

– Хорошо, – сказал Науруз, согласившись с Исмаилом, и обернулся к младшему сыну, который в совет отца и старшего брата особо не вмешивался:

– Сходи к Сафару и к Алий-Солтану – пусть завтра к полудню придут к нам, а то еще с утра уедут куда-нибудь.

– Сейчас же пойти?

– Иди.

Шамиль тотчас же ушел.

На другой день задолго до полудня чуть ли не все, кто принадлежал к роду Аланбиевых, прослышав радостную новость, собрались в доме Науруза.

Вместе с Алий-Солтаном в качестве сватов решили отправить и старшего сына Сафара Ахмата, и сына Фазий – Бекболата. Алий-Солтан – один из старших в роду Аланбиевых, а Ахмат и Бекболат – двоюродные дяди джигита. Вполне солидная делегация.

– Ноги вашей чтобы здесь не было, пока не исполните своего долга! Так, клянусь Аллахом! – рассмешив всех, торжественно заявила Фазий.

– Аллах милостив и справедлив, Фазий, – с Его помощью, будем надеяться, все будет хорошо, – ответил Алий-Солтан.

– Да и особо там не расслаживайтесь – мы все ждем вас.

– Лишь бы дело сладилось...

– Сладится, куда ему деться. Учтите – если сваты будут настойчивы, даже ступа пойдет замуж. Будьте молодцами – будьте настойчивы. В добрый путь – да поможет вам Аллах!

Алий-Солтан и его товарищи, неспешно, как и положено послам, направляющимся с очень важной миссией, стали спускаться вниз, к мосту через Черек-реку, за которой и находилась страна Ышканти, где жила принцесса Нуржан...

...Они вернулись, как и ожидали, к вечеру. И как только они вошли во двор, были тут же атакованы нетерпеливой женской половиной дома – во главе с Фазий.

– Ну, как дела?

– Что сказали?

– Дали согласие?

– Да что вы, на самом деле, дайте хоть отдышаться с дороги! – запротестовал Алий-Солтан, присаживаясь к Наурузу, терпеливо ожидавшемуся подробного рассказа главы посольства.

– Рассказывай, как вас приняли, что ответили? – спросил Науруз, и все притихли.

– Оллахий, встретили очень даже приветливо, ладно говорили. Нам повезло – Хаждауют как раз сидел во дворе, когда мы пришли.

– А Крым был дома?

– Да, он тоже был дома. С родственниками, с родом посоветуемся, сообщим девушке, ответили. Вы не тот дом, чтоб мы избегали родства с вами, сказали. Что еще надо? Не скажут же – спасибо, что пришли, а то мы вас совсем уж заждались, вот вам девушка – забирайте хоть сегодня!

– Хорошо. Но вы, наверное, почувствовали, – каково было их настроение? Рады были вам или как?

– Оллахий, ничего такого, чтобы нас огорчило, мы не заметили – все было нормально. Конечно, Крым немного замкнутый человек, понять его душу трудно, а что касается самого Хаждаюта, то он, чувствовалось, вполне одобряет наше дело. Хороший он, все-таки, человек, оллахий. Вы, говорит, такой род, такой род – до небес поднял наш авторитет. Можете считать, что дело идет на лад.

– Да буду я жертвой во имя Аллаха! Мой орленок начал себе гнездышко свивать! – не может от радости усидеть на месте Фатимат.

А младший сын Сафара Хаджи-Мурат кинулся к себе домой – сегодня еще с утра Алим находился у них. Ему, уже жениху, не полагается в такой день быть дома, торчать перед глазами всех родственников, и в особенности деда и отца.

Залина ШОМАХОВА

МАДОННА

Рассказ

Имеющий душу поет песню

По убогим улицам, будто делая их еще невзрачнее, медленно идет старик, опираясь на посох с острым железным наконечником. Редким прохожим, видящим его старую, грязную, изодранную одежду, конечно, старик кажется неприятным. Ночью прошел дождь, и бедняга испачкался. Солнце, выглядывающее в просвет между лохматыми тучами, – знак того, что распогодится, это радует, но пока оно греет неважно.

Подобно тому как ночью в небе рассыпаются звездочки, город заполняется людьми. Они разбегаются. Все спешат быстрее закончить свои дела. Один только старик не торопится. Он наблюдает за пробегающими мимо. Иногда громко разговаривает, ругается в адрес некоторых молодых людей, выказывая недовольство их поведением, манерой одеваться. Не стерпев, он бросил вслед прошедшей девушке: «Бессовестная!». Да и сама девушка так на него посмотрела, что если бы можно было убивать взглядом, то бедный старик тут же и упал бы замертво. Он высоко поднимает правую руку и твердо ставит перед собой посох, асфальт под ним издает звуки, подобные стуку женских каблуков. Старик идет, не спеша, да и куда ему спешить? Ни дома, ни очага. На целом свете у него не осталось ничего, кроме одежды, что на нем, и его старого посоха.

Нет ничего хуже одиночества. Оно угнетает и тело, и душу. Так можно и с ума сойти, – с попутчиком, в крайнем случае, можно поговорить. Он слышал, что где-то здесь живет одинокая, как он, женщина, поэтому и пустился в путь, имея намерение найти ее, чтобы жить вместе.

Путник пытается о чем-то спросить бегущих впереди своей тени людей, но никто не разговаривает с ним, его словно не замечают.

Он подходит к продуктовому киоску.

– Дед, ни чая, ни хлеба сегодня тебе дать не смогу, – говорит продавщица, которую спозаранку явно кто-то разозлил.

– Мне не надо ни чая, ни кефира, ни сладостей. Если можно, я хотел бы кое о чем тебя спросить, – говорит старик, немного повысив голос.

– Если так, спрашивай, – смягчается продавщица.

– Я слышал, где-то здесь живет женщина, подобно мне, бездомная, без очага, беззащитная... – В этом месте старик делает многозначительную паузу, давая понять, что не забыл собеседнице недавнюю обиду. – Не знаешь ли ты, уважаемая, где бы я мог ее найти?

– А-а-а, ты, наверно, говоришь про Мадонну, – и продавщица, выйдя

из своего магазинчика, объясняет старику, куда следует повернуть, для большей наглядности показывая направление рукой.

Старик долго благодарит и продолжает свой путь, в походке его заметно прибавляется уверенности.

– Сохрани Господи, видно, что человек хороший, воспитанный, однако вон, смотри, что с ним жизнь сделала, – бомж, – вздыхает продавщица, глядя на удаляющуюся тщедушную фигуру.

Когда он подходил к парку, его встретил звонкий разноголосый птичий щебет. И как они не устают? Пока ты делаешь что-то для души, твой внешний вид, твоя душа, твоя речь становятся красивее. Вдалеке, окруженное высокими деревьями, показалось небольшое строение, крытое соломой, назвать его человеческим жильем можно было с большим сомнением. Старик подошел ближе, снял свою лохматую шапку и рукой зачесал наверх еще более лохматые волосы, сокрушаясь, что нет расчески. Затем долго отряхивал грязные штаны, безуспешно пытаясь придать им приличный вид. Откуда ему знать, что для той, к кому он шел, внешний вид давно уже ничего не значит?

По мере приближения к «домику» он с интересом осматривался. Хорошее место она выбрала для жилища, безветренное, укрытое. Когда он подошел совсем близко к дому, из зарослей выбежала собачонка и визгливо залаяла, кидаясь на него. На шум из дверного проема выглянула хозяйка.

– Эй, чего тебе? – крикнула охрипшим голосом. – У меня ничего нет, я и себя-то еле-еле могу прокормить!

Старик всматривался в женщину. По правде сказать, в ее внешности не много того, что может понравиться. Ростом и сложением она напоминала японку, только согнутую в пояснице, с седыми грязными волосами, остриженными даже еще короче, чем у старика. А об одежде можно было и не говорить. Несмотря на лето, на ней было надето множество вещей – одна поверх другой. «Похожа на меня, все свое имущество несет на себе», – подумал гость. Подойдя поближе, сказал:

– Мне не милостыня от тебя нужна, у меня дело к тебе есть.

От хозяйки домика явственно несло спиртным. «И этому, должно быть, имеется своя причина», – подумал он, видя, как озадачилось ее лицо.

– Ничем не смогу тебе помочь, разве ты не понял? – В голосе женщины появились угрожающие нотки, взгляд ее метнулся вниз, к лежавшей рядом увесистой палке. Женщина быстро нагнулась и взяла палку в руки.

– Нет, нет, я не причиню тебе вреда, – выставил перед собой ладони старик. – Не беспокойся, я одинокий путник, без семьи, без дома... – Он пытался поймать ее злобный взгляд. – Душа душу ищет, одиночество укорачивает жизнь...

– Так ты что, хочешь отобрать мой дом?! – хозяйка с размаху ударила гостя своим суковатым оружием.

Старик попытался увернуться и упал. Видимо, одумавшись, женщина затащила его под крышу. Насколько бы пьяной, выжившей из ума она ни казалась, а все-таки женская душа слаба. Приказав собаке сторожить, хозяйка оставила свое пристанище и пошла прочь, спеша так, будто ее ждет какое-то большое и важное дело.

Гость проснулся с тяжелой головой, голодный. Сначала он не понял,

где находится, однако, увидев собаку, вспомнил. Осмотрел жилье. Да, эта женщина явно не обделена силой, если смогла установить в земле четыре сваи, из жердей и хвороста соорудить подобие стен и накрыть все это ветками, соломой, картоном – всем, что подвернулось под руку. «Дом» – это звучало бы слишком значительно для нищенской лачуги. Над самой головой крышу пробивало солнце, слепя глаза. Наверняка сквозь нее просочился и ночной дождь: он только сейчас понял, что рваный и грязный матрац под ним мокрый. Потирая рукой голову, он вышел наружу и огляделся. Наломал веток с деревьев, стоящих вокруг, принялся чинить худую кровлю. Вынес мокрый матрац – просушиться на солнце, затем долги, старательно дергал руками траву и заросли колючих растений, обступивших хибарку. Когда же, закончив дела, присел передохнуть, и уставшее солнце уже закатывалось за край неба. «Оно тоже выполнило свои дневные обязанности», – подумал старик и только теперь вспомнил, что уже несколько дней так толком ничего и не ел.

В сумерках, как обычно, с песней впереди себя, вернулась хозяйка. Она то понижала, то повышала свой голос, выводя слова песни: и не подумаешь, что это она грубо и хрипло кричала на него утром.

В руках у нее был кусок хлеба, половину которого тут же отломил и протянул гостю, строителю-исправителю.

– Откуда ты это взяла? Выклянчила?

– Я не клянчу!

– Чем же ты тогда живешь?

– Ты считаешь, что я живу? – ответила она и вдруг прослезилась. Отломил от своей доли хлеба большую часть и протянул жизнерадостной лохматой собаке.

Некоторое время все трое усердно пережевывали неизвестно как добытую еду. Затем женщина, видимо, собравшись с силами, твердым голосом произнесла:

– Уходи!

– Почему? Я думал, мы будем жить вместе. Видишь, я и домик твой подправил...

– Спасибо, конечно, но мне привычнее жить одной.

– Нет ничего хуже одиночества... – начал было старик.

– Я привыкла... – повторила она жестко, но взгляд ее выдавал тоску.

– А вот мне как будто не хватает воздуха, когда один. Кто одинок, тот несчастен...

Оба примолкли и некоторое время сидели тихо, задумавшись каждый о своем. Первым нарушил молчание гость:

– Я – Инал, – сказал он и протянул женщине худую жилистую руку. Она смущенно опустила взгляд.

– Очень приятно, а я – Маржан.

И они улыбнулись друг другу.

– Странно, мы сейчас разговариваем как те люди, которые живут в красивых и благополучных домах.

Снова установилась тишина. Они сидели на ящиках, выброшенных, очевидно, из ближайшего овощного магазина. Лица их были сумрачны – колючие воспоминания раздирали души. Взгляды устремлены в неведомые

закоулки жизни, которая не станет чистой, хоть стирай ее в тысяче рек. Кто знает, по каким ухабистым путям судьбы бродили их мысли.

Наступила ночь, настало и утро. Время размеренно и равнодушно выполняет свою миссию. Оно не виновато в том, что свет покинула душа, что где-то плачет брошенный ребенок, кто-то голодает, кто-то проводит ночь на холодной земле, – все это его не касается.

Новый день всегда чист и красив. Мир живет, наряжается, люди радуются жизни. Радуются все, кроме тех, кто прозябает в бедности и несчастье. Да и отчего им не радоваться? Им нет дела до бездомных, до тех, которые – как они думают – сами опустили на дно жизни. Как будто есть хоть один человек, неподвластный превратностям судьбы. А разве думали бездомные, во что может обратиться их некогда счастливая и беззаботная жизнь? Душе свойственно надеяться на лучшее, и люди, в каких бы условиях ни находились, продолжают жить этой надеждой.

Надеясь на чье-то сострадание, отправились в путь и Маржан, и ее новый знакомый Инал. Спасаясь от одиночества, зажили в нищенской лачуге вдвоем. Им не приходится заглядывать в завтрашний день, они живут тем, что приносит день сегодняшний. Утром расходятся в разные стороны на охоту. Кто знает, в какой стороне ждет тебя удача.

Инал иногда думает о женщине, ставшей ему спутницей. «Хоть и неказиста она с виду, – неспешно тянется мысль, – зато душа хорошая. Да и каков смысл внешности? Многие люди проводят жизнь, не имея иных дел, кроме как забота о внешности, одежде... И я до какого-то времени был в их числе, однако, размышляя теперь, не вижу никакого смысла в этой самой внешности...»

Маржан – где-то в стороне – запела, звонкая, мелодичная песня разливалась в густом послеобеденном воздухе... А когда пение затихло, послышалось подражание птичьим голосам: то воркование голубей, то беспокойное стрекотание ласточек, сидящих на проводе, словно бусы. Старик, развлекая себя, подражал птицам, которых видел вокруг, и делал это настолько искусно, что можно было подумать – язык пернатых знаком ему с рождения.

Несмотря на то, что близился вечер, особого «улова» у старика не было. Печенье, брошенное кем-то, он схватил, опередив птиц, только то и имел. Держал, крепко зажав в руке, соблазняясь съесть и все же решив сохранить для Маржан. Ныли уставшие за день ноги. Какая-никакая, а у него теперь семья, и он, как мужчина, обязан был обеспечивать ее необходимым. Но не особо у него это получалось – не было привычки «охотиться» на городских улицах. Когда он вернулся домой, печенье уже совсем раскрошилось. Однако женщина, для которой он припас это лакомство, похоже, не очень-то в нем и нуждалась. Она лежала на своем матрасе в хибарке и, судя по бессмысленному выражению глаз и резкому запаху, была сильно навеселе.

– Это что такое? – недовольно пробурчал старик.

– Это? Это, как видишь, женщина, – ответила Маржан и громко, с вызовом, рассмеялась.

– Ты что, выпила?

– Да, представь себе! А если не нравится, убирайся! Не ты первый, не ты последний, меня многие уже бросили...

Инал только вздохнул и бессильно опустился на ящик, служивший в хибарке стулом.

– Я сегодня целый день кружил по городу, ничего найти не удалось. Как же это у тебя получается, что ты и выпивку покупаешь?

– Ну, если бы ты тоже умел танцевать, что-нибудь получил бы. Дурачься, пой песни, танцуй, и люди отблагодарят...

– Терпеть не могу пьяных женщин, – прервал ее наставления измученный старик.

– Пьяных женщин, говоришь? Что ты понимаешь в том, отчего я пью, если бы не это спиртное... благодаря ему я, дожила до сегодняшнего дня.

– По-твоему, выходит, спиртное продлевает жизнь? Интересно!

– Ты таких, как я, не встречал, поэтому удивляешься.

– Это каких?

– Брошенных, униженных, обманутых... – заплакала Маржан во весь голос.

– У меня тоже нелегкая судьба. В молодые годы я жил, думая, что не состарюсь, осмеивая тех, у кого есть семья, дети, их кабалу. Я состарился, теперь все стали осмеивать меня. Нельзя никого винить, я всего лишь стал жертвой своей глупости.

– О чем ты говоришь, дети, семья? У меня-то было все то, о чем ты мечтаешь, мне казалось, что лучше меня никто не начинал жить.

– Счастливая, у тебя была семья. Что же случилось?

– Случилось?! Мой супруг был одержим машиной, и стал жертвой своей одержимости, оставив сиротами меня и сына, как две капли воды похожего на него. Хорошо жили, пока не вырос тот, на кого я надеялась, что станет опорой на старости лет, потом...

– Пусть простит Бог его грехи. Не должно родителям хоронить своих детей.

– Если бы умер он – мое счастье, в крайнем случае, сказала бы, что нет его больше у меня, и все дела. А сейчас что, не знаю, когда ложится, когда встает, что ест, чем занимается. Если то, что я стала такой, по большей части его вина, переживаю, что с ним может случиться какая несправедливость.

– Если жив, бросив тебя, где находится?

– Где он находится, кроме Аллаха никто не знает, но то, что я ему нужна, и он меня бросил – правда. Я обучала детей в школе песням, дети меня любили, и я ни с чем в мире не сравнивала свою работу и коллег. Но вернулся мой сын, который, не находя здесь работы, поехал работать в Москву, заработав хорошие деньги, сказал, что и меня туда отвезет. С его слов, он купил бы нам там дом, но ему немного не хватало. Это «немного» составляло полную стоимость нашего дома. Таким образом, долго не думая, продала я наш дом и все находящиеся в доме вещи, отдала сыну и отпустила назад, в Москву, чтобы купил там дом. Я осталась у родственников, пока он не даст знать. Что есть хуже, чем находиться в чужой семье? В скованном и стесненном состоянии прошел месяц, вслед

за ним второй, пошел следующий год. Кто будет столько тебя терпеть, наскребла все сбережения и сняла квартиру. В беспокойстве за дитя мне не было дела до себя. Каждую ночь видела его во сне, что только не выдумывала. Сердце матери много сопоставляло, вставала я или садилась, не было у меня дум кроме него. Если хочешь довести до изнеможения мать, сделай нечто подобное, что сделал он со мной.

Сын пропал. Убеденная, что вернется, я долго ждала, но откуда мне было знать, что мой сын безвозвратно бросил меня. Я не могла поверить, что сын, которого родила и вырастила, со мной так поступит. Поступил. Ему совесть позволила, но мне не позволяла, чтобы обо мне говорили, что рожденный ею бросил ее. Пока хватало сил, я терзала себя, не находя своей вины, не вспоминая, где я упустила его. Если время и трудности не влияют на отсутствие совести, то здоровье они забирают. Мне сложнее стало работать, справляться со своими обязанностями, моя сила, подобно смываемой водой глине, убавлялась. Прележав неполный месяц в больнице и выписавшись, я обнаружила, что работа потеряна, из квартиры меня выселили, и родственникам не нужна. Сев на скамейку, стоявшую у самого входа в парк, я хорошенько поплакала, слезы обессилили меня, я прислонилась и заснула. Когда проснулась, уже настало утро. Я испугалась – рядом, одетый вот как мы, сидел мужчина. Он положил мою голову себе на плечо, уверенный, если шевельнется, то я проснусь. Как говорится, сердца чувствуют друг друга, видимо, ему стало жалко меня, поэтому и беспокоился. В то время я щеголяла, одевалась с иголки. Поэтому, мне был неприятен сосед, немного им брезговала. Откуда мне было знать, что меня ожидает впереди. Как оказалось впоследствии, он был интересный человек, превращающий в веселье и диковинку любой мрачный день.

– Что у тебя еще болит, кроме души? – это был первый вопрос Османа.

– Убивает жизнь, в которой отсутствуют любовь и сострадание, – отвечаю в унисон тому, что читается на моем лице. Не боясь, что разболтает и, не стесняясь, я рассказала обо всех навалившихся на меня бедах. Он понял меня, да и как было не понять, все мы похожи. В его глазах я увидела жалость, чистоту души, человечность, сочувствие. Поэтому, наверное, я и пошла за ним.

Постепенно свыклась с бездомной жизнью. Трудно, правда, но еще труднее увязываться за тем, кому ты не нужен. Осман развлекался спиртным и сигаретами, и я, когда злилась, выпивала, так к спиртному и пристрастилась. Иначе разве я выжила бы в этом аду? Выпивала, и жизнь, и люди становились хорошими, все становилось на свои места. Осман говорил, что развлечет меня, и брал на прогулку, хоть у нас не было денег на роскошные молодежные вечеринки, мы становились у порога и танцевали сколько душа пожелает. Когда нас замечали охранники, мы убегали, словно дети, поскальзываясь, обветривая лица, мы бежали вплоть до дома.

Подобным образом мы согревались и переносили холода. Сколько я ни звала, ни подлизывалась, ни проливала вслед слез, покинувшее меня счастье даже не обернулось. В конце концов, я посчитала, что у него вместо сердца камень, и не беспокоила больше ушедшее очень далеко, уже едва видимое счастье, да и оно меня не искало.

Теперь я от него отвыкла и не завидую правильной жизни, дому, семье, многому другому, к чему стремятся, в чем видят смысл своей жизни женщины...

– Слушаю тебя и завидую. Словно ты прочла интересную книгу и пересказываешь ее. Находишь, что рассказать, я-то что, моя жизнь прошла однообразно.

Оба печально улыбаются. Хоть судьба не разрешила радоваться, сердце раздавлено тяжелейшим камнем, оба радуются назло всем, кто обошелся с ними несправедливо и бросил их. Задыхаясь, они громко смеются. Слезы и раскатывающийся смех соперничают друг с другом, наконец, усталость берет свое...

Уставшие то ли от смеха, то ли от навеянных дум, они как уселись, мягко прислонив головы одна к другой, так и проснулись утром. Рассвет застал их с посиневшими губами и заочечневшими телами. Они привыкли уже к подобному, это и была их жизнь.

Хоть осень только наступила, стало холодать. У красавцев деревьев листочки, свидетельствующие о старости, желтые. Словно опаздывая на работу, Инал вскочил спозаранок. Нет, он не выпался, его разбудил холод.

– Что с нами станет зимой? – сказал, согревая дыханием руки.

– До этого дожить надо.

– А почему бы и не дожить?

– Холод, как ты понимаешь, и голод...

– С этим мы как-нибудь справились бы, но меня беспокоит твоя привычка, очень пагубная привычка.

– Я не смогу бросить спиртное и сигареты.

– Куда делся тот, кто тебя настолько к ним пристрастил?

– Умер.

– Поплатился, тебе же говорю, не слушаешься.

– Поплатился из-за меня. Как-то зимой это было: он пожалел меня и накрыл своей шубой, а сам ночью замерз. Жизнь безжалостна. Мое бы счастье, если бы я опередила его, и этот меня оставил. После того случая я и вовсе оказалась в незавидном положении. Стали меня притеснять, и мне же подобные обокрали меня. Растащили все нажитое нами с Османом, с теплыми вещами в придачу. С тех пор я ношу все, что есть у меня лучшего, на себе. Я потому в тот день так с тобой обошлась, что подумала: и ты собираешься отобрать у меня что-нибудь.

– Не переживай, теперь к нам никто не вломится.

– Кроме бедности и тревог.

– Хватит, сколько мы видели тревог и несчастий, если все их количество на свете не создано только для нас двоих.

– Хватит уж, однако сколько раз не совпадали наши слова и то, чем наделил нас Аллах!

– Давай думать о хорошем, ждуть. Ну-ка, домохозяйка, приготовь мне гедлибже с мамалыгой, приготовь-ка так, как ты обычно делаешь.

– Есть готовое жареное сухое мясо.

– Это хорошо, ставь на стол с пастой в придачу.

– Хватит, – Маржан засмеялась, – чем играть, лучше поищем что-нибудь съедобное, сильно сосет под ложечкой.

Мир не жалеет солнечных бликов, с деревьев мягко опадают разноцветные листья. Они задевают лица, тела и, словно поздоровавшись, падают вниз, превращаясь в подошву обуви. Не опавшие будто завидуют опавшим, смотрят вниз, выкатив глаза. Инал и Маржан идут, держась за руки, притихнув, слушают песни пропадающих листочков.

– Мадонна, спой мне песню, – кто-то обращается к Маржан.

– Заплати ее цену.

– Не зазналась ли ты?!

Без слов Маржан опускает голову и продолжает путь дальше.

– Пойдем сегодня ко мне на работу, – говорит Маржан.

– Куда?

– Где есть побольше людей.

– Будешь песни петь?

– Я буду петь, ты будешь собирать деньги.

– Тебе дадут столько денег, что не сможешь одна собрать? А если ничего не дадут?

Маржан ничего не ответила ему, так как такое тоже случалось. Доходят и останавливаются. Она начинает петь. Кто-то пододвигается, а кто-то бросает деньги и уходит, возвращаясь к своим делам. Иногда перебивают: Мадонна, спой это, спой то, кричат они, а эта и готова. А Инал увидел, что денег прибывает, расчувствовался и пустился в пляс, веселя зевак.

Сегодня им повезло. Они зашли в магазин, купили, сколько вышло, еды. Такое не часто случается.

– Почему тебя называют Мадонной?

– Что, не знаешь? Она известная певица.

– Как ты?

– Куда ей до меня!

Оба смеются. В последнее время на их лицах вновь светится радость. Вернувшись, накрывают на стол. Не спеша, словно сидят в ресторане, начинают есть, разыгрывается аппетит. Наевшись до отвала, не оставили без доли и собачку, принесли и ей. Это было большой удачей. Каждый день они надеются на такое. Немного поев, после трудов, разве почувствуешь холод, – они уснули.

Вышедший поутру Инал был обескуражен. Вблизи их домика сидел, небрежно что-то делая, кудрявый мальчишка.

– Доброе утро! – окликнул его Инал.

– Подожди, не беспокой меня сейчас, – просит на русском языке утренний гость.

Инал осматривает парня, пытаясь понять, кто он. Интересно, кудрявые волосы настолько длинные, что попадают в глаза, голубые глаза блестят на солнце. Сам худенький, рисует левой рукой. Явно то, что он сильно увлечен своим делом. Его шарф слишком длинный и мешает, разозлившись, он его дважды перебрасывает за плечи. Инал заходит сзади, пытаясь понять, что он там рисует. Оказалось, на рисунке были деревья и их домик, которые он никогда не представлял такими красивыми. Что интересно, верхушки всех деревьев, стоявших тут, будто переплелись и перешептываются. Казалось, они договорились охранять дом.

– Красиво у тебя получилось, – улыбнулся Инал. – Кто ты? И что здесь делаешь в такую рань?

– Я художник, – охотно ответил незнакомец. – «Жизнь сегодня» – так называется моя работа. Я стараюсь показать, что может случиться с людьми, если они не будут держаться вместе, не будут опорой друг для друга.

– Да поможет тебе Бог, – тихо сказал старик и отошел печальный. Слова парня вонзились в него, словно нож; не то, что разговаривать, из-за ставшего в горле кома даже слюну не мог проглотить. Конечно, он понял, что примером брошенного, находящегося в наихудшем положении ставят его. Он и сам это уже давно осознавал, но...

Мадонна, вышедшая с зажженной сигаретой, считала, что судьба балует ее, так как вечером наелась, и еще курево осталось. Это и надо было ей для счастья и утешения. Увидевший ее художник долго на нее смотрел, потом, смущаясь, подошел и попросил разрешить сделать ее портрет.

– Мне некогда, надо на еду заработать, – не поддалась Мадонна, хотя предложение художника ей польстило.

– Я дам тебе ее цену, – не уступал тот.

– Сколько?

– Сперва немного на еду... а если сделанный мной портрет им понравится, дам то, что заслуживаешь.

Договорившись, принялись за дело. Сначала парень, не отрывая глаз, оглядел женщину, затем начал рисовать. До полудня он работал над портретом, а Маржан сидела, боясь пошевелиться. Когда настало послеобеденное время, парень выбросил все, что сделал.

– Не получилось так, как я хочу, – он потер уставшие глаза. – Завтра принесу твои деньги, и еще поработаем. – Собрав свои принадлежности, художник заспешил к выходу из парка.

Инал подобрал брошенный на землю большой лист бумаги. Портрет Мадонны, как ему показалось, был сделан – лучше некуда.

– Не знаю, почему это ему не понравилось, – ворча, Инал занес портрет в дом и пристроил на стене.

– Не трогай его, – донесся снаружи голос Маржан, – больше заработаем.

На второй день парень долго не заставил себя ждать, видно, не любил опаздывать. Кроме сундучка, в котором лежали его инструменты, он держал большую сумку, в которой была еда. Голодному человеку не нужно особое богатство, ему нужна доля хлеба. Трое, собачка четвертая, сели и плотно позавтракали. Затем парень вскочил, без слов приготовил свои вещи, усадил Мадонну и принялся за работу. Собачонка, скуля, подбежала и уселась рядом.

Портрет был завершен, когда солнце уже закатывало глаза и одолевал сон. Беспокойная собачка мягко приложила свою голову к ноге Мадонны и тоже заснула. Хмуро разглядывая сделанное, парень, наконец, облегченно вздохнул: портрет явно удался, как он и хотел.

– Получилось? – тревожно спросила Маржан.

Парень, оживленный и радостный от нахлынувших новых мыслей, без слов протянул ей портрет...

– Это... это я?.. – недоверчиво спросила женщина.

– Да, я тебя так вижу.

– Но почему ты сделал мои волосы длинными, белыми, я давно уже не могу ухаживать за длинными волосами.

– Это твоя душа, Маржан, сколько бы тебя ни втаптывали в грязь судьба и мир, твоя душа осталась светлой, подобно чистому свежесвыпавшему снегу.

– Но, в таком случае, разве обязательно было показывать мою разодранную одежду?

– Это удары судьбы. В твоих глазах осознание того, что ты лишняя на этом свете. Ты живешь не с осенними листьями, а с окружающим тебя миром. Как ты заметила, здесь видны листья всех цветов.

– Черные, подобные нам? Если так, то они составляют третью часть мира.

– Нет, это плохие люди. Видишь, пока висят на дереве, они не чернеют, после того, как оторвались, попали вот к этой массе...

«Говорит про таких, как мой сын», – екнуло сердце женщины.

– Как тебе собака, склонившая голову?

– Почему она плачет?

– Из-за тебя. Хоть и не говорит, она понимает тебя, сочувствует.

– Интересно сделал ты. С одного этого портрета столько всего можно взять, если только умеешь читать.

– Не я сделал портрет, жизнь.

– Тебе удалось увидеть мою истинную сущность, другие видят только мою разодранную внешность.

– Видимо, потому, что я художник.

– А если ты не художник – трудно различить душу человека и то, что творится в его сердце?

– Не знаю, Мадонна, не знаю, я, кроме как глазами художника, никогда не видел этот мир.

– Ты счастливый, Аллах одарил тебя талантом. С детства завидую художникам, моя душа такие картины создает, многие художники сожгли бы свои произведения, если бы увидели их... У меня к тебе одна просьба...

– Проси о чем хочешь, я твой должник.

– У тебя есть мать?

– Слава Богу, жива, здорова.

– Если можно, люби свою мать, уважай ее, не обижай, без ее ведома не ступай ни шагу. Прощай, когда тебе покажется, что материнская избыточная любовь окутала тебя и душит, знай – в тебе ее жизнь, ее душа, она тобой дышит, а бездетная жизнь в точности похожа на пропасть, сплошное падение без дна.

– Нет никого на свете, кого я любил бы больше мамы!

– Ее счастье, не черной завистью завидую, белой. Мое сердце завидует, не знаю, что с ним делать. Наложила бы на себя руки, но боюсь, говорят, что умерших подобным образом не любят на том свете.

– Даже и не думай об этом, тебе жить надо.

– Знал бы ты, как я в течение дня дважды, трижды собираюсь по-

кончить с собой. Но меня останавливает чья-то могущественная сила. Видимо, она и бережет этот мир.

– Видимо, она... – задумчиво сказал художник. – Ладно, я отнесу портрет и вернусь с оговоренным вознаграждением.

– Хорошо... – едва слышно произнесла Мадонна.

Кудрявый быстро собрал свои вещи, словно боясь, что у него их отнимут, и в спешке ушел.

– Не вернется.

– Что ты сказала? – спросил, словно очнувшись, Инал, сидевший до сих пор безмолвно.

– Этот парень не вернется, – повторила Маржан так, словно от сказанного зависела вся ее судьба. – Этот взял с нас все возможное и ушел. Вон, бежит, не оглядываясь. И он бросил нас!

– Нет, как ты могла такое подумать! Парень просто радуется своей работе, и все. Он вернется, не сегодня, так завтра. Он не такой, – не захотел поверить ее словам Инал.

– Посмотрим... – Маржан вошла в хибарку и устало присела на свою кровать. – Слаба я стала сердцем, и слезы текут помимо воли, хочешь, не хочешь, а они текут. Если он не вернется, наложу на себя руки... – шепчет, чтобы не слышал Инал.

Она уснула, так и не разобравшись в себе, поставила она это целью или говорила о смерти от отчаяния, от накопившихся обид.

Проснувшийся на рассвете Инал кое-как поднял Мадонну с постели, и они отправились в путь. Сегодня она не захотела танцевать, не было настроения. Но им повезло: когда оба сидели на скамейке и грелись на солнце, кто-то сжалился и дал денег. Инал, надеясь, что поднимет подруге настроение, вместе с едой купил пачку сигарет. От еды она отказалась, прикурила сигарету, два-три раза затянулась и выбросила. Сидела молчаливая и грустная. Видно, в голове, не переставая, крутилась вчерашняя мысль: и он нас бросил... все нас бросили, никого не интересуется наша судьба...

– Да что с тобой? – не вытерпев, воскликнул обеспокоенный Инал.

– Ты накормил собаку? – вместо ответа сказала женщина.

– Раньше всех!

– Если на тебя останется, корми ее, никому не отдавай, не позволяй обижать, она хорошая собака, очень хорошая.

– А ты кушать не будешь?

– Нет, я не хочу, забирай мою долю.

– У нас много еды, до утра проголодаешься – пригодится. Если ты больна, скажи мне, найду тебе лекарство.

– Лекарства от душевной боли не существует, не стоит возиться.

– Твоя боль вроде притихла, что ее взбудоражило?

– Не-при-шел... – по слогам прошептала она.

– Кто?

– Художник.

Инал только руками развел и вышел из хибарки на вольный воздух.

Оставшаяся в комнате просила Аллаха, ангела смерти, чтобы забрали ее, плакала, горевала, да так в слезах и уснула.

Утром Инал склонился над Мадонной – она была в горячке, от нее веяло жаром. Видимо, уже не спала, едва он коснулся ее лба, открыла глаза.

– Пришел? Скажи, я слышала его голос?

– Нет, не пришел, наверное, его дела не разрешились, чего ты так переживаешь, придет, если не пришел.

– Какой уже день его нет? – голос Мадонны срывался на хрип.

– Второй.

– Значит, он не придет, я же говорила – не придет.

– Покушаешь немного?

– Не хочу.

– Тогда давай споем песню.

– Не хочу, ничего не-хо-чу!

Инал оправился в город, надеясь где-нибудь на улицах встретить художника. По пути зашел в аптеку и попросил что-нибудь от температуры, продавщица оказалась женщиной доброй – дала каких-то таблеток. Он вернулся, когда уже стемнело.

Пока Инал бродил по городу, собачка сидела в ногах у Мадонны, воя и скуля. Она словно понимала, что творилось в сердце бедной женщины, какая тяжесть на душе. Солнце выглянуло лишь после полудня. Видно, приободрившись голосами птиц, Маржан начала было петь песню, но скоро умолкла. Не звучал голос, ей было тяжело.

Она не выпила принесенного лекарства, сказав, что это средство не от ее болезни. Всю ночь лежала в бреду и стонала. Временами Маржан звала своего сына. Резко поднимала голову, которая падала назад, и спрашивала о художнике. Узнав, что он не пришел, громко вздыхала и отворачивалась к стене. Инал сидел у изголовья, держа ее за руку, прося Аллаха сберечь ее для него. Он давно уже привязался к этой женщине, полюбил ее. Забывшее о чувствах старое сердце омолодилось. Хотелось бы ему знать, что сама Мадонна чувствует к нему. Нет, она кроме своего сына никого другого не любит, он для нее...

Женщина, которой на рассвете немного полегчало, увидела Инала, сидящего над ней в дреме. Тихо заговорила:

– Бедняга не выспался по моей вине, заставила его переживать. Что бы я делала без тебя? Досталась бы мне наихудшая бедность. Теперь я боюсь, что потеряю тебя. Когда любишь человека, без раздумий сможешь отдать ради него свою жизнь. Я смогу отдать свою жизнь ради тебя. Значит, это любовь? Вовремя ли она? Или нет временных сроков для чистых помыслов. На этом свете только тебе я нужна...

Инал, уловивший сквозь сон последние слова Мадонны, схватил ее руку, поднес к губам, согревая дыханием и целуя. Судьба измывалась над ними, но вернула, преподнесла им не продаваемую, не покупаемую на этом свете любовь – их счастье.

– Давай поженимся, – словно очнувшись, выговорил Инал.

– На старости-то лет?

– Кто знает, может, я не женился до сих пор потому, что все ждал тебя, ты одна смогла растопить лед в моем сердце.

– Но чтобы жениться, нужны свидетели...

– Аллах наш свидетель, более почетного свидетеля мы не найдем.

Из позолоченного бумажного ободка на пачке сигарет Инал сделал кольцо и надел на палец невесте. Мадонна без слов осмотрела свое брачное кольцо. Если бы кто увидел, посмеялся бы над ней, но кто не мечтает получить в супруги любимого. На рассвете поженились, пока город спал, тихо, будто боясь, что кто-то черной завистью позавидует их счастью. Но потом ей стало хуже. Было явно, что женщину гложет какая-то болезнь. Она стала бредить, впала в беспамятство... и тут в лачугу ворвался художник.

– Где тебя до сих пор носило?! – укоризненно спросил старик, хотя на самом деле чуть не подпрыгнул от радости.

– Что с Мадонной? – вопросом на вопрос ответил парень.

– Болеет.

– Тогда я принесу лекарство.

– Ты был ее лечебным средством, но боюсь, что уже поздно.

– Меня держали дела...

– Чей я слышу голос? – еле внятно произнесла больная.

– Мой это, мой, – художник подсел к постели, всматриваясь в ее лицо, словно собирался еще раз писать портрет.

– Мой сын вернулся, мой сынок. Я знала, что ты не бросишь меня, знала. Где ты был? Что же ты бросил свою старую мать, душа моя? Ты разве не знал, что я жду тебя?

– Знал, не мог прийти, – растерянно ответил парень, не понимая, о чем идет речь.

– Ты же меня не бросал, правда, Аслан, светлый мой?

– Я не...

– Хватит, – взял его за плечо Инал, у которого по щекам катились слезы, – не терзай ее душу.

– Я не бросал тебя, я не бросал, прости, если доставил тебе хлопот. Ты же помнишь, что у меня всегда было такое же, как у тебя, доброе сердце... – и художник, которого умирающая приняла за сына, почувствовал, что не может сдержать слез.

– Посиди рядом со мной, не ходи никуда, не уходи, не оставляй меня, – жалобно попросила Мадонна.

– Хорошо, посижу. Покушаешь немного?

– Нет, не хочу.

Всю ночь сидел парень, держа за руку несчастную женщину, время от времени больная вздрагивала и просыпалась, проверяла, здесь или нет ее сын, и снова впадала в забытие.

К утру сон сморил и художника, и старого Инала, душа Мадонны поднялась над ними, над миром, улетела высоко, стала как все...

Как сильно Мадонна мечтала об этом.

*Лауреат литературной
премии «ЛКБ»*

Ануар КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ

Глава четвертая¹

Жизнь, возродившаяся в Казахстане

1

В конце июня, помню, как сейчас, –
В воскресный день, поднявшись до рассвета,
С надеждой, что еще осталась в нас,
Мы вышли в путь, и ни одна примета

Не посулила путникам добра...
Ахмат и я – по возрасту подростки,
А по силенкам нашим – детвора;
Одетые в какие-то обноски,

Разутые, голодные, и все ж
Отважились, тая в душе тревогу,
Искать родных, и день тот был похож
На дервиша, что смотрит на дорогу...

Глухая степь: хоть смейся, хоть кричи,
Она и к плачу будет безучастна.
Но где-то там селенье Белёкчи,
Где, как и мы, страдая ежечасно,

Жила, по слухам, тетя Бадина.
Туда-то и стремились мы с Ахматом.
Была котомка, на двоих одна,
Картошка в том припасе небогатом –

¹ Продолжение (см. № 4, 2010).

По две на брата, да лепешек чуть.
Дня на три, мы рассчитывали, хватит,
Но лишь на день сумели растянуть –
Ведь голод, не раздумывая, тратит.

Затем, лишая сил, велит искать
Растения съедобные, коренья...
Ночь холодом трясет, а день опять
Пыль под ногами раскалит до жженья.

Так миновали первые три дня,
В каких мученьях – повторять не стану,
Кто сам изведаль, тот поймет меня...
На третий вышли к полевому стану.

Завидев вход, мы робко подошли,
С опаской постучались... дверь открыта.
Уставшие, голодные, в пыли,
И вдруг – уют налаженного быта.

В углу гудела печь, на ней котел.
От запаха еды ослабли ноги.
И женщина, что протирала стол,
Сказала нам: «Не стойте на пороге... –

И улыбнулась, ласково, как мать,
Зовущая детей. – Входите, ну же!».
Язык добра несложно понимать,
Ему и перевод совсем не нужен.

Вторая, что постарше, подошла
И, разглядев нас, ахнула: «О, Боже!»
(Пришельцев изможденные тела
Напомнили скелетов ей, похоже.)

Да, вид у нас... одно сказать – беда.
Поглядывая мельком друг на друга,
Мы сами изумлялись иногда.
Вот и они примолкли от испуга.

Но тут же спохватились – на столе
Дымился суп, и было вдоволь хлеба.
Казалось, обездоленной земле
В тот летний день явилась милость неба.

А женщины все потчевали нас,
Присев напротив, слезы утирали.

Вкус того хлеба помню и сейчас,
И доброту их никакие дали –

Во времени, в пространстве ли земном –
Не отделят от нас и не отменят.
С той добротой и я возвел свой дом,
В котором хлеб и человечность ценят.

Простая благодарность движет мной,
Когда рука выводит эти строки.
Судьба моя, могла ты быть иной,
Иными наши горестные сроки?..

Вопрос, как рана, он не заживет,
Но благодарность боль мою смягчает,
И память сердца истинной зовет,
И снова путь во мраке различает.

Тех женщин незнакомых доброта
Приподняла нас, к жизни возвратила
И проводила знаменьем креста,
Словами: «Да хранит вас божья сила...».

2

Четвертый день, закатные лучи
Заходят справа, скашивая зреньё.
Когда же мы увидим Бёлекчи,
То самое казахское селенье,

Куда мы устремлялись всей душой,
Как дети в ожидании подарка...
Вдали виднелся домик небольшой,
Сказать точнее – саманная хибарка.

За ней – другая, третья... целый ряд
Под ровными, как мачты, тополями.
Дух ликовал, и упивался взгляд,
Как будто шли эдемскими полями,

Как будто бы мечта была видна,
Как будто праздник с чудными дарами...
А между тем земля была бедна,
Иссушенная солнцем и ветрами.

Здесь пыли вековечные слои
Волною мелкой шли от дома к дому.

На глинобитных крышах воробьи
Делили прошлогоднюю солому.

Забытое в бескрайности село –
Как образ из утерянного сказа.
Какой же силой обладает зло,
Швырнувшее сюда с высот Кавказа

Моих неодолимых земляков?
Рассеяло балкарцев семенами,
Которым не взойти среди песков.
Всемиловитый, что же будет с нами?..

Так мы входили в улочку села,
Глядевшего прищурено и хмуро.
Навстречу нам, выкрикивая, шла
Закутанная в черное фигура.

«Вы кто? Вы чьи?» – надвинулась она.
Взмах шали, словно взмахивает птица.
«Да вот... мы ищем... тетя Бадина...»
А женщина смотрела в наши лица,

Не слушая, казалось, наших слов.
«Откуда вы?» Мы повторили снова.
Но взгляд ее по-прежнему суров,
Не понимает, видимо, ни слова...

Вдруг, повернувшись, бросилась бежать,
Да так, что разметались крылья шали.
Что было делать, что соображать?
А женщина, пока мы тут решали,

Бежит назад, теперь уж не одна
(Она была стрелой суюнчулука¹.)
С ней рядом – наша тетя Бадина!
И отступила долгая разлука,

И радость развела густую мглу.
Они бежали, с ними и другие,
И возносили Господу хвалу.
Я плакал вместе с вами, дорогие,

Я детским сердцем в этот день постиг,
Что люди и от счастья плачут тоже.

¹ Обычай у балкарцев – одаривать принесшего радостную весть.

Волнующий и долгожданный миг –
Мы встретились, и это явь, – о Боже!..

3

Смесь и плача, об руку рука,
Заходим в дом, который, как сказали,
Был выделен семье фронтовика.
В «прихожей» тесно, впрочем, как и в «зале».

В лачуге этой тетя Бадина
С тремя детьми ютится. Эти стены
Чингиза, видно, помнят времена,
Хоть и кричат, но служат, без замены.

Входили люди – наши земляки,
От сердца обнимали, поздравляли,
Несли с собою свертки и кульки
С гостинцами, что детям сберегали.

Кто баурсаки¹ нес, кто молоко,
Кто курицу, чтоб угостить с дороги.
В то время всем нам было нелегко –
Нужда, болезни, вечные тревоги...

Но потому народ мой и спасен,
Что радость ли, беда – все будут рядом.
Распашут дружно даже горный склон
И сделают его фруктовым садом.

Никто не оставался в стороне,
Нигде не оказалось безучастных.
Ведь так бывает, вспомнилось вдруг мне,
На праздниках... увы, теперь нечастых.

Соседи потихоньку разошлись,
Заснули на своей лежанке дети.
Осколки звезд расчерчивали высь,
Окно мерцало в их неровном свете.

Задумавшись, сидела Бадина,
Затем зажгла коптящую лампадку
И, сундучок разворошив до дна,
Разглядывала вещи по порядку.

¹ Небольшие сладкие лепешки.

Притихли мы, уже в наплывах сна,
Не понимая, что она искала.
Вздыхала тетя, словно бы вина
Лежит на ней... «Одежда Чуукала¹, –

Вдохнула снова. – Но, велик Аллах,
И, коль живым он с фронта возвратится,
Найдем другую...» В тетиных руках
Течет сукно и на свету искрится.

«Ахмат, возьмешь рубашку и штаны,
А эти вот пойдут для Ануара...»
Мы рады, но немного смущены,
Поняв значенье тетиного дара.

«Берите – и окончен разговор!
Здесь в двух шагах ручей, бегите мыться!»
Мы понеслись, как эхо среди гор.
Смой все печали, прочь неси, водица!

4

Едва окрепнув, мы пошли назад,
Нам помогли забрать сюда сестреноч.
Казалось, что и жизнь пошла на лад.
Так солнцу улыбаются спросонок,

Еще не видя, что там впереди,
Но сердцем зная: все преодолимо.
На самом деле, как ты ни суди,
Щедроты жизни проходили мимо.

Изгнанникам, затерянным в степи,
Нужда была, как никому, знакома;
Привычно слово жалкое «терпи»
Тому, кто был, по сути, вне закона.

Как было жить и чем кормить детей,
Когда изгоям не дают работы?
Боюсь, их не считали за людей
Кремлевские вожди и доброты.

Но я бы покривил своей душой,
Сказав, что нам совсем не помогали,
Что мы питались только черемшой, –
Нет, каждый, кто добрался в эти дали,

¹ Чуукал – уменьшительно-ласкательное имя мужа Бадины – Токумаева Зубейира.

Кто не скончался в гибельном пути
От тифа, унижения и срама,
Раз в месяц мог в хранилище зайти
И получить муку – три килограмма.

К тому еще «народов всех отец»
Сказал, что в каждый двор нужна корова
Или, на выбор, несколько овец.
Дарил взамен родительского крова,

Дарил взамен бесчисленных отар
И пастбищ наших с тучными стадами,
Взамен загонов полных и кошар,
Селений с их полями и садами.

А чем он заменил сосновый бор?
Сам воздух в нем целительней микстуры.
А склон горы, чей снеговой убор
Могучие простегивают туры.

Чем можно заменить родной Кавказ,
Балкарские ущелья и вершины,
Людей, которых сталинский указ
Погнал, как скот, в ревущие машины.

О людях, что погибли в Сауту, –
Печаль невосполнимого урона.
Кто под Эльцом, штурмуя высоту,
Сражался до последнего патрона,

И тем, что защищали Сталинград,
Форсировали Вислу, брали Вену,
Ранений не считая и наград...
Пожалована ссылка им в замену

Да три кило муки... такой ценой
Платило государство невинным,
Не знавшим, что вменялось им виной
Отцом народов и вождем верховным.

А на местах решали, кто как мог,
И эту помощь вскоре отменили.
Здесь комендант – отец, и царь, и бог,
И от него зависит: или, или...

Перевел Л. Местич

Владимир КОЗЛОВ

Козлов Владимир Петрович родился 28 июля 1936 года в станице Ярославской Краснодарского края, где окончил десятилетку. После службы в армии переехал в г. Прохладный, КБР, где и живет по сей день. Был членом литобъединения при газете «Ленинское знамя», в которой публиковал свои первые прозаические произведения. В настоящее время работает над второй и третьей частями трилогии «Наш дом».

РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА

Главы из повести

1

Он вторгся в жизнь Лены неприметно, как тот камень, заброшенный одним из соседских мальчишек. Она пропалывала сорняки в огороде, и камень попался ей под мотыгу. Лена подняла его и отбросила к ограде, чтобы потом отнести в дырявое ведро, где, к ее удивлению, он заискрился, как самородок, слегка покрытый пылью. Лена снова подняла камень и обнаружила в нем несколько цветных зерен. Она с интересом повертела его в руках и, как сувенир, положила на уступчик в ограде. Да так он там и остался до сих пор.

В тот обыденный день, вернувшись с работы, Лена как ни старалась, не могла открыть замок в калитке...

– Может, помочь? – услышала участливый мужской голос.

В первый момент она хотела грубостью ответить непрошеному помощнику, выплеснуть на него негодование на непокорный замок. Но усталость после работы и желание поскорее попасть в дом удержали ее от опрометчивого поступка. Она молча протянула ключ незнакомцу, лишь вскользь окинув его неказистую фигуру. Мужчина спокойно взял ключ, вставил в отверстие замка и слегка приподнял калитку.

Послышался долгожданный щелчок в замке, и калитка приоткрылась.

Незнакомец повернулся к Лене. Его нельзя было назвать красивым. Более того – его продолговатое лицо выглядело грубым: крупный нос и тяжелый подбородок. Но он смотрел на нее дружески, так смотрит отец на своего ребенка, у которого что-то не ладится.

Лена облегченно улыбнулась, забыв про усталость. Оказывается, совсем неплохо, когда в трудную минуту появляются хорошие люди.

– У вас есть кусок проволоки да щипцы? – спросил незнакомец и

пояснил: – На петли нужно надеть колечки, чтобы калитка приподнялась слегка. И замок заработает как часы.

– На всякий случай имею несколько гвоздей, – отозвалась Лена.

– Пойдут и гвозди, – согласился мужчина.

«Интересно. Что-то мне не приходилось в последнее время встречать мужчину, который по собственной инициативе взялся бы помочь, – удивленно подумала она. – Видать, еще не перевелись порядочные люди».

Когда Лена принесла помощнику гвозди и плоскогубцы, ее вдруг окликнула соседка от надломленной доски в изгороди, разделяющей их усадьбы. Здесь они обычно обсуждали новости. И Лене пришлось подойти к соседке. Но когда Лена вернулась к своей калитке, мужчины там не оказалось. Его не было и на улице. Он словно испарился. «У Шуры манера звать, когда я занята. Видела, чужой человек во дворе. Могла бы подождать, – негодовала Лена на соседку. – Даже поблагодарить не успела человека за доброе дело. Что подумает? Стыдно ведь!»

Лена прикрыла калитку. К ее радости, она двигалась легко. Потом Лена повернула ключ в замке, и, действительно, он работал как часы. «Ну вот, еще одна проблема разрешилась», – с облегчением подумала она.

Позже, когда Лена подходила к калитке, она вспоминала добрые глаза незнакомца и почему-то улыбалась. «Надо же, дался он мне. Я даже рассмотреть его не успела», – размышляла она.

Лена рано лишилась мужа. Они прожили с ним всего около двух лет. И, конечно, ей было трудно без мужской поддержки. Но за десять с лишним лет одиночества она свыклась, как и другие вдовы и разведенные женщины. Слава Богу, у нее имеется, хоть и ветхое, но свое жилье, и ей с сыном не довелось скитаться по чужим углам. Но при всякой поломке в доме ей приходилось обращаться за помощью к знакомым мужчинам. И те, устранив неполадки и получив за работу деньги, в придачу были готовы переспать с нею. Лене приходилось изворачиваться, чтобы по-хорошему избавиться от нежеланных обольстителей. А этот человек и срочное дело выполнил и ничего не потребовал взамен. Как не вспомнить его добрым словом. Хорошее не забывается. Однако со временем она думала о нем все реже и реже.

В один из летних вечеров Лена пошла в гости к своей подруге. Зина – белокурая толстушка, в свои сорок лет успела побывать замужем несколько раз. Она не захотела иметь детей от первых браков, а позже вообще не могла забеременеть. Но она не отчаивалась и жила безмятежно. Изредка Зина приглашала Лену к себе в гости. Когда Лена приходила к подруге, почти всегда у нее находился свободный мужчина, который в лучшем случае оказывался женатым человеком, а в худшем – просто пьяницей. И Лена потеряла всякую надежду встретить, если уж не по взаимной любви, то хотя бы просто порядочного человека, который уважал бы и понимал ее.

Вот и на этот раз стоило Лене переступить порог квартиры подруги, как Зина зашептала своим хриловатым голосом:

– Ты знаешь, с кем пришел Вася? Вдовец. Работяга. Почти не пьет. Постарайся понравиться ему.

– Ну, ты, подружка, всегда в своем репертуаре! – засмеялась Лена. – Никто не нужен мне. Надо Гришу вырастить.

– Да не будь глупой, – настаивала подруга. – Сколько можно оставаться одной? Говорят тебе – мужик что надо.

В небольшой комнате за сдвоенными столами сидело полтора десятка гостей: женщины в пестрой летней одежде, а на мужчинах – разношерстные косоворотки и майки. Тотчас мужчины весело поприветствовали Лену. Но по лицемерным лицам женщин нетрудно было догадаться, что они не очень рады госте. Лена всегда чувствовала, что ее присутствие у подруги вносит разлад среди сложившихся пар. Потому она все реже стала посещать этот дом. Разве что, как сегодня, на юбилейную встречу. Не придешь – обидится.

– Садись сюда, – определила Зина.

Сосед гостеприимно отодвинул стул, чтобы Лена могла сесть к столу.

– Спасибо, – привычно поблагодарила Лена. Но, когда она устроилась за столом и посмотрела на соседа, удивленно улыбнулась и выронила: – Вы?!

– Да вот Василий чуть ли не арканом затащил меня сюда. Несколько лет после смерти жены я не ходил на всякого рода увеселения. Но сейчас... я рад видеть вас рядом с собой... А тогда я спешил на встречу с клиентом, – продолжал незнакомец, и его серые глаза смотрели на Лену доброжелательно и тепло, как на старую знакомую. – Да, зовите меня Алексеем. Если у вас появится желание общаться со мною.

– А с кем же мне общаться, – ответила Лена, продолжая улыбаться. – Меня-то и посадили рядом с вами, чтобы, не дай бог, я не посмотрела на другого мужчину.

– Это я заметил при вашем появлении, – сказал Алексей.

– Говорите, спешили тогда. А почему решили помочь мне? – поинтересовалась Лена.

– Такой характер у меня. Не могу пройти мимо, если вижу – человек в затруднении.

– А я, Алеша, с благодарностью вспоминаю вас, когда открываю калитку. Большое спасибо за вашу помощь, – с облегчением выронила Лена и представилась: – Леной назвали меня родители.

Так, слово за словом, они разговорились. А когда застолье перешло к танцам, Лена обнаружила, что Алексей хороший партнер и что ей приятно находиться в его обществе. Потом, в самый разгар веселья, Алексей предложил:

– А не прогуляться ли нам с тобой, Лена, по улице? Лично я сопрел от этой духоты.

– Честно говоря, в гостях я не засиживалась так долго никогда. Так что, если не возражаете, можете проводить меня, – ответила Лена и удивилась, что могла предложить такое.

Вскоре они оказались на улице. Смеркалось. На западе затухали розовые облака. Чувствовалась некая ограниченность суток, сменяемость дня и ночи, но в то же время уверенность, что мир держится на определенном порядке, что иначе и быть не может. Слабый ветерок гасил июльскую жару.

– И чего мы не ушли раньше? Такая благодать вокруг! – восторженно сказал Алексей и взял Лену под руку.

Лена не возражала. Некий дурман тяготения к этому мужчине все сильнее окутывал ее. «Ну что я нашла в нем? Мужчина не из красивых. И я, возможно, разочаруюсь в нем через несколько минут, – подумала она. Но другой внутренний голос вещал: – А что я теряю? Слава богу, что не одна плетусь домой. Когда-нибудь и мне должен достаться порядочный мужчина».

– Знаешь, мы с моей Верой любили пройтись вечером по улице, – заговорил Алексей. – Против нее я – молчун. Она разглагольствует обо всем, что было с ней в течение дня: о школьных делах, о разговорах в очередях за продуктами, и бог знает о чем только не поведает мне. И ее спокойный рассудительный голос, как бальзам, успокаивал меня. Но в один момент все оборвалось. – Он умолк и тяжело вздохнул.

Вдоль асфальтированного тротуара чередой тянулись клены с богатыми зонтами ветвей. Их листва чуть слышно перешептывалась между собой, словно боялась растревожить и без того обеспокоенных прохожих.

– До сих пор я виню себя, что тогда оказался позади Веры, – с тяжелой грустью продолжил Алексей. – Мы были на пикнике в лесу. Любаша – наша дочурка, расшалившись, вдруг побежала в сторону оврага. Кричим ей, чтобы вернулась, а она словно не слышит. Вера побежала за ней первой. А я – следом. Дочурка оглянулась, засмеялась и еще шибче побежала. Вера подхватила Любашу у самого обрыва. Откинула прямо в мои руки. А сама не удержалась и рухнула вниз. Но там оказался громадный валун. И Вера угодила в него головой.

По дороге проехала поливальная машина. Струи воды долетели до дорожки и слегка окропили Лену и Алексея. В иной ситуации Лена, возможно, вскрикнула бы от неожиданных брызг воды. Но сейчас ни Лена, ни Алексей не обратили на это никакого внимания и продолжали идти по краю тротуара, лишь порою обходя молодых, толпившихся у обочины.

«Господи, как Алеша любил свою жену. Он мог прожить с нею до глубокой старости. Разве справедливо оставлять человека в одиночестве?» – подумала Лена.

– А я почти забыла своего мужа. Вот только сынишка чем-то напоминает о нем: такой же упрямый и думает, прежде всего, о себе, – отозвалась Лена и, немного помолчав, продолжила: – Сколько хороших парней звали меня замуж, но я отказывалась. И довыбиралась. Достался самолюбивый петух. Он не ценил ни меня, ни себя. И смерть по пьянке стала для него терновым венцом.

Они вышли на перекресток, немного подождали, пока пронесся очередной поток автомашин, перешли улицу, а потом свернули в сторону частных домов. Под ногами зашуршал песок с бульжником. Того и гляди, чтобы не споткнуться.

– Неведомо, когда у нашей власти дойдут руки до нашего района и заасфальтируют дороги да тротуары, – посетовала Лена. – Раньше ругали коммунистическое руководство. Но они уйму пятиэтажных домов выстроили вдоль центральных улиц. А новая власть, если что строит, то с выгодой для себя. К тому же, сколько безработных горожан ведут полуголодный образ жизни. И нет управы на нынешнее руководство в городе, потому что у них круговая порука.

– Что верно, то верно: произвол царит всюду, – поддержал разговор Алексей. – Раньше я работал снабженцем в строительном управлении. Тогда постоянно не хватало материалов. Особенно древесины. Приходилось ездить в далекую Сибирь на лесные базы и выпрашивать добавочные поставки досок и круглого леса. Так вот, едешь по железной дороге и любуешься вековыми соснами и елями. А недавно поехал – многое вырубил и виновных не найдут. Да кто ищет их по-настоящему?

Так, продолжая беседу, они подошли к усадьбе, где жила Лена, и остановились.

Ночь полностью овладела своими правами. Небосвод сгустил синеву. Бесчисленное множество крупных и мелких звезд манили в бездонную даль, как цветущие подсолнухи на громадном поле.

– Какая приятная ночь! – воскликнула Лена. – В такую погоду я люблю посидеть возле дома и помечтать о чем-нибудь хорошем.

– Мам, я не могу попасть в дом. Ключ запропастился где-то, – донесся требовательный мальчишеский голос со двора усадьбы.

– Иду-иду! – поспешно отозвалась Лена и, повернувшись к провожатому, сказала: – Ну вот, слышите?

– Моя точно такая же. Хоть с ног падай, но подай сразу, – согласился Алексей и, чуть замешкавшись, попросил: – Лена, вы не возражаете, если я загляну к вам на днях? Честно сказать, мне было приятно провести сегодняшний вечер вместе с вами. И не хотелось потерять вас из виду.

– Приходите, – просто согласилась Лена и попрощалась: – Доброй ночи.

– Доброй и вам, – ответил Алексей.

Лена открыла калитку, но идти не торопилась. «А не пригласить ли Алексея к себе в дом? – подумалось ей. – Но как сын отнесется к его появлению? Нет уж, в другой раз. Может быть...»

И тотчас она услышала шуршание ног уходящего человека. Захотелось вернуть его, но что-то сдерживало ее. А шум шагов становился все слабее и тише.

Лена ждала Алексея каждый вечер. Вновь и вновь она вспоминала часы, проведенные вместе с ним. Впервые она встретила мужчину, который увидел в ней не только соблазнительную женщину, но и интересного собеседника. С Алексеем можно было поговорить обо всем, что только приходило в голову. При этом он говорил спокойно, порою умно, а больше беззаботно, как при встречах говорят закадычные друзья. С ним легко забывались личные неурядицы и беспокойства.

Лишь спустя более трех недель, возвращаясь с работы, Лена увидела Алексея возле своей усадьбы. Рядом с ним стоял светло-зеленый «Запорожец».

Алексей смотрел в ее сторону и улыбался. Лена потеряла всякую надежду увидеть его снова. И теперь она не знала, как поступить ей: то ли обидеться на его долгое отсутствие, то ли держаться спокойно и сначала выслушать, с чем он приехал. Но радость, что он появился-таки, взяла верх, и она, подойдя к нему, шутливо выронила:

– Собирался скоро прийти, а пропал, как топор в омуте!

– Да вот, только что с поезда. Смotalся в Сибирь. Пригнал три вагона леса. А то посредники дерут с нас три шкуры, – ответил Алексей.

– Так уж и в Сибирь? Не иначе, любушки заарканили да не отпускали, – пошутила Лена.

– Завтра выходной. Вот я и подумал: не поехать ли нам с детьми на рыбалку? Посидим у озера. Ухи сварим. Детей повеселим, да сами посидим с ними на природе, – предложил Алексей.

– Да разве можно отказаться от такого? – обрадовалась Лена. – Никогда я не ловила рыбу. И уху не варила.

– Имей в виду, выехать придется затемно. Чтобы рассвет встретить у озера. Проснетесь?

– На это имеется будильник.

– Ну вот и хорошо. Часам к пяти утра я подъеду. А сейчас мне нужно приготовить снасти, подкормку и еще кое-что. В общем – до утра, – довольным голосом сказал Алексей.

И он уехал. Лена проводила его долгим взглядом, не зная, как унять в себе разбушевавшуюся радость. Она верила и не верила, что вот так вдруг в ее одинокой жизни откроется просвет, а уж раздвинется и разрастется ли – покажет время. Но сейчас у нее появилась надежда на хорошие перемены в жизни.

2

Розовые всполохи, еще слабые и едва заметные, начали медленно раздвигать ночную темь на востоке, словно кто-то пытался разжечь костер. Но все-таки раздул его. Вскоре небосвод засветлел ярче, а потом будто в костер бросили охапку сухого сена, и оно запылало ярким огнем, заиграл полосами радуг, которые уверенно расползлись ввысь и вширь, озаряя все и вся вокруг.

– О боже, какая прелесть! – восхищенно воскликнула Лена. Она повернулась к Алексею, который оказался рядом с нею среди пробывавшихся из ночной тьмы деревьев. Как Лена поняла, он молча наблюдал за нею, боясь спугнуть мгновения рождения утра, увиденное ими. И она была благодарна ему за это.

– Ну как, сама забросишь или тебе помочь? – спросил Алексей, протягивая собранную удочку.

– Что ты? Да я понятия не имею, как это делать. Закидывай сам. А как посветлеет, я обязательно попробую, – ответила Лена и добавила: – Пойду, посмотрю на детей. Что-то задерживаются. Не уснули ли?

Когда она подошла к автомашине и заглянула на заднее сидение, то увидела, что сын сидел с открытыми глазами, а на его плече лежала головка уснувшей девочки. Лена ушла молча, удивляясь терпению сына. Ей думалось, что Гриша растет самолюбивым и черствым человеком, как его отец. А на самом деле он способен на нечто иное.

Между тем утро разрасталось. Темная гладь озера начала голубеть, и в несколько метрах от берега покраснели поплавки удочек. Но вот один из них начал приплясывать, а потом, чуть потонув, поплыл в сторону. Алексей поднял удочку и выбросил на берег серебристую рыбку.

Лена взяла ее обеими руками. Рыбка трепеталась и была очень скользкой.

– Ой-ой! Какая она сильная! – воскликнула Лена.

Тотчас из машины вылетел Гриша. Он подбежал к матери и деловито предложил:

– Дай я сниму с крючка. Да не бойся. Теперь ей не сорваться.

Лена разжала ладони. Рыбка подпрыгнула, упала на землю и, каким-то образом освободившись от крючка, запрыгала в сторону озера. Гриша побежал за ней, успел подхватить ее одной рукой, но она выскользнула и плюхнулась в воду. Гриша влетел по колено в озеро, пошарил руками в воде. Но рыбки и след простыл. Обескураженный мальчик поднял голову. Впервые Лена увидела сына пристыжено-слабым. В свои четырнадцать лет он вымахал под стать Алексею и держался независимым человеком.

– Чего огорчились? Рыбки той – подросший малек. Как только он умудрился подцепиться на крючок? – раздался спокойный голос Алексея. – Гриша, бери любую удочку. А то мне не успеть за тремя. Клев начинается.

Гриша вышел из воды, взял одну из них, а через пару минут начал вытаскивать из озера окуньков и карасей одного за другим.

– Что бы я делал без такого помощника? – одобрительно заметил Алексей, оглянувшись на Лену, которая едва успевала складывать рыбу в ведро с водою.

– Не иначе, как полведра рыбы осталось бы в озере, – веселым тоном отозвалась она.

Лена посмотрела на лицо сына, цветущее в улыбке. «Красавец будет, как отец! Вот только не стал бы бездушным никчемным человеком, как был тот. Может, дружба с Алексеем подправит его характер», – подумала Лена и в который раз за сегодняшнее утро с благодарностью посмотрела на Алексея.

Пробились первые солнечные лучи. Они прокатились по верхушкам деревьев, осветили их темную листву и вскоре опустились на озеро, которое немного поблекло и словно насторожилось. Там за далекими холмами появилось ущербное светило. Оно быстро округлилось, оторвалось от горизонта и привычным огненным мячом поползло в небо.

«Удивительно! Оказывается, на раннее солнце смотреть можно. Я различаю темные сгустки в отдельных местах», – подумала Лена. Но вдруг ее глаза заслезились. Она прикрыла их своими руками, стараясь сохранить в памяти увиденное.

Хлопнула дверца автомобиля. К рыбакам шла девочка, запоздавший член их команды. Хрупкая, в облегающем спортивном костюме, она выглядела не старше двенадцати лет. Круглое приятное личико венчали кудрявые русые волосы, подстриженные не коротко и не длинно, а так чтобы возни с ними не было много, и хорошо смотрелись.

– Ну вот и твоя помощница проснулась, – сказал Алексей, перебросив взгляд с дочери на Лену, а потом повернул лицо к своему напарнику по рыбалке и заявил: – Гриша, пока порыбачишь один. А я помогу твоей маме и Любаше приготовить дров да костер разведу. Пусть они готовят уху.

Потом Алексей пошел навстречу дочери. Любаша подбежала к нему,

обхватила его за талию и начала искося поглядывать на тетю, словно хотела удостовериться, достойна ли эта компании ее с отцом.

– У меня Любаша незаменимая помощница: хоть в доме убрать, хоть яичницу поджарить. И даже рыбу может почистить, – горделиво вымолвил Алексей.

– А как же иначе, – деловито отозвалась девочка.

– Сейчас, милые дамы, пойдем в глубь леса за дровами, – сказал Алексей.

Большая часть озера окаймлялась лиственными деревьями: бук, ясень, клен, но больше дубовых. Они плотным колпаком закрывали небо. Лишь в отдельных просветах были заметны низкорослые зонтики со множеством зеленых продолговатых плодов.

– Кизил? – удивилась Лена.

– Конечно, кизил, – подтвердил Алексей. – В конце августа и приедем собирать урожай. Если меня не отправят в командировку, как на этот раз.

– В прошлом году мы нарвали целое ведро красных ягод, – похвасталась Любаша.

Они насобирали ветвей, сорванных ветром и высохших, и поволокли к месту рыбалки каждый по своим силам. Но, придя к озеру, к своему удивлению, увидели Гришу по пояс в воде и в одежде. Он из последних сил тянул к себе удочку, которая согнулась в дугу. А нечто бурлило в воде в нескольких мерах от рыбака и не хотело подчиниться его воле.

– Гриша, не тяни! Отпускай помаленьку. Я иду к тебе, – крикнул Алексей, бросая связку с дровами.

Он побегал к месту, где оставил свои снасти, на ходу снял рубашку, и, приостановившись, сбросил с себя и брюки. А через несколько секунд он был уже рядом с Гришей. Он забрал у него удочку, а взамен дал сак.

– Сейчас рыба напрягается из последних сил. Как пристанет немного, мы и подтянем ее к себе. Только ты не упusti момент подвести сак под нее, – с волнением подсказал Алексей.

– Хорошо, дядь Леш. Я постараюсь, – согласился Гриша, стуча зубами, хотя вода в озере парила от тепла. – Вдруг как дернул удочку, сорвал с подставки и поволок. Думал – не догоню. Или под корягу утянет.

Вскоре рыба присмирела, прекратив рваться в стороны. Но стоило Алексею попытаться подвести ее к себе ближе, как она снова начала бешено носиться вокруг него, того и гляди, что порвет леску и уйдет с крючком. Так что Алексею пришлось вновь отпускать леску. И так несколько раз. В конце концов рыба устала и дала шанс Алексею подвести ее поближе к себе. Гриша улучил момент, подвел сак и быстро поднял добычу из воды.

– У! Какой брюхастый! – восторженно сказал он, увидев перед собой испуганного золотистого карпа.

Но неожиданно рыба задвигалась. Гриша поспешно прижал ее к себе вместе с саком и почти побегал к берегу. Так что Алексею ничего не оставалось, как поспешно идти за ним, чтобы не оборвалась леска. Позже на берегу, обсуждая происшествие, все четверо дружно смеялись

и больше всех Гриша. На веселый шум подошли другие рыбаки, которые удили рыбу вблизи от них, завистливо поздравляли с хорошим уловом, вспоминали о порванных лесках и крючках и соглашались, что в озере есть крупная рыба, но вылавливается только счастливыми.

Сухие дрова сразу подхватило пламя от зажженной газеты. Они начали потрескивать от удовольствия, что не сгнили, как другие, агодились людям для доброго дела.

Алексей принес железные рычаги, воткнул их у костра, положил на них круглую палку, на которую повесил чугунный котел.

– Теперь, милые дамы, дело за вами. В рюкзаке картофель, лук, соль и приправы. Рыбу берите, какая понравится, и начинайте варить уху, – сказал Алексей, повернувшись к Лене и Любаше, которые стояли у костра.

– А что класть в воду первым: рыбу или картофель? – спросила Лена.

Алексей едва заметно улыбнулся и приоткрыл крупные губы, намериваясь что-то ответить. «От таких губ, наверное, трудно оторваться, если прихватит в поцелуе, – подумала Лена и тут же пожурнула сама себя: – И надо же прийти в голову такому».

– Конечно картошку. Ей нужно больше вариться, – отозвалась Любаша.

Алексей вдруг увидел, что удочка у Гриши согнулась вновь в дугу и что-то бултыхается у берега. Он мигом сорвался с места и побежал к месту рыбалки.

Пока чистили картофель, лук да рыбу, Лена с интересом наблюдала за своей напарницей. Она поражалась ее деловитости и умению находить интересную тему для беседы. Вот только улыбка очень редко раздвигала ее розовые губки. «Господи, Любаше слишком рано становиться взрослой. Ее время играть да играть со своими подружками», – с жалостью подумала Лена.

– Тебе тяжело без мамы? – спросила она у девочки и пожалела, что задала этот вопрос.

Как будто тень от грозовой тучи накрыла личико Любаши. Чувствовалось, что в ее душе отозвалась нестерпимая боль.

– У меня бабуля за маму, – хмуро ответила девочка. – Бабушка жалеет меня. А я ненавижу себя... что тогда повела себя так.

– Наверное, так было суждено богом, – поспешила успокоить ее Лена.

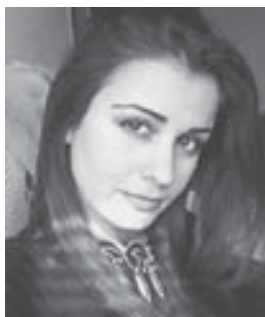
– И бабушка говорит так. Но я...

– Ты попробуй уху, Любаша. Может, она уже готова? – сказала Лена, чтобы отвлечь ее от неприятного разговора.

Любаша деловито зачерпнула ложкой из котла, над которым поднимался пар, подула малость и попробовала.

– По-моему, в самый раз, – отозвалась она и, повернувшись к рыбакам, крикнула: – Папа... Гриша, пора завтракать.

«Совсем взрослая, – со вздохом подумала Лена. – Смогла бы я помочь ей продлить детство? Наверное. Но почему мне в голову закрадываются такие мысли? Какое право я имею вторгаться в ее жизнь? Я могу пожалеть ее, и только в душе...»

Диана ШУЛУМБА

В поисках гармонии

Падающие через окно теплые лучи весеннего солнца приятно ласкали мое лицо. Вид города, с многочисленными, хитросплетенными между собой улицами, прекрасными клумбами, всегда меня завораживал. Но сегодня мои чувства имели иной оттенок. Через открытую форточку доносился гул и шум машин. Все куда-то бегут, спешат, и я спрашиваю себя, чего мы, люди, так страстно ищем, к чему стремимся в повседневной беготне. Бегом, бегом! А может, в погоне за эфемерами мы упускаем нечто действительно важное и значимое. Смысл? По каким признакам искать его? А если «важное и значимое» – лишь человеческий вымысел, чтобы как-то оправдать свою беготню, придать ей смысл, и человеческая жизнь есть не что иное, как заданная программа, которую следует отработать. Так, выходит, моя жизнь бессмысленна? Кажется, я запуталась в лабиринте своих мыслей. Неуемная тоска от неразрешенной неопределенности, словно одеяло, окутала меня. Может, я схожу с ума? Последнее время подобные мысли начали посещать меня с незавидной частотой.

Подвинув стул к окну, я присела, облокотившись о широкий подоконник, положив рядом связку своих ключей. Машины так и лились нескончаемым потоком, пешеходы сновали кто куда, город жил своей жизнью, равнодушно смотря на мои искания. Часы на башенке здания администрации показывали без пяти двенадцать. Всего лишь! Еще целых шесть часов до конца рабочего дня! Несмотря на открытые форточки, в кабинете чувствовалась духота. Открыв дверь, я выглянула в коридор, он был пустынным. Грузно подойдя к умывальнику, посмотрелась в зеркало, висевшее над ним. Оттуда на меня смотрело бледное лицо с темными кругами под глазами и потухшим взглядом. Действительно, тяжелые мысли разрушают гармонию лица.

Вдруг я почувствовала неприятный, резкий холодок на запястье, опустив взгляд, отпрянула, как ошпаренная. Обвив мою руку и лоснясь на свету, на меня смотрела черная змея. Взгляд ее угольно-черных глаз буквально впился в меня. Страх и неожиданность сковали мое тело, но мозг работал, лихорадочно пытаюсь понять происходящее. Как змея могла оказаться здесь, это невероятно! Медленно, извиваясь, она поползла наверх, я почувствовала, как влажный холод ее тела растекается по руке. Добравшись до плеча, остановилась, расположив там свое холодное, иссиня черное, скользкое тело. Я не могла отвести от нее взгляда, боясь упустить какой-нибудь важный момент, возможно, последний момент своей жизни.

– Боишься? – услышала под ухом мягкий, насмешливо-вкрадчивый голос. Меня обожгла догадка, что это взбунтовался мой воспаленный мозг. Но тварь вытянула свою черную головку и, пытливо заглянув в мои глаза, повторила вопрос. Казалось, взгляд ее проник в самые потаенные глубины моей души, прочитав все сокровенные мысли. Ее раздвоенный к концу язык почти касался моего носа, я чувствовала ее могильно-холодное дыхание. Сомнений не было, со мной говорила змея.

– По глазам вижу, что да! Чего ты именно боишься – меня или того, что я могу с тобой сделать? – не сводя с меня насмешливого взгляда, она медленно вытянула хвост, обвила его вокруг моей шеи и сдавила. Почувствовав, что дышать становится тяжелее, я поймала себя на мысли, что не хочу умирать, мысленно же отметив, что всего несколько минут назад жизнь мне казалась такой бессмысленной и пустой.

– Теперь ты понимаешь, что смысл жизни в самой жизни, а не вне ее, – с этими словами в маленьких черных глазках мелькнуло злое выражение, и змея с силой сдавила мне шею.

От скрипа двери я резко открыла глаза, связка ключей с подоконника со звоном полетела на пол.

– Спим на работе?! – весело сказала сотрудница, занимая свое место за столом.

Быстро взглянув в сторону башенки с часами, с удивлением заметила – двенадцать без трех минут. Я спала всего лишь две минуты?! Порой можно прожить всю жизнь, а так и не найти ответа на самый волнующий вопрос, а порой бывает достаточно и пары минут.

Ада АЛАХВЕРДЯНЦ

Моей тоски караван

Текели, Бонн, Ереван,
Ванкувер, Москва и Питер!..
Моей тоски караван
уходит от вас, простите,

и устремляется вдаль
под ликование сердца
к подкове из гор и скал,
к городу нашего детства.

Мне Нальчик навеки мил,
но, побеждая унынье,
живу за тысячи миль,
тринадцать лет на чужбине.

В мае примчалась сюда,
презрев ритуал молчанья.
Любимая Кабарда,
Балкария и нальчане!

Город родной, наизусть
тебя я когда-то знала...
А ныне – наивно пусть –
асфальт твой поцеловала.

Скороговоркой (мой стиль!)
дарю тебе звуков стаю.
Я не осталась. Прости.
Отъезд стихом искупаю.

Я возвращалась позднею субботой –
Осталось на день меньше возвращаться.
Земля вращалась с томной неохотой:
Ей не хотелось с вечером прощаться.

После дождя рождалось ощущение,
Что все пронзил трехатомный озон,
И развлекало в меру искушение
Переложить на ноты капель звон.

Блестели лужи в полукружьях спектра,
Их звезды осыпали позолотой,
И настроенье пело в стиле ретро,
Когда брела я позднею субботой.

Снотворно действовала пряность ночи,
Фонарь зевал надменно свысока,
А в это время гениальный Зодчий
Лепил на утро свет и облака.

Как меня придавила Атлантика
Сим безбрежием и глубиной!
Не достать рукою до Нальчика,
Не поспеть и за Солнцем с Луной...

Задыхаюсь в такой отдаленности,
Кислород в легких будто иссяк.
В рамках чисто гражданской влюбленности
Сила чувств моих разве пустяк?

Слышу голос глубокий – контральто.
Исполнитель, конечно, тоска.
С характерной слезой эмигранта
Вспоминаю сенсацию скал.

Воспеваю любимые горы
И тянусь к колориту южан.
Неужели увижу не скоро
И столицу, и горожан?

Но один ироничный нальчанин
Может пафос легко развенчать.
Скажет метко: «Оставь океаны...
Возвращайся. Довольно скучать».

Он ведет себя очень странно:
Подбирает слова, как поэт.
А у Тихого океана
С опозданием приходит рассвет.

С этим Тихим тоски поменьше:
Берега же России видны...
В ностальгии кавказских женщин
Нет его океанской вины.

Примираюсь, увы, с отдаленностью,
Но сигналил Кавказ как маяк.
Над такой запоздалой влюбленностью
Продолжает смеяться земляк.

На 50-летие КБТУ

Сорок третья широта.
Чудо-параллель.
Ягод разные сорта.
Голубая ель.

В окруженья строгих гор
редкой красоты
ледяных озер узор.
Далеко как ты...

Центр, Горная, Долинск
не забыли нас.
Зелень бархатных долин –
цвет знакомых глаз.
Помнишь старенький вокзал,
поздние «Шагди»?
В своем сердце ты узнал
лишь мои следы.
Резонанс крылатых фраз...
Я лишилась сна.
Кто утешил? Ты. Кавказ.
И медаль луна...
Нерешаем наш вопрос,
хоть и справедлив.

Ведь не «лужица из слез»
Берингов пролив.
Слишком много миль морских –
трудно переплыть.
Пусть молекулы тоски
прекращают ныть.
Адрес Липовых аллея –
на губах опять.
Мы расстались, не жалея,
лет на двадцать пять.
Прилечу, когда смогу.
Приготовься. Жди:
приземлюсь в КБГУ
на твоей груди.

В Атажукинском парке

Месяц спрятал полщеки,
Ночь забрызгали чернилами,
Луч струится от Светила
Кронам елей вопреки.

Нам, вообще-то, все равно:
Эти встречи – мегатайна,
Если лексикой Айнштейна,
Относительно давно.

Триумфальные слова
О событиях известных,
Хоть и в высшей мере лестны,
Приторны, как пахлава.

Мы идем который час
Мимо клумб и мимо «Бочки»,
Мимо смысла каждой строчки...
Вот и роща. «Фантомас».

Звезды шуряют в ночи
(Как старушки!) близоруко.
Спят нальчане и Сосуко,
Петербуржцы, москвичи...

Завтра встретимся опять.
Флора парка – сверхпричина?
Иль Луна – близнец хичина?
Иль избытка чувств печать?

Вспыхнет царственный закат
У «Марии» и фонтанов...
Нам с тобой прощаться рано
Триста месяцев подряд.

Сакинат АБАЕВА

НА ОХОТЕ

Несколько дней не утихала вьюга, наметала сугробы возле моей лачуги. К привычной уже скуке прибавилась и нехватка еды – вьюга и мороз не позволяли выйти из дома.

Ну а сегодня, ближе к полудню, погода словно пообещала исправиться: туман порозовел, сквозь него пробился солнечный лучик и скользнул в комнату, выхватив из полумрака столик и стоявшую на нем тусклую лампаду. За этим столом мы обычно обедали, здесь же готовил уроки и рыженький Димка.

Необыкновенный мальчик. Он старался, как мог, однако совсем не понимал в математике, зато к географии проявлял живейший интерес, к примеру, мог наизусть перечислить все африканские страны, их расположение, особенности... удивительное дело, эти названия не то что запомнить, но и выговорить-то было трудно.

Тоненький луч солнца взбудрил всех, дал надежду на хорошую погоду, на охоту, на сытный обед. Даже воробьи, которые прятались от вьюги в чердачных проемах, повеселели – этот маленький лучик света дал им тоже на что-то надежду, и чирикание у них продолжалось довольно долго.

Прошел еще день и полдня, но выйти на дело было небезопасно. Непогода на охоте, как плохой друг, любит делать неприятные сюрпризы.

От безделья, я сегодня лег спать рано и долго ворочался. Мысли шли самые разные, но все сбивались на одну: о ночной охоте, на полнолуние, когда в лесу ни малейшего дуновения ветра и полная луна заливают серебром заснеженные деревья. И ночью, как и днем, можно разглядеть каждую тропинку. Даже олени в такую ночь какие-то вялые и медлительные, такое впечатление, будто и на них влияет романтика лунной ночи...

С этими приятными мыслями я заснул крепким сном. Снились мне лесные тропы, широкие и узкие. И вели они в бесконечность, в густой туман. Все тропы словно растворялись в этом тумане.

Мой сон был прерван стуком в окно. Я не сразу понял, что это было: то ли продолжение сна, то ли стук вторгается в явь. Просыпаться не хотелось, но стук повторился еще раз. И в это время Димка встал, подошел ко мне и начал меня трясти.

– Папа, проснись!.. Кто-то стучится. Я боюсь открывать двери.

Нехотя открыв глаза, я понял, где сон, а где явь. Резко вскочив, пошел открывать дверь. На пороге стоял егерь-сосед, из соседнего с Андреем села. Увидев меня сонного, егерь заругался, а посмотрев в глаза, как-то по-доброму сказал:

– Одевайся, друг, метель утихла. И лунная ночь нас просто обязывает пойти на оленя. А там посмотрим, что будет. И сова кричит, долгим глухим криком, значит, спокойная будет ночь.

Собрался я мгновенно. Меня веселила мысль, что задуманное просто материализовалось. Желание мое исполнилось. Это было невероятно и приятно. Надо же: и тропа, и луна, и олени. Все это действительно рядом.

У всех троих была одна надежда, ну что греха таить, все мы живем лесом, охотой. Без этого никуда.

По пути в лес рассказывали друг другу про метель, и как лучик солнца каждому дал надежду и каждого рассмешил. И чуть задержавшись, исчез. Но после него долго еще было светло в темноватом, зябком доме. Сейчас все поняли, что все уже позади, скоро будет и еда, а с ней и уют, и покой.

Мы с Андреем шли за егерем. Давно были знакомы эти тропы. Но я все думал о своем сне, где лесные тропки поглощались туманом. И странное ощущение ни на миг не покидало меня. Я смотрел вокруг с некоторым опасением, даже завидовал где-то в душе своим приятелям, что они ни о чем не думают. И неожиданно для себя самого спросил у них:

– А что будет, если с кем-то из нас троих что-то случится?..

Оба от неожиданности опешили, а егерь, улыбнувшись, посмотрел куда-то в сторону тропы и сказал:

– Будет его дом в полном пансионе у тех, кто останется.

Эти слова больно прошлись через всего меня, и я с ужасом подумал о Димке, матери и собаке, которая не могла дождаться кости, а когда получала, долго играла с ней, и лишь наигравшись, начинала грызть.

Егерь, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– А что ты такой несобранный, задумчивый? Может, что случилось?

– Нет, все нормально, все в полном порядке.

Я всячески отгонял от себя неприятные мысли. Даже не мог понять, откуда они появляются. Вроде бы занятие абсолютно привычное и даже желаемое. Но мысли не давали покоя, занятый ими, я вдруг осознал, что отстал от друзей.

Посмотрел вокруг... Никого, ничего. Где они могут быть? Может, спрятались и смеются надо мной? Но нет... Никого, нигде. Даже деревья, высокие и черные, и то стараются меня напугать своей чернотой и голыми ветками. Мне стало жутко. В ясную лунную ночь я не мог найти тропу, которая вела к тому месту, куда мы шли. Сугробы были разные: где-то высокие, а где-то нет, и на них никаких следов. Кое-где снега не было, и земля была открыта. Я не знал, что делать. Крикнуть было нельзя, испугать зверя не хотелось...

И вот вспомнил свой сон. От страха и нестерпимой тоски выступил на лбу холодный пот. Я решил выйти из леса, во что бы то ни стало. И, как в сказке, начал думать, в какую сторону пойти. Налево, направо, вперед, или как?

В лихорадочных раздумьях прошло какое-то время. И вдруг справа, из глубины леса, услышал два выстрела из охотничьего ружья. Я понял, что это они, мои друзья, где-то рядом. Обрадовавшись, подумал, что я не покинут в глубоком зимнем лесу. Послышались еще какие-то, непонятные звуки, но я не придал этому значения.. Меня охватила радость, что друзья нашлись.

«Господи, а я-то уж думал... Ну конечно же, они нашли оленя, и все

тихо, быстро... в общем, как всегда». Я машинально отломил кусочек от сухой ветки и начал крутить его между пальцами, и сломав его, бросил и начал теревить его ногой. И путаясь в мыслях, не понимая, радоваться или огорчаться, я хотел поднять эту полураздавленную деревяшку. Нагнулся и увидел, что стою на тропе, по которой мы недавно шли.

«Боже, но почему я не увидел сразу, сколько я эту тропу искал? Что это я здесь стою, и вообще, почему я не с ними?»

Я бросился вслед по этой тропинке, в глубь леса. Я шел вперед, думая только о том, что увидел тропу. И очередной выстрел из охотничьего ружья заставил меня остановиться. Я не смог пошевелиться. Мне было трудно сделать самое незначительное движение. «Что это со мной?»

Весь покрытый холодным потом, дрожал, не понимая, что со мной. Резкая боль в области левой ключицы скрутила меня. Я дотронулся до нее правой рукой, и что же? Мой старый тулуп был в дырках и весь в крови. «Откуда эта кровь? Разве могут Андрей и егерь целиться в меня?»

Слабость и головокружение будто отключали мое сознание. Сильная жажда мучила меня. Правой рукой я дотянулся до снега и с жадностью проглотил все, что смог наскрести. А потом еще и еще...

Немного придя в себя, я присел, а потом прилег на небольшой сугроб, под которым лежал толстый слой прошлогодней почерневшей листвы. Я хотел спать, не чувствовал ни холода, ни боли. Тропинка уходила непонятно куда, нечеткими становились силуэты деревьев. Показалось, что рядом пробежало что-то большое, сильное, ломая сухие сучья, скрипя сухим снегом. Но все это происходило уже без меня, оно меня как будто не касалось...

Все это было...

Я пришел в сознание и долго смотрел вокруг. Не понимал, где я, что со мной. Но очень хотелось понять все это. Кругом все было белое, я не чувствовал своего тела. От беспомощности я закрыл глаза. С трудом раздвинув веки, увидел незнакомого человека, он направлял на меня свет, и этот свет ослеплял меня. Я хотел снова закрыть глаза, но он не позволил.

– Ты счастливчик, – посмотрев на меня, сказал доктор. – Ты молодец, ты выжил!

Я лежал и не понимал, в каком месте я такой молодец. Приложив все усилия, спросил:

– Где я?

– Ты у нас, в больнице. Неужели ничего не помнишь?

У меня не было сил ответить, и я покачал головой.

– Твои друзья нашли тебя почти в лесу, замерзшего, с большой потерей крови, и привезли сюда. А мы вот постараемся поставить тебя на ноги. Посмотрим, что у нас получится.

Он мне рассказывал все это, а у меня даже сил не было слушать. Я закрыл глаза, а сон все не шел, я словно падал в пропасть. Порой пытался что-то вспоминать...

Прошло еще какое-то время, и чей-то взгляд снова заставил меня открыть глаза. Я с большим трудом сделал это... и увидел перед собой голубые глазки, полные радости, и рыжую головку Димки. Он смотрел

на меня с каким-то непонятным испугом. Я хотел дотронуться до него, но, увы...

– У тебя нет левой руки, – прошептал Димка, и слезы покатались по бледному личику. – Но ты не переживай, я все время буду рядом, буду тебе помогать. Мы с бабушкой молились за твое выздоровление. Даже мама приезжала и спрашивала о твоём здоровье.

Эти слова, напоминание о жене, меня как бы ударили током. Кому ее жалость нужна? Пускай живет там, куда ушла, бросив меня, маму, а главное, Димку.

Димка, как будто поняв мои мысли, сказал, что мама хорошая, и она очень жалеет обо всем.

Я ничего не ответил, только в Димкиных глазах увидел такую тоску и боль, что у самого выступили слезы.

– Конечно, сынок, все будет хорошо, только и смог сказать. – Мы с тобой мужчины...

– Папа, скоро придет бабушка, она сказала, чтобы я ее здесь подождал. Можно, я буду рядом с тобой?

– Ну да, конечно, Дим, где ты еще будешь?

Мы помолчали какое-то время.

– Дим, а что со мною было? – спросил я.

Мальчик удивленно открыл глаза и тихо сказал:

– Папа, а в тебя стреляли. Ты долго лежал на снегу, и почти обмороженного тебя нашли какие-то люди и привезли сюда.

– А где егерь и Андрей? – поинтересовался я.

– А-а, они? Да они ходили на оленя. Привезли нам почти целую тушу. Только бабушка не захотела брать. Но они заставили и сказали, что пойдут тебя искать. Но они тебя не нашли. К нам даже милиция приходила, спрашивали все.

– А потом? – снова поинтересовался я.

– А потом долго всех милиция допрашивала, но я их давно не видел. Тебя нашли другие.

– Дим, а сколько времени я здесь?

– Да уже месяц с лишним.

– А где мои ноги, я их не чувствую?

– Они у тебя частично обморожены, но врачи сказали, что их можно вылечить.

– А я буду ходить, сынок? – с жуткой болью в душе спросил я.

– Не знаю батя, не знаю, – снова сказал Димка, не глядя мне в глаза.

– Так вот почему приезжала мама, думала, я умру, и чтобы перед тобой совесть была чиста.

– Неправда, папа, она хорошая. Она нам кушать варила, постирала вещи и убрала в доме.

Я молчал, понимая свое состояние. Что теперь я могу сделать для сына и старой матери? Хоть мать будет рядом с ним – все переживал за сына.

Эти мысли уносили меня далеко. И только скрип двери вернул меня

в реальность. На пороге стояли мама и бывшая жена. Глаза матери были полны слез и надежды, а глаза Вари, жены, полны раскаяния и боли.

Я смотрел, не понимая ничего. А Варя подошла и погладила мой вспотевший лоб.

– Как дела у нас, дорогой мой?

Слезы душили меня и ее. Только Димка и мама стояли между нами и смотрели на нас обоих по очереди.

– Хорошо, – еле выдавил я из себя. Перед глазами шла жизнь с ней, и без нее, как черное и белое, как смерть и жизнь. Я начал понимать, что жизнь это лучшее для всех нас. И боль, которая держала все это время, расступалась. И радость, как тот маленький солнечный зайчик, который радовал нас после суровой вьюги, была нескончаемой, дорогой и желанной. Но почему это должно было пройти через боль?

Все это тоже было...

Лето подходило к концу. Я сидел во дворе под старой вербой, подставляя солнечным лучам свое больное тело. Я думал, что богом дарованная жизнь бесконечна и прекрасна. Рядом со мной дорогие мне люди. «Я люблю вас, дорогая моя семья», – мысленно повторял я. Но мои мысли прервал скрип открывающейся калитки, и я увидел того самого егеря.

Я смотрел на него и не мог понять, что это с ним произошло. Он как будто постарел на целую жизнь.

– Что с тобой? – не выдержав первый, спросил я.

Ничего не ответив, он поинтересовался, как у меня дела?

Мы долго смотрели друг другу в глаза.

– Прости нас, Богом прошу, прости. Мы испугались, когда тебя увидели уходящего.

– Значит, я на полном пансионе у вас? – ехидно спросил я.

– Это очень плохо, что так. Но еще не вечер. Может, мы будем у тебя на пансионе. Андрей еще сидит, а меня вот Варя вызволила из тюрьмы. Я не знаю, как теперь искупить свою вину. Скажи хоть, как ты?

– Уходи, быстрее уходи! – крикнул я.

Он встал, направился к калитке и, повернувшись, сказал:

– Ко мне едет дядька из Сибири со своими травами и снадобьями, прошу тебя, позволь себя посмотреть. Он по просьбе Вари едет, чтобы тебя лечить.

Я слушал, захлебываясь разочарованием и злостью. «Ну не мог я просто ошибиться, Варя не стоит внимания никакого», – думал я.

Егерь ушел уже давно, а я не мог зайти в дом. Ну почему она его простила, неужели все заново, все обман? – не мог успокоиться я.

– Не думай ничего плохого, дорогой, – прервала мои мысли Варя, которая стояла позади меня. – Я очень надеюсь, что дед поможет тебе.

– А если нет? – раздраженно спросил я.

– Мы будем всегда рядом...

Непонятное чувство тоски и возмущения не давало возможности примирения, прощения, чтобы это было закончено и забыто совсем, до конца.

«Ну почему мне всегда что-то мешает, какая-то малость, чуть-чуть, но все-таки мешает. Ну почему так?» Почти осеннее солнце было про-

хладным, как моя душа. Никакое утешение не шло в голову, только недоверие и разочарование.

«Я должен взять себя в руки. Я не могу принять подаяния», – твердил себе упрямо, совсем не думая, что из этого выйдет. Обида, старая, она же и новая, не давала покоя. Димка, который копался неподалеку, раздражал так, что я крикнул что есть мочи. От испуга мальчик даже присел. Выбегавшая мать была в истерике, только Варя, которая молча наблюдала за всем, поняла, что и откуда.

Да, егерь был ее любовью. Да, она вызволила его из тюрьмы. Но от мужа уходила она не к егерю. И вызволила его из-за отсутствия улик, и попросила вызвать дядю-травника из Сибири, и только ради него.

Нерешительно она подошла к нему. Димка со страхом наблюдал за ними. Он тоже уйдет с матерью, если отец не поймет ее.

– У тебя разболелись ноги? – спросила она.

– Нет, Варя, моей душе плохо, она у меня болит. Ты понимаешь, что это, или как? – почти кричал он.

– Я понимаю, не волнуйся, только соберу вещи. Она стояла, не отходя от мужа. Они оба выжидали... она надеялась, он думал.

Димка с бабушкой вышли за калитку, им обоим было трудно все это заново пережить. Чтобы все это опять повторилось? У них не было никаких сил. Варя, понимая, что она должна быть первой, решила проститься и попросить прощения, если что не так. Но только она открыла рот, как он своим взглядом остановил ее. Затем, глядя в сторону, сказал:

– А ты красивая, и глаза такие же, ничуть не изменились, цвета сапфира.

Хоть и смотрел в сторону, но краем глаза он заметил, что у нее дрожал подбородок. Ее переполнили чувства, она не могла ничего говорить. Еще мгновение, и слезы хлынут из глаз, и никогда ей не сказать всего, что хотелось бы.

– Не говори ничего, одно лишь сделай – прости меня, медведя, – не глядя в глаза, сказал он.

– Ты самый смешной медведь на свете и самый упрямый.

– Просто я раненый медведь, – постарался улыбнуться он.

– Да, он страшный, когда раненый, – улыбнулась сквозь слезы Варя... И осень золотая была...

В душе – покой и благодать. Только прощальные крики улетающих птиц нарушали тишину осеннего леса, который оголялся с удивительной быстротой. И мягким ковром золотистых тонов покрывалась земля под деревьями, создавая свой уют в этом покое замирающей природы.

Исуф ГУКЕТЛОВ**ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ**

*Памяти Юрия Калмыкова –
депутата Верховного Совета СССР,
тхамасы всемирной Адыгэ Хасэ,
министра юстиции России*

Лихое время... впрочем, как всегда –
Иных времен Россия не знавала:
То из чужих земель придет беда,
То изнутри – до полного развала.

Вот и теперь соседи у межи
Друг в друга целят, и не только бранью...
Затем и вас, державные мужи,
Призвал народ к высокому собранью.

Затем и наделил вас правом он,
Последнюю надежду возлагая
На здравый смысл, на правду, на закон, –
Свобода чтоб пришла, но не нагая.

Чтобы значенье равное и вес
Несхожих россиян имело слово...
И Дума тебя слушала, черкес,
Наш Юрий, сын Хамзата Калмыкова.

Адыгов сын, абхазов, абазин,
Кавказа многоликого избранник,
Ты дрался не за черный лимузин,
Не за кремлевский ты сражался «пряник».

К иному был ты сердцем устремлен,
Иных щедрот душа твоя желала:
Чтоб главной книгой был в стране «Закон»,
Чтоб справедливость в ней торжествовала.

Ни сердца, ни души ты не жалел,
С отвагой мудрость сочетавший горец.
Ты столько поднял неподъемных дел, –
Ученый, правовед, законотворец...

Талант, и ум (не зря твой генный код
За веком век накапливали Нарты),
И знание жизни – чтоб сберечь народ,
Внесенный на генштабовские карты.

Министр и гражданин, ты был в Чечне,
Ты видел сам, ты видел все воочью.
Ты душу пережег на том огне,
Когда фугасы день мешали с ночью.

...Насмешки чинодралов из Кремля,
Тяжелый разговор у президента,
И результат – не более нуля.
На сердце шрам, как орденская лента.

Народный маршал наш, и ты не смог
Остановить военную машину.
Подумал только: «Есть на свете Бог...» –
И словно бы услышал шикапшину¹.

Она пришла в столицу, словно весть
Из неподкупных поднебесных далей.
«И справедливость в этом мире есть!» –
Сказал, слагая мишуру регалий.

Сказал, отринув свой высокий пост...
Ты просто уходил с чумного пира,
Душой увидев тот небесный мост,
Что подводил к черте иного мира.

Ты уходил как истинный адыг,
Презрев злорадный вой чиновной своры.
Без стона стало сердце. В этот миг
В Черкесии главами никли горы.

Кто мог предположить, предугадать?..
Судьба вершит свое... Но так я верю,
Когда-нибудь прекраснейшая мать –
Черкешенка – нам возместит потерю,

Родит богатыря и мудреца,
Похожего на Юру Калмыкова...
Не зря надеждой греет нам сердца
Счастливая адыгская подкова.

Нальчик, май 2003 г.

Перевод Л. Местича

¹ Шикапшина – адыгский смычковый музыкальный инструмент.

Раиса ДЬЯКОВА**Сто лет храму**

Столетний юбилей встречает храм станичный,
Сверкая свежей краской церковных куполов,
Узором древним красивых стен кирпичных
И звоном праздничных своих колоколов.

Сто лет назад в истории станицы
Родился храм на Терских берегах,
Господь в котором укрывал Своей десницей
Всех тех, кто каялся в содеянных грехах.

И церковь наша, что построили казаки,
Хранила их в невзгодах роковых,
Сумела выстоять и сохранила лики,
Что смотрят в души нам с икон святых.

Феодосий¹

Воистину Богом был дан Феодосий,
Молитвенник дивный за грех наш, за нас.
Его, преподобного Старца, мы просим
За многострадальный священный Кавказ.
Из Пермского края он в Землю святую
С молитвою к Богу спешил,
В Иерусалиме при Гробе Господнем
Немало он лет верой-правдой служил.
За Родину нашу, за церковь святую,
За весь наш народ он молился, страдал,
И жизни спасал он в годину лихую,
И словом он души людей врачевал.
С особой заботой, с отцовской любовью
Великий тот Старец детей привечал...
Прочти, юный друг, ты о подвиге Старца,
Поймешь, где исток, где начало начал.
Носи, друг, с любовью ты славное имя,
И будет оно путеводной звездой,
Пусть сердце твое свет добра излучает
И счастье вовек не простится с тобой.

¹ «Богом данный» (др. греч.).

Хасан¹

Всеми наш Хасан любим –
Гор кавказских гордый сын.
Сердце горца – что огонь,
Зря шутить не любит он,
Как не шутят горы там,
Где отпор дают врагам,
Где живут законы гор
Издравле и до сих пор.
Все здесь рады кунакам,

Счастье, горе – пополам,
И Хасан наш – добрый друг,
Любит помечтать он вслух,
Он – поэт в душе своей,
Нет мечты его светлей:
Чтоб в согласье и в любви
Жить на свете все могли,
Зная с детства до седин,
Что Господь для всех – един.

Кому воды холодной

«Войне конец! Ура! Ура! –
Ликуют души и сердца.
Бежит на станцию народ,
Кричит: – Он едет! Он идет!»
И может, кто-то здесь сойдет,
Отец, иль сын, иль чей-то брат
Вернуться с фронта будет рад.
Взмахнул крылом наш семафор,
Состав на станцию пришел,
К вагонам кинулся народ,
Все ждут: «А вдруг и он сойдет...»
– Какая станция, скажи? –
Спросил какой-то пассажир.
– Здесь – Котляревская, – в ответ.
– А где вокзал? – Вокзала нет,
Фашист его сровнял с землей,
Когда у Терека шел бой...
А на перроне в этот миг –
Объятья, слезы, смех и крик.

– Сыночек, милый мой, родной,
Домой вернулся дорогой.
Как возмужал! А был – малец,
Тобой гордился бы отец...
Тут мы вагагою голодной
Кричим: «Кому воды холодной?»
Мы, дети страшной той войны,
Пришли с ведерками воды,
Солдатам чтоб в пути помочь,
Жару и жажду превозмочь.
Быть может, кружечка воды
Спасет кого-то от беды...
Немало лет с тех пор прошло,
Уж стало городом село,
Вокзал построен, светофор,
Но все мы помним до сих пор
Наш клич «Кому воды холодной?» –
Военных лет, поры голодной.

¹ «Добрый; хороший; красивый» (араб.).

Роза УРУСОВА

Война не может быть далекой,
Она стучит в моих висках
И в генной памяти жестоко
Вздыхает ужас, боль и страх.

...Над катакомбами под Брестом
Застыл мой голос на века.
Создатель наш, единым жестом
Сняла им боль Твоя рука.

Крик малых дитяток Хатыни,
Горящих в адовом огне...
В моей душе живет поныне
Проклятье черное войне.

Десятки лет святым наградам,
Но, не рожденная еще,
Я умираю в Ленинграде, –
Все помнят гены, помнят все.

Я с ними в сырости могильной,
В кровавом месиве дорог.
До иступленья, до бессилья
Мы защищаем свой порог.

...Под Сталинградом гибну с братом,
С отцом в концлагере гнию,
Но под пятой у супостата
Не брошу Родину свою!

Монолог росинки

Я бы стала рекой, если б только сумела,
Стала б лесом берез и над вами шумела,
Ледниками легла б на могучие горы,
Чистым теплым дождем пролилась на просторы,

Разлучила б навек человека и войны...
Стала б жизнь на земле Божиим промыслом стройным.
...Как же розовый куст хрупок и беззащитен.
Я – на нем лишь слеза... испарюсь... не взыщите.

Закат, закат... не подобрать слова.
Здесь явь и сон... кружится голова.
Аллея та, счастливых пар волна...
Откуда и куда бреду одна?

Уходит день и с ним убранства миг,
Здесь хохот молодых и детский крик
Восторженный, от радости чумной,
И чудится, что ты опять со мной.

В ладони мощной – хрупкая моя,
Иду, во взгляде нежность не тая...
Твоей любовью стала я сильна,
Что пропасть, что поток мне, что стена!

Рубиновый закат, и мальчик – в пляс...
Но... я одна, одна, мой мир погас.
О Господи, прости мой вдовый бред.
Счастливые, его давно уж нет.

Своих смущенных глаз не прячьте вы,
Судьба неукоснительна, увы.
Пусть бог оценит тихий шепот вслед,
Такое утешенье – лишь во вред.

...Хохочешь, малый? Как же ты хорош!
Но... шепчет Время: «Ваши страсти – грош».
Жаль, на исходе праздничного дня
Ведет тропа кого-то... не меня.

Светлана БОЧКАРЕВА

Вот на столе букетик роз,
Еще не знает увяданья,
На них роса, как капли слез,
Их аромат – мое дыханье.
Но вот пройдет немного дней,
Померкнет блеск красы и цвета,
Как наша жизнь уходит в лета,
Все временно, все тленно в ней.

Любовь – как горькая полынь,
Любовь – как сладкая малина,
То шепчет мне: забудь, остынь,
То тянет с головой в трясины.
То нежно за руку ведет
В сады за соловьиной трелью,
То вдруг снегами заметет,
Завьюжит лютою метелью.
Зачем, скажи ты мне, любовь,
Сомненьями терзаешь душу?
Зачем мою волнуешь кровь,
И, как травинку в поле, сушишь?
И почему согласна я
На все сомненья и терзанья,
На неизбежность расставанья,
Но нынче жить, Его любя.

А.Н.Т.

Я украду, я украду
Твои глаза, уста и руки,
Тепло и свет их сберегу
От неизбежной тьмы разлуки.
Я украду твою любовь,
И ты об этом лишь узнаешь,
Когда любить захочешь вновь,
Когда меня ты потеряешь.
Но все равно, ты мне поверь,

Однажды в тихий зимний вечер
Я для тебя открою дверь,
Зажгу торжественные свечи.
Тебя заманят их огни,
И ты придешь, такой далекий,
И скажешь мне: «Любовь верни.
Мне без нее так одиноко».
Тебя, себя не обмануть,
Надеждой призрачной и хрупкой
Нельзя прошедшее вернуть,
Любовь умчится ввысь голубкой.

Ты ладонь свою мне дай,
Я плесну в нее вина.
Ты меня не осуждай,
Выпью я его до дна!
Моя странная причуда –
Будет наш с тобой секрет,
А ладошка – просто чудо,
И вино в ней – слаще нет.

На ладонь тихо падают капли дождя,
Вот в руке небольшая лужица.
Как мне дальше жить без тебя?
Голова листопадом кружится.
Скоро осень-растрепя пройдет,
Все вокруг станет сине-белым,
Мое сердце застынет, как лед,
Несогретое твоим телом.
А весной я нырну в туман,
Что окутает голый лес,
Унесет он меня в обман,
В даль полей, в синеву небес.
Где-то будут петь петухи,
Пробуждая день ото сна;
Я сорву сережки с ольхи,
Отогреет меня весна.

Я очень ждала, я так пылко желала
Твоей необузданной страсти,
И, словно листочек на ветке, дрожала
В предчувствии грешного счастья.
И сердце тревожно стучало, стучало,

Казалось, что вырвется вон из груди,
И только душа почему-то молчала,
А губы шептали: «Скорее приди...»
И как мне с моею душой разобраться,
И как убедить не бояться греха?
Ведь я не могу от тебя отказаться,
Хоть знаю, что грешная жизнь нелегка.
Приди хоть на час, хоть на миг, на минутку —
Испить без остатка страстей горький мед,
И пусть не всерьез это, пусть будет в шутку,
Что лучше, что хуже — сам Бог не поймет.

Ты, как орел в высоком небе,
Недосягаемый с земли,
Ты был моим, а будто не был,
И я зову «Азрет...».
Но чуда может не случиться,
Как ни зови, как ни моли.
Пусть ничего не повторится,
Лишь был бы жив Азретали.
И я шепчу перед иконой
В молитве: «Господи! Внемли!
Пусть он летает птицей вольной,
Храни, Господь, Азретали!»

Нине

В тиши ночей и долгих вечеров,
Когда вся жизнь как будто замирает,
Лечу к тебе, раздвинув тьмы покров,
И дверь в твой дом неслышно отпираю.
Твой мирный сон не потревожу я,
Моя душа склонится над тобою.
И так замрет, ночной покой храня,
Тебя окутав лаской неземною.
Я буду сон твой чуткий охранять,
Приду к тебе неслышно в сновиденья,
Чтоб быть с тобой, чтобы тебя обнять
Пусть даже в нереальные мгновенья.
Но лишь едва наметится рассвет
Твою обитель с грустью я покину,
Но в памяти твоей останется мой след,
Ты будешь ждать меня, моя дочурка Нина.

*Ж 100-летию со дня рождения Берта Гуртуева –
народного писателя Кабардино-Балкарии
(1910–2001)*

В нашем журнале (№ 5 за 2010 год) была опубликована статья о Берте Исмаиловиче, и нынешней публикацией мы продолжаем рассказывать о нем.

Истинная поэзия интернациональна, ибо она – неотъемлемая часть мировой культуры. Потому и близки на любом языке Гомер и Шекспир, Генри Лонгфелло и Федерико Лорка, Александр Пушкин и Уолт Уитмен, Габдулла Тукай и Тарас Шевченко... Ярким примером этому служили и поэты многих народов некогда обширного СССР. Литераторы Кабардино-Балкарии, к примеру, нередко приглашались для встреч с читателями в Москве, Риге, Виннице, Ростове и других крупных городах страны, а их книги запрашивались многими институтами и литературными музеями, переводились и печатались на десятках языков. И сама гостеприимная Кабардино-Балкария часто привечала не только литераторов-соседей по Кавказу, но и из Москвы, Туркмении, Латвии, Украины... О таких связях можно судить, скажем, из части переписки патриарха балкарской художественной литературы, народного писателя Кабардино-Балкарии Берта Гуртуева с читателями, собратьями по перу из Украины.

Но сначала об одном «Издательском договоре»:

Нальчик, 2 марта 1964 г.

Кабардино-Балкарское книжное издательство, именуемое в дальнейшем «КАББАБККНИЖИЗДАТ», в лице директора издательства КАЦИЕВА Х. Х., и ГУРТУЕВ Б. И., именуемый в дальнейшем «АВТОР», заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Автор передает Каббалккнижиздату исключительное право на издание и переиздание своего труда под названием составление и перевод стихов Тараса Шевченко размером до 3 авторских листов, считая 40000 печатных знаков в одном листе, сроком на 4 года со дня одобрения труда.

В этом договоре заметна основная – организаторская – роль Берта Гуртуева в привлечении к переводу стихов украинского классика лучших творческих сил Балкарии. Да, он сам перевел для этого сборника семь

Шахмурзаев Саид Османович – балкарский поэт, прозаик, просветитель; Хавпачев Амирхан Асхадович – кабардинский поэт; Гуртуев Берг Измаилович – балкарский поэт. 1957 год

стихотворений великого Кобзаря, в том числе знаменитую шевченковскую «Думу». И состав других переводчиков говорит о бережном и серьезном отношении Берга Гуртуева к украинскому поэтическому наследию. Он привлек к этой работе и Кайсына Кулиева.

Многогранна роль Гуртуева в популяризации украинской литературы на своей кабардино-балкарской земле. И именно он – в центре этих связей.

С большим вниманием относился Берг Гуртуев к тем инициативам, которые помогали «сеять разумное, доброе, вечное» между народами.

Немало в архиве Берга Гуртуева писем и запросов, в результате чего его книги были затребованы и нашли своих читателей не только на Украине, но и в Якутии, Таджикистане, на БАМЕ и Нурекской ГЭС, на Кубани, в Латвии, у пограничников Дальнего Востока и школьников Дагестана... Но отношение к Украине у Берга Гуртуева – особое. С Киевской Руси зародилась великая страна. На Сапун-горе погиб в боях с фашистами в мае 1944 года кавалер орденов Ленина и Отечественной войны, замполит батальона Абдулла Кучмезов – двоюродный брат Берга. Украинка Марко Вовчок нашла приют и покой неподалеку от родного аула Берга Гуртуева. В Ялте и Коктебеле он чувствовал себя, как дома...

Настолько близок был Берту Гуртуеву образ Марко Вовчок, что стихи о ней были включены в первый же сборник на русском языке в переводе С. Виленского и Я. Серпина, достаточно близком к оригиналу. Прозвучали эти строки на двух языках по радио и опубликованы в газетах к 125-летию великой украинки:

Ненастный день колокола будили,
Клубились тучи в первозданной мгле.
Ржавели цепи, годы уходили,
А горе оставалось на земле.
Жестокий мир вставал перед глазами,
Грозя бедой, преследовал людей.
Изнемогая, с верными друзьями
Делилась ты кручиною своей.
Глухие стоны горестно звучали,
И, сумрачной тревогой налита,
Строка ложилась на сердце в печали,
Как тяжкая надгробная плита.
Но тем, кто в счастье верил неотступно,
Тем дорог был правдивый голос твой,
Как совесть их, такой же неподкупный,
Как вера их, упрямый и живой.
Суровые, бескрайние просторы
В тот трудный век не разделили нас:
Усталая, приехала ты в горы
И сразу полюбила наш Кавказ.
Чтоб обрести желанную свободу,
Еще, казалось, не было путей.
Ох, как несладко здесь жилось народу,
Не лучше, чем на родине твоей...

Семейное фото.

Сидят (слева направо): Берт Измаилович, супруга Уста, сын Эльдар;
стоят (слева направо): дочь Таужан, дочь Тамара, сын Уюс, дочь Марьям.
1964 год

К тебе спешили горцы по дорогам,
Доступным не для каждого коня,
Из саклей, прилепившихся к отрогам,
Из горских сел Ак-су и Хасанья.
Бежала тропка, надвое разрезав
Зеленый луг... В вечерний тихий час
Здесь разговаривал с тобой Кучмезов,
Акаев навещал тебя не раз.
Приветно кланялся тебе прохожий.
Благословлял тебя любой батрак.
Мне говорят, что ты была похожа
На мать мою. Наверно, это так...
Живительной прохладой веял ветер,
Благоухали яркие цветы,
Вдыхая горный воздух, на рассвете
Навстречу ветру выходила ты.
Но пробил час. Навек сомкнулись очи,
Как будто опустились два крыла,
И в горы весть пришла чернее ночи,
И горы повторили: «Умерла...»
И скорби беспредельной не таила
Земля моя на сотни верст окрест,
Когда над свежей, дорогой могилой
Встал одинокий деревянный крест.
...Опять весна, опять земля в расцвете,
Но с той поры прошло немало лет.
Свободны мы. Наш путь далек и светел,
И тьмы былой давно в помине нет.
Но мы, встречая солнце, не забудем,
Как зажигались первые огни.
За все добро, содеянное людям,
Тебе воздвигли памятник они.
В рассветной дымке утренние дали
И зелень трав по-вешнему ярка,
И, расстилаясь по ветру, как шали,
Неслышно проплывали облака.
И стайкой говорливой и веселой
Сюда порой с учителем седым
Приходят дети из соседней школы, —
Она зовется именем твоим.
И домик твой, где памятны и живы
Минувшего незримы следы,
Хранит народ Балкарии счастливой,
Хранит народ счастливой Кабарды.
Я гордым взором Родину окину

С л е в а н а п р а в о: Шортанов Аскербий, Кузьмин Валентин, Геттуев Магомед, Черемисин Борис, Налоев Ахмедхан, Шогенцуков Адам, Гуртуев Берг, Тхагазитов Зубер, Мокаев Магомед, Кулиев Кайсын, Кардангушев Зарамук, Карданов Буба, Макитов Сафар, Маммеев Ибрагим. 70-е годы

Окину зеленеющий простор:
Приветствуют степную Украину
Вершины древние Кавказских гор.
Я расскажу тебе о нашем счастье,
О подвигах и буднях трудовых...
Но мертвые к волненью не причастны,
Они не слышат голоса живых.
Цветет тобой посаженная груша;
Я не дотронусь до нее рукой,
Я строгого молчанья не нарушу –
Спи вечным сном. Священен твой покой.
Все хорошо: и горы наши близко,
И солнце щедро озаряет их,
И золотятся граниobelиска
В лучах его – прозрачных и прямых.

В личном архиве Берга Гуртуева сохранился пригласительный билет, на лицевой стороне которого портрет Марко Вовчок с факсимиле ее подписи и цитатой из Н. Г. Чернышевского: «...Марко Вовчок была талантливейшим из всех наших беллетристов эпохи послегоголевской». И

дальше – текст приглашения: «Уважаемый товарищ Гуртуев Б. И. Юбилейная комиссия приглашает Вас на вечер, посвященный 125-летию со дня рождения классика украинской литературы – Марко Вовчок. Вечер состоится 21 декабря 1959 года в концертном зале филармонии (ул. Ногмова, 8). Начало в 19 часов». Здесь Берг Гуртуев был не только организатором вечера, но и прочитал свои стихи, посвященные Марко Вовчок...

Переписка с украинскими коллегами, учеными, читателями и издателями, сохранившаяся в архиве Берга Гуртуева, наглядно показывает, насколько тесными были литературные связи между Кабардино-Балкарией и Украиной. Настолько, что украинцы читали поэта из Кабардино-Балкарии на своем языке.

Гуртуев – один из основоположников профессиональной балкарской литературы, член Союза писателей СССР с 1934 г., занимал должности заместителя председателя Союза писателей Кабардино-Балкарии, председателя правления Союза писателей. Он был делегатом и участником первого Всесоюзного съезда писателей, получил из рук М. Горького билет члена Союза писателей СССР за его подписью.

Берг Измаилович внес большой вклад в процесс становления профессиональной балкарской литературы. В его творчестве отразились этапы идейного роста не только самого писателя, но и всей национальной художественной словесности XX в., оно способствовало плодотворному развитию нового поколения художников слова.

Берг Измаилович Гуртуев с дочерью Таужан и внуками. 1985 год

ПОЭТ БЛАГОРОДНОЙ ДУШИ – БЕТАЛ КУАШЕВ

...Густые зеленые кущи Долинска. Здесь благодать и бархатный уют. Птицы поют, очарованные синевой неба. Деревья томятся в лучах солнца, по камням журчит речка, наивно-веселая. Душа в божественном покое...

И встрепенулась, всколыхнулась память, понесла меня, разметав свои крылья, в пространство ушедшего времени. Где-то здесь, в этих кущах, грустит мое невеселое детство...

Непредсказуемая тропа привела меня, десятилетнего мальчишку, из дальнего села в детский санаторий в Долинске. Это было в середине апреля 1952 года. До этого я две недели жил в

гостинице «Нальчик», которая располагается прямо у входа в городской парк. В город к врачам меня привез младший брат моей матери – самый любимый и родной мне человек, журналист и писатель Хаути Дударов. Он тогда работал в газете «Къэбэрдей пэж» (ныне «Адыгэ псалъэ»). Не имея квартиры, Хаути жил в гостинице. Работа была недалеко, на углу проспекта Ленина и улицы Лермонтова, в большом сером здании на третьем этаже располагалась редакция газеты. Несмотря на сильную занятость, дядя выкраивал время и водил меня к врачам в городскую поликлинику для прохождения анализов.

Однажды вечером он вернулся с работы в гостиницу с тремя мужчинами, которых я не знал. Они познакомились со мной. Это были композитор Вано Мурадели, писатель Ахмедхан Налоев и поэт Бетал Куашев.

Вано Мурадели – крупный, высокий, с широким лицом, говорливый. Ахмедхан Налоев – подтянутый, тоже высокого роста, с приятным чертами лица, живой и добродушный. Бетал Куашев – черноглазый, крепко сложенный человек маленького роста с густыми бровями. Чувствовалось, что он быстро и легко умел входить в контакт.

Мой дядя был высокого роста, красивый, густые брови, зачесанный назад черный чуб, открытый лоб, он излучал доброту. Я никогда не слышал, чтобы кто-то о нем плохо отзывался.

Эти мужчины рядом друг с другом могли бы стать прекрасным объектом изображения на картине, настолько выразительными личностями они являлись.

Шумно, взрываясь смехом, друзья о чем-то говорили. Я их плохо понимал, потому что не знал тогда русского языка. Вано Мурадели из глубоких карманов своих широченных брюк вывалил на стол чинаровые орешки, чуть ли не целое ведро, и сказал: «Кушай!»

Позже мы все вместе спустились из номера в ресторан, который располагался на первом этаже. Помещение ресторана было очень красивым, просторным и хорошо освещенным, народу было много. Справа от входа располагался буфет, чуть дальше от него играл оркестр. С разных концов

зала моих спутников приветствовали громко, кто-то приглашал к столу. В ответ они кланялись, кивали, кому-то отвечали вскидкой рук.

Мы сели во второй ряд от стены, недалеко от оркестра. Оркестранты дружески улынулись нам, и тут же заиграла музыка. Медленно и трогательно набирала силу нежная и грустная мелодия. Я не понимал, конечно, о чем эта музыка, но я почувствовал, что мое сердце отзывается тоской. Мелодия вздымалась волной, мощным накатом, и сердце будто пыталось освободиться от тяжести в душе. Это был полонез Огиньского «Прощание с родиной».

Оказалось, что Бетал любил эту музыку, и оркестр всегда исполнял ее для него. Намного позже я узнал, что музыку эту написал польский композитор, участник восстания под руководством Тадеуша Костюшко, революционер.

В тот же вечер я услышал и песню, совершенно новую, но уже ставшую известной и любимой. Ее авторами были Ваню Мурадели и Бетал Куашев.

Я сидел с ними и слушал их песню! Это было здорово!..

Мелодия неслась вдохновенно и патриотично. Звучала «Песня Кабарды о мире». Некоторые даже пели:

*Шли на нас войной султаны,
Наш народ терзали ханы.
Сколько мы сложили сказов
О страданиях Кавказа...
Поджигателей войны,
Песня, обожги...*

Когда закончилась песня, оркестранты встали, зал аплодировал счастливым авторам. Не в эту ли минуту в сердце Бетала зародились стихи о друге-композиторе?..

*Слышал соловьиные трели,
Симфонии слышал не раз,
Но песни Ваню Мурадели
Душе моей жизненный сад.
Я слышу его по-родному,
Готов его слушать хоть век,
Спасибо, что он по-иному
Понял, что такой человек.*

Наверняка Ваню понимал, «что такой» Бетал, и поэт был ему благодарен за это...

Бетала Куашева после я видел уже в санатории. Он с моим дядей приходил ко мне. Внутри не пускали, поэтому мы говорили через окно. Когда они уходили, Бетал сказал «Живи и здравствуй!». Именно так он прощался всегда.

Однажды, во время очередного посещения, Хаути сказал мне, чтобы вечером я послушал радио. Это было, по-моему, в конце весны 1953 года.

У нас в палате был репродуктор. Вечером, на местном вещании, диктор объявил, что поэт Бетал Куашев прочитает свои стихи, посвященные 300-летию добровольного воссоединения Украины и России.

Поэт прочитал стихотворение на русском языке. Оно начиналось строкой: «Салам, Украина! Россия, салам!» (хочу подчеркнуть: салам, а не привет,

как стало после, в переводе. На мой взгляд, слово «салам» придавало строке свежесть, искренность и сохраняло оригинальность поэта).

Бетал был великолепный чтец. Яркий голос, четко поставленная дикция, ритмика, осязание стиха, логические ударения – все впечатляло. В тот вечер эти стихи звучали впервые. Я тогда по-настоящему ощутил поэзию!.. Это было ново для меня – поэт читает свои стихи!

После выписки из санатория я не раз видел Бетала с Хаути. Но вот один эпизод, о котором хочется рассказать. Напротив кинотеатра «Победа» на углу улиц Кабардинская и Грибоедова стояла небольшая будочка сапожника-чистильщика. Работал там старик-курд вместе со своей женой. Он был весь в морщинах, цвет лица – темно-коричневый, мутно-красные глаза, потемневшие зубы, зимой и летом в старой шапке. Старик, всегда без слов, тихо напевал про себя какую-то невеселую мелодию. Его звали Шамель. Мы ходили к нему чистить обувь. Прошли годы. Бетал ушел из жизни. Он умер 1 мая 1957 года...

Я стал студентом историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского госуниверситета по специальности «Русский язык и литература». Факультет располагался рядом с гостиницей «Нальчик», в прекрасном зеленом месте недалеко от парка (сейчас там медицинский факультет университета). По дороге с занятий, спускаясь вниз по Кабардинской улице, я иногда захаживал к старику. Мне интересно было слушать его, тихого, спокойного, доброго человека.

Он, наверное, помнил меня с Беталом, и всякий раз у нас с ним происходил один и тот же разговор. Беседа длилась недолго, но я хочу передать ее слово в слово.

– Ты кабардин? – спросил он.

Я отвечал так же, как он спрашивал:

– Кабардин.

– Откуда?

– Куркужин.

– А-а-а, – глухо произносил он, будто знал это место, в чем я сомневался.

Разговор шел дальше:

– Бетал знаешь?

– Знаешь.

– Хороший чельовек...

Вот и все. Больше ни слова он не говорил, и дальше продолжал свой грустный напев. И этот допрос каждый раз, слово в слово, повторялся. Что интересно – старик никогда не ставил последнюю фразу в прошедшем времени. Мне казалось, что он не понимает, но потом осознал – дед прав: для Бетала нет прошедшего времени, у него есть только настоящее и будущее.

В потоке времени, в суете будней не всегда понимаешь истинное значение человека.

Известный культуролог Л. М. Баткин о деятелях эпохи Возрождения писал, что для них гуманизм – это стиль жизни, состояние души.

К сожалению, людей, о которых я здесь говорил, с нами уже нет. Они все были гуманистами – по образу жизни, полету души и культуре мысли.

Бетал Куашев – искренний поэт-гуманист, в его творчестве симфоничны талант и благородство.

Людмила ЗАГАШТОКОВА

ДЖУЛЬБЕР

*...Знала о тебе не понаслышке:
Рос, вырослел ты на глазах у нас,
Смертью, неожиданною слишком,
Жизнь твоя оборвалась сейчас.*

Молодой, энергичный, всегда жизнерадостный Джульбер ушел из жизни в расцвете сил. Очень трудно говорить о нем в прошедшем времени...

Я вижу перед собой трехлетнего мальчика, слышу его звонкий голос. Он как бы хочет обнять весь мир своими ручонками, они протянуты вперед, и он сквозь детский смех говорит: «Я люблю вас всех!..»

И удивительно, что это человеколюбие жило в нем до конца его дней. Он любил этот мир, живущих в нем людей. Искал и находил в каждом человеке, с которым ему приходилось соприкоснуться по долгу службы или просто так, что-то светлое, хорошее. В нем была удивительная способность, умение слушать и услышать. А ведь это многое значит – быть услышанным...

Джульбер... Я не устаю повторять это имя, такое необычное, яркое, как и он сам. Между тем он был очень простым, добродушным, искренним человеком. Он очень ценил дружбу, родство. Всегда с пониманием относился к людям, которые к нему обращались с разными просьбами, и по мере возможностей старался помочь им.

Я ищу слов, достойных его, его жизни, и знаете, не могу их найти. Наверное, человек еще не придумал достойных слов для таких, как он. Все хорошие, высокие слова кажутся недостаточными, чтобы описать его поступки, его жизнь.

Жить бы и жить ему, творить добрые дела...

Как-то в девять часов вечера он позвонил мне и радостным, возбужденным голосом спрашивает:

**Джульбер
Быков**

– Людмила, угадай, что мы сейчас делаем?

По его торжественному голосу я догадалась, что у них какое-то застолье, и с улыбкой отвечаю:

– Видимо, какое-то торжество...

Он засмеялся и говорит:

– А по какому поводу?

– Вот этого я пока не знаю. Может, посветишь? – отвечаю ему.

– У Алика Емкужева родился внук, и мы отмечаем это великое событие. Людмила, угадай, как его назвали?

– Что-то ты, Джульбер, говоришь загадками, – засмеялась я. – Не твоим ли именем назвали его?

– А как ты догадалась? – весело засмеялся Джульбер. – Это третий пацан, которого называют моим именем в честь меня. Ты понимаешь, что я и после моей смерти буду жить. Жить в образе этих вот новорожденных Джульберов!

В его голосе было столько неподдельных счастливых нот, что у меня перед глазами появился счастливый, улыбающийся Джульбер.

В этом был весь Джульбер, открытый, честный, который всегда был готов поддержать друзей, родных, знакомых в их радости и горести.

Марита КАРДАНОВА

За нами Москва

Все дальше в глубь истории уходят сражения, которые велись в годы Великой Отечественной войны с фашистскими захватчиками. Но время не в силах затмить ни одного дня, ни одного события этого периода, так как за ними стоят человеческие жизни и судьбы. И откуда живы мы, потомки героев, которые защищали нашу землю от врагов, отдали свои жизни ради нашего будущего, будет жить и память о них.

Одним из главных сражений Великой Отечественной войны по праву считается битва под Москвой. Сыновья почти всех национальностей великого Советского народа сражались за сердце нашей родины – город Москву. Среди бойцов был и наш земляк, уроженец селения Аргудан Урванского района Хангерий Елоков. Воспитанный в добропорядочной кабардинской семье, Хангерий вырос патриотом отчизны, честным и смелым. С первых дней войны и до его победного конца Елоков сражался на передовых рубежах фронта. И где бы ни воевал отважный воин, он свято берег честь советского офицера: был решителен, смел и умел.

Свои бойцовские и организаторские способности Хангерий проявил уже в грозном сорок первом, когда враг рвался к столице нашего государства. Елоков был в составе прославленной своими подвигами дивизии Панфилова, которая, как и вся Советская Армия, вела оборонительные бои, сдерживая жесткий натиск немецких полчищ. Кабардинец, старший лейтенант Хангерий Елоков был не только беспощаден к врагам, решителен и смел в действиях, ловок в поисках выходов из разных боевых ситуаций, но также обладал открытой душой, простотой, ясным взглядом, умением выслушать и понять. За эти качества его уважали и солдаты, и офицеры. Являясь помощником начальника штаба полка по разведке, Елоков не только организовывал выполнение задач разведгруппы, но и сам вместе с солдатами много раз пересекал линию фронта, добывая необходимую информацию. Приходилось ему с группой разведчиков оставаться и в тылу врага, когда противник переходил в атаку. Умело и остроумно используя свои навыки и решимость, Хангерий и его товарищи действовали по определенному плану и никогда не возвращались с задания, не выполнив его до конца. Много ценных данных и живых «языков» доставили они в полк.

Однажды старший лейтенант Елоков пошел на очередное задание. В разведку он взял с собой нескольких отважных, как и сам, бойцов. Хангерий должен был разведать находящийся в Подмосковье населенный пункт Ананьино. Преодолевая трудности, разведчики осторожно пробрались в село и разузнали, что там появилась группа немецких солдат и офице-

Подполковник Хангерий Елоков с будущим правителем Северной Кореи Ким Ир Сенем, с которым он познакомился во время службы в Корее. 1946 г.

ров. Разведчики под предводительством Елокова не только определили местонахождение вражеского штаба, но и уничтожили превосходящих по численности немцев.

Весть об этом подвиге отважных разведчиков разнеслась по всей округе. Поэт-панфиловец Павел Кузнецов рассказал о подвиге однополчан в стихах. Они были опубликованы во фронтовой газете «За Родину!».

Благодаря умелому и находчивому командиру, разведгруппа не раз успешно выходила из трудных боевых положений. Он не мог не выполнять важных заданий, которые ему ставило командование, не мог отступить ни на шаг – за ними была Москва. За такую находчивость и смелость генерал Панфилов объявил Елокову благодарность и представил к награде. Вскоре командир батальона Хангерий Елоков был награжден орденом Красного Знамени.

За отвагу и решительность, проявленные в боях за свободу нашей родины, Елокова не раз еще награждали боевыми наградами. Среди них орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны I, II степеней, много медалей и благодарностей от командования.

Это были будни офицера Елокова. Не раз еще группа разведчиков под его командованием воевала на фронтах Великой Отечественной. Истинный сын своей родины, Хангерий принимал самое активное участие в освобождении многих сел и городов на территории Союза и за его пределами. После разгрома немецко-фашистских войск гвардии подполковник Елоков сражался против войск империалистической Японии, служил в Корее. Был несколько раз ранен и контужен, но в любых ситуациях, никогда и нигде не отступал. Как и в сорок первом, всегда помнил, что позади Москва, родина, отчизна, мать.

Альбек АБАЗОВ**О драме Б. Утижева «Князь Кучук Жанхотоков»**

Драма «Князь Кучук» – вторая пьеса Бориса Кунеевича Утижева на историческую тематику. Описание общественно-политической жизни адыгов отдельным событием знаковых фигур, отображение объективной действительности и художественной интерпретации путем обобщений и типизации открывали перед мастером художественного слога большие возможности. Б. К. Утижев, в совершенстве зная как теоретические, так и практические законы и каноны драматургического жанра, выбрал актуальную тему, созвучную эпохе, времени, и облек ее в драматургическую форму в виде драмы. Пьеса «Князь Кучук» по своей идейно-тематической направленности, форме, языку, речи персонажей, художественно-изобразительным средствам привлекает внимание исследователей истории кабардинской драматургии. Как в ряде других произведений, в этой исторической драме Б. К. Утижева органическая связь формы и содержания разрешена весьма интересным образом. Сюжетная линия произведения далека от искусственности, а композиция обусловлена внутренним содержанием событий. К числу достоинств пьесы можно отнести: частую смену действий (совокупность событий), в которых раскрывается основное содержание пьесы; соотношение и взаимное расположение частей драмы «Князь Кучук»; увлекательный, насыщенный, напряженный сюжет борьбы Кабарды за свою независимость.

В произведении затронуты, без всякого сомнения, и события, имевшие место в 1822 году – самом трагическом для Кабарды времени, – когда она потеряла свою независимость. Кучук Жанхотов всеми силами пытался спасти независимость.

Драма состоит из трех частей. Логическая последовательность событий, внутренняя связь мастерски выражены не только во внешней форме пьесы, но и в ее внутренней сущности.

Б. К. Утижев в своей пьесе изобразил трагизм героя – Кучука Жанхотова в реалистическом ракурсе нравственно-временных измерений. Чередование событий показывает, что в драме не всегда строго выдержан принцип единства и времени. Поэтому «разнобой событий в произведении... их свободная организация», напоминание их «шекспировской драматической хроники» должны приниматься не как недостаток исторической трагедии, а как ее своеобразие.

Первое действие пьесы, носящее характер экспозиции, подготавливает читателя к предстоящим событиям, закладывая конфликт, возникший между князем Кучуком и А. П. Ермоловым. Последний всячески выбивал почву из-под ног вольной Кабарды. Кроме того, драматический конфликт расширяется все дальше и глубже, затрагивает интересы целого народа, его

судьбу. Князь Кучук, глубже скрыв в душе свою личную обиду, ведет борьбу за воссоединение раздробленной Родины. Ему пришлось стать старшим князем-правителем Кабарды в тяжелое для нее время. Как и земли всего Кавказа, русский император хотел завоевать земли кабардинцев, установить свои законы – законы империи на территории Кабарды, поставить под свою власть кабардинских князей, не привыкших преклонять головы перед врагом. Адыги упорно стали сопротивляться огромной Российской империи. Много несчастий принесла нашему народу эта страшная война, многие адыги отдали жизнь ради защиты своей отчизны.

Во второй части действие происходит в период проведения Хасы. Сюда собрались знатные князья Кабарды – поддержать Кучука, именно здесь читатель наблюдает раздробленность адыгского общества. Одни берут сторону Кучука, за мирное разрешение проблемы, другие готовы идти в бой. Эта борьба – первая нить в событиях завязки, ведущая к кульминационной точке. Поэтому завязка создает почву для ясного проявления конфликта, кроме того, с совершенными характерами образов в исторической трагедии «Князь Кучук Жанхотоков» зритель знакомится именно с этого периода. А это связано с традиционными принципами сюжета.

В трагедии ярко показан деспотизм царских военачальников – А. П. Ермолова, А. П. Вельяминова, Ф. Бековича-Черкасского, пытавших подавить и подчинить кабардинский народ, ведя с ним беспощадную борьбу, которую можно было бы избежать. До Ермолова командующим войсками был назначен генерал-лейтенант Н. Ф. Ртищев, который нашел путь к мирному сотрудничеству с верховным кабардинским князем Кучуком Жанхотовым. «Время это было действительно мирным и спокойным во взаимоотношениях кабардинского общества с российскими военными властями. Миролюбивые шаги верховного кабардинского князя не были продиктованы давлением извне, а явилось его личной инициативой».

После того, как Ермолов появился на Кавказе, прошло время взаимных уступок и переговоров. Политика нового «проконсула» Кавказа основывалась на военной силе.

Наверное, ни один из кабардинских князей не пребывал в столь трудном, даже критическом положении, как Кучук Жанхотов. Главная сложность заключалась в необходимости лавирования, постоянного компромисса, вызванного желанием уберечь свой народ от гибели и в то же время сохранить вековые традиции, обычаи и стиль жизни, привычный для кабардинского общества. Это было нелегко, имея в виду крутой нрав и жестокость Ермолова, о котором кабардинцы еще не имели полного представления, «не вполне осознавали».

Ермолов для достижения своих целей пользовался любыми способами, без всякой жалости, что стало нестерпимым для молодежи. Пока главный валий раздумывал, не зная, что делать, его младший сын Жамбот во главе группы молодых князей и урков решил отомстить и дать отпор кровожадному военачальнику. Услышав о похождениях Жамбота, Кушук вначале испугался за сына, и хотел, чтобы тот покинул родину. Здесь Кучука одолевает отцовская любовь, но, после разговора с сыном, уступает, и вместе с ним отправляется к Ермолову, надеясь смягчить его гнев.

С большой симпатией драматургом описывается героизм, мужественность и самоотверженность кабардинского народа в борьбе за свою свободу. Даже сам Ермолов не может не признать смелости кабардинских воинов.

В пьесе изображены образы двух правителей, являющихся друг другу полной противоположностью. Один из них – деспот, жестокий, алчный, кровожадный А. А. Ермолов, другой – главный князь Кабарды Кучук Жанхотов, не жалеющий ради блага и счастья Отчизны ни сил, ни жизни. Мастерство драматурга заставляет читателя испытывать к первому из них ненависть, а ко второму – симпатию.

В третьей части «Последняя надежда», наиболее полно раскрывается любовь и преданность Кучука своему народу и Родине, его представления о чести и справедливости, когда Ермолов и Вельяминов предлагают ему сотрудничать с ними и пойти против чеченцев, в обмен на жизнь и свободу сына.

«Спасая своего сына, не могу навлечь на всю Кабарду вечный позор и проклятие...», – ответил Кучук. Эти слова говорят сами за себя.

Моментом, завершающим течение событий в драме Б. К. Утижева, является гибель Жамбота и его друзей.

Прекрасно зная тайны театрального, сценического и режиссерского искусств, Б. К. Утижев уделял особое внимание краткости, насыщенности и внутреннему драматизму ремарок.

Примерами могут служить ремарки между действиями и картинами. В них автор дает сведения о месте, где происходят события, о необходимых условиях, способствующих выявлению характерных черт отдельных персонажей, их запоминаемости и жизненности. Иногда в ремарках отмечается и психологическое состояние персонажей, что служит облегчению работы актеров;

В истории кабардинской драматургии Б. К. Утижев известен был и как мастер содержательных и оригинальных монологов. Это качество драматурга нашло особенно наглядное проявление в драме «Князь Кучук». Характеризуя своих героев, раскрывая их переживания, драматург охотно обращался к монологу как значительному художественному приему, способному передать присущий трагедии экспрессивный тон, драматическую напряженность. Самые удачные монологи даются в форме прямого художественного выражения определенных психологических состояний героев, их чувств, мыслей и предчувствий.

Эстетико-психологическая, эмоционально-экспрессивная цельность и глубина трагедии вызывают восхищение у зрителей, погружая их мысленно в тяжелые для всего адыгского народа годы борьбы за свою независимость.

Другим важнейшим средством, обеспечивающим художественность драмы, являются диалоги, они не только выражают цели, задачи и взаимоотношения героев, но и определяют характер положений и направление развития действия. Диалоги в исторической драме «Князь Кучук», отличаясь своей точностью, остротой, лаконичностью, соответствием действий характеру персонажей, в то же время сообщают об определенном

события, отражают связь между событиями, эпизодами. Внутренние переживания героев автор осмысливает посредством монологов, а действия и поступки – диалогов. Тем самым обуславливается равновесие действий, самовыражение образов, столь важное для драматического произведения.

Б. К. Утижев, как прекрасный знаток народной разговорной речи, сумел сделать диалоги естественными, обеспечить их свежесть и красочность.

Мастерство автора в любом драматическом произведении определяется его умением индивидуализировать речь отдельных персонажей. В сценическом произведении герои не должны говорить стереотипным языком, подобное явление расценивается как серьезный недостаток драматурга. Речь каждого действующего лица должна быть строго индивидуализирована в соответствии с его возрастом, мировоззрением, убеждениями.

Для представления каждого образа в жизненной, реальной, запоминающейся форме Б. К. Утижев глубоко изучал исторические события, фольклорные тексты, предания и песни, языковые особенности того времени, выбирал подходящие слова и выражения, вводил их в речь отдельных героев. Посредством этих избранных слов и выражений автор в реалистической манере старался передать индивидуальные особенности в речи отдельных героев, представляющих не только различные классы, но даже одинаковые социальные прослойки.

В драме «Князь Кучук» речь каждого персонажа разнообразна по выразительности, интонации, оригинальности, уровню мышления. Для большей индивидуализации речи того или иного персонажа автор вводит в нее колоритные идиоматические выражения, пословицы, поговорки, отличающиеся своей меткостью и лаконичностью.

Речи Жанхотова Кучука, Кильчукова Касболата, Шеретлокова Умара и генералов царской армии А. А. Вельяминова и А. П. Ермолова отличаются одна от другой своими специфическими особенностями. Если речь Ермолова темпераментна, нервозна, с повелительными нотками, то речь Кучука запоминается благодаря своей простоте, спокойствию, величавости.

Иной раз самые сложные и разнообразные мысли переданы драматургом столь внятно и лаконично, что форма их выражения в одинаковой степени привлекает людей с разным интеллектуальным уровнем.

Вот почему можно с уверенностью сказать, что мастерство Б. Утижева, как талантливого драматурга, бесспорно, а произведение «Князь Кучук» можно назвать значимым вкладом в кабардинскую драматургию.

Али САФАР

Хорошо забытые литературные течения

Информационная среда с ее технологиями, отражающая наш мир, меняется с очень высокой скоростью, и мы в спешке забываем (точнее, не вспоминаем), что началом всех открытий и массовых внушений по-прежнему остается слово. «Какое еще слово? – спросит, не отрывая очков от монитора, юный ботаник. – Я, например, практически не думаю словами. Я чаще всего думаю картинками, образами...» – «Любая из картинок в твоей стрелялке тоже сделана из слов, как дом сделан из кирпичей. Просто кирпичей не видно за обоями», – следует ответить этому вундеркинду.

Мы достигли такого информационного фона, который делает невозможным случайное понимание истины; это такой этап в эволюции постмодерна, когда он перестает опираться на предшествующие культурные формации и развивается исключительно на своей собственной основе. Мы уже не знаем классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – все это забыто. Наступила эпоха идиом и цитат из массовой культуры, т. е. предметом цитирования, конечно же, остаются прежние заимствования и цитаты, но они оторваны от первоисточника, истерты до абсолютной анонимности и теперь якобы принадлежат масскульту. По этой причине мы решили коротко напомнить о наиболее ярких течениях и направлениях в литературе и искусстве предшествующих эпох. Возможно, кого-то это подвигнет *заглянуть в первоисточники*.

Поскольку наше общество позиционируется нынче как постмодерн, начнем наш словарь с близких по духу модернистских мировоззрений, впервые, по мнению официального литературоведения, пришедших в Россию в конце XIX века. Это, в первую очередь, символизм (фр. Symbolisme) – одно из крупнейших направлений в искусстве (в литературе, музыке и живописи), возникшее во Франции в 1870–80-х гг. и достигшее наибольшего развития на рубеже XIX и XX веков, прежде всего в самой Франции, Бельгии и России.

Символисты радикально изменили не только различные виды искусства, но и само отношение к нему. Их экспериментаторский характер, стремление к новаторству, космополитизм и обширный диапазон влияний стали образцом для большинства современных направлений искусства. Символисты использовали символику, недосказанность, намеки, таинственность, загадочность. Термин «символизм» в искусстве впервые был введен в обращение французским поэтом Жаном Мореасом в одноименном манифесте «Le Symbolisme», опубликованном 18 сентября 1886 года в

газете «Le Figaro». В частности, манифест провозглашал: «Символическая поэзия – враг поучений, риторики, ложной чувствительности и объективных описаний; она стремится облечь Идею в чувственно постижимую форму, однако эта форма – не самоцель, она служит выражению Идеи, не выходя из-под ее власти. С другой стороны, символическое искусство противится тому, чтобы Идея замыкалась в себе, отринув пышные одеяния, приготовленные для нее в мире явлений. Картины природы, человеческие деяния, все феномены нашей жизни значимы для искусства символов не сами по себе, а лишь как осязаемые отражения перво-Идеи, указующие на свое тайное сродство с ними <...> Отсюда непривычные словообразования, периоды то неуклюже-тяжеловесные, то пленительно-гибкие, многозначительные повторы, таинственные умолчания, неожиданная недоговоренность...»

К тому времени существовал другой, уже устойчивый термин «декаданс», которым пренебрежительно нарекали новые формы в поэзии их критики. «Символизм» стал первой теоретической попыткой самих декадентов, поэтому никаких резких разграничений и тем более – эстетической конфронтации между декадансом и символизмом не устанавливалось.

Мастера модерна, пытаясь наполнить форму активным, духовно-эмоциональным содержанием, преодолеть тревожащую неустойчивость мира, стремились найти «неизменную» символику каждого цвета, выявить объединяющее музыкальное начало в ритмике текста, рисунка и композиции. На этом пути сказались и присущие символизму тенденции декадентства с его крайним индивидуализмом и самодовлеющим эстетизмом; аффектация, утрированная чувственность, иррационализм образов, мистическое визионерство, то принимающее безысходно-пессимистический характер, то проникнутое болезненно-утонченной эротикой (графика О. Бердсли), то переходящее в религиозную экзальтацию.

Возникшие как реакция на господство в гуманитарной сфере норм буржуазного «здравомыслия» (в философии и эстетике – позитивизма, в искусстве – натурализма), эстетические принципы символизма во многом восходили к идеям романтизма, а также к некоторым доктринам идеалистической философии А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, отчасти Ф. Ницше, к творчеству и теоретизированию немецкого композитора Р. Вагнера. Живой реальности символизм противопоставлял мир видений и грез. Универсальным инструментом постижения тайн бытия и индивидуального сознания считался символ, порожденный поэтическим прозрением и выражающий потусторонний, скрытый от обыденного сознания смысл явлений. Художник-творец рассматривался как посредник между реальным и сверхчувственным, везде находящийся «знаки мировой гармонии», пророчески угадывающий признаки будущего как в современных явлениях, так и в событиях прошлого.

В целом символизм был весьма неоднородным и противоречивым явлением. Он являлся скорее идейным движением, привлекавшим са-

мых разных по манере мастеров. Некоторые символисты занимались стилизацией искусства минувших эпох, обращались к мотивам античной мифологии, евангельским сюжетам, средневековым легендам. Заимствованные литературные сюжеты парадоксально сочетали в себе салонную банальность с изощренной фантазией – то манерно-утонченной, болезненно-хрупкой, то убеждающе достоверной, как бы осязаемой, то интригующе неопределенной и пугающе алогичной или исполненной откровенной эротики.

В России в 1890-е гг., после первых декадентских сочинений, в символизме видели идеалы и духовность, а в декадентстве, напротив, – безволие, безнравственность и увлечение лишь внешней формой. Известна эпиграмма Владимира Соловьева в отношении декадентов:

*Мандрагоры имманентные
Зашуришали в камышах,
А шершаво-декадентные
Вириши – в вянущих ушах.*

Примеры поэтического декаданса в России можно встретить в ранних произведениях В. Брюсова, например, «Творчество» – стихотворение, которое, по мнению Вл. Соловьева, является декадентским перлом и совершенно лишено всякого смысла –

*Тень несозданных созданий
Кольхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.
Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.*

В русском символизме по времени формирования и по особенностям мировоззренческой позиции принято выделять два основных этапа. Поэтов, дебютировавших в 1890-е годы, называют «старшими символистами» (В. Брюсов, К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб и др.). В 1900-е годы в символизм влились новые силы, существенно обновившие облик течения (А. Блок, А. Белый, В. Иванов). Принятое обозначение «второй волны» символизма – «младосимволизм». «Старших» и «младших» символистов разделял не столько возраст, сколько разница мироощущений и направленность творчества.

Философия и эстетика петербургского символизма складывалась под влиянием современных символистам философских систем В. Соловьева, Ф. Ницше и А. Бергсона. Традиционной идее *познания* мира в искусстве символисты противопоставили идею *конструирования* мира в процессе творчества. Творчество в понимании символистов – «подсознательно-интуитивное созерцание тайных смыслов, доступное лишь художнику-творцу». Более того, рационально передать созерцаемые «тайны» невозможно. По словам крупнейшего среди символистов теоретика Вяч. Иванова, поэзия есть «тайнопись неизреченного». От художника требуется не только сверхрациональная чуткость, но и тончайшее владение искусством намека: ценность стихотворной речи – в «недосказанности», «утаенности смысла». Главным средством в передаче созерцаемых тайных смыслов и был призван символ.

Категория музыки – вторая по значимости (после символа) в эстетике и поэтической практике нового течения. Это понятие использовалось символистами в двух разных аспектах – общемировоззренческом и техническом. В первом, общефилософском, значении музыка для них – не звуковая ритмически организованная последовательность, а универсальная метафизическая энергия, первооснова всякого творчества. Во втором, техническом, значении музыка значима для символистов как пронизанная звуковыми и ритмическими сочетаниями словесная фактура стиха, т. е. как максимальное использование музыкальных композиционных принципов в поэзии. Стихотворения символистов порой строятся как завораживающий поток словесно-музыкальных созвучий и переключек.

*Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.*

К. Бальмонт

Символисты придали поэтическому слову неведомую прежде подвижность и многозначность, научили русскую поэзию открывать в слове дополнительные оттенки и грани смысла. Плодотворными оказались

их поиски в сфере поэтической фонетики: мастерами выразительного ассонанса и эффектной аллитерации были К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Анненский, А. Блок, А. Белый. Расширились ритмические возможности русского стиха, разнообразнее стала строфика.

Однако главная заслуга этого литературного течения связана не с формальными нововведениями, а с переоценкой ценностей, созданием новой философской культуры, нового универсального мировоззрения. При внешних проявлениях элитарности и формализма, преодолев крайности индивидуализма и субъективизма, символисты на заре нового века по-новому поставили вопрос об общественной роли художника, начали движение к созданию таких форм искусства, переживание которых могло бы вновь объединить людей.

Наряду с символизмом существовали и другие, быть может, менее заметные модернистские течения: акмеизм, футуризм, кубофутуризм, эгофутуризм, имажинизм, конструктивизм, «Вне школ», «Крестьянская поэзия», «Центрифуга», «Мезонин поэзии», «ЛЕФ», обэриуты.

Символизм закончился после Гражданской войны вместе с Серебряным веком. Конец эры был отмечен смертью Блока и расстрелом Николая Гумилева в 1921 году.

Поэты-символисты: Иннокентий Анненский, Константин Бальмонт, Юргис Балтрушайтис, Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Зинаида Гиппиус, Александр Добролюбов, Вильгельм Зоргенфрей, Вячеслав Иванов, Иван Коневской, Дмитрий Мережковский, Владимир Пяст, Иван Рукавишников, Федор Сологуб, Поликсена Соловьева, Виктор Стражев, Александр Тиняков, Константин Фофанов, Георгий Чулков.

Зита ШИГАЛУГОВА,
соискатель сектора балкарской литературы
института гуманитарных исследований
при правительстве Кабардино-Балкарской Республики

Женская тема в лирике К. Кулиева 1960-х гг.

Все стихотворения, посвященные женской теме в лирике К. Кулиева 1960-х гг., можно (конечно, весьма условно) разделить на две группы. Рассмотрим одну из них. Это произведения, в которых автор обращается к женской теме, соотнося ее с внутренним состоянием лирического героя, а тема эта не центральная в отдельно взятом стихотворении. Так, стихотворение «Говорю с поэзией» построено как диалог поэта и поэзии. Внутреннее состояние, восприятие мира создаются не прямым описанием, а через вопросы поэта и развернутые ответы поэзии. В этом стихотворении не просто жизненное кредо К. Кулиева, но и внутреннее содержание, глубинный смысл этой поэзии:

*Поэзия – не ангел и не джин,
А женщина, что по земной дороге
Проходит мимо хижин и руин,
И камень жжет ее босые ноги.
Мне, как любой из женщин, нелегко,
Я с теми, кто горюет и страдает.*

Неожиданный ракурс в раскрытии темы поэта и поэзии. Нам более привычны «Анчар», «Кинжал», «Поэзия – та же добыча радия» и т. д. К. Кулиев, осмысливая эту тему, строит свой ассоциативный ряд. Не только к поэзии, но и к читателю обращает вопросы К. Кулиев, предлагая не столько услышать готовые ответы, а сделать над собой усилие, в результате которого возникает состояние соосмысления, сотворчества. Это для Кулиева очень важно.

А вот иная поэтологическая парадигма. В стихотворении «К радости» поэт идет от внешнего сходства к внутренним ощущениям: рисуя обобщенный образ женщины, «идущей вдоль моря по песку, / Чьи пряди струятся по виску, / С улыбкой спокойной и простой, / Вдоль моря идущую босой, / Чьи зубы – как пены белизна», автор выстраивает ассоциативный ряд, в котором женщина соотносится с состоянием радости. Мир поэта органичен, естественен, упорядочен, гармоничен. И. Тэн, французский философ, социолог искусства, историк когда-то справедливо заметил: «Цель искусства – сгущено передать растворенную в мире красоту». Мысли ученого как нельзя лучше подтверждаются этим стихотворением К. Кулиева. Красота, радость не просто слова женского рода, они ассоциируются у поэта с женщиной: «Пред красотой женской и горы / вершины клонят».

Поэт стремится собрать разрозненные явления в один целый мир.

Особенно это чувствуется в женской теме. Каждое его стихотворение о женщине несет отпечаток того художественного мира, проникнуть в который он предлагает читателю. В стихотворении «Девушке» К. Кулиев «накладывает» четыре времени года на внутреннее состояние лирического героя, готового любоваться женской красотой: «Когда идешь весенним днем» – «Как хочется мне петь о том», «Стоишь ты летом на лугу» – «И песню я пою о лете» и т. д. Такие смысловые семантические ряды природа – девушка – действия лирического героя создают внутреннюю ассоциативность, образующую с одной стороны, замкнутость содержания стихотворения на себе самом, с другой – открытость внешнего пространства лирического стихотворения. Такой парадокс не противоречит внутренней установке лирического героя: «Пусть было бы все плоше / И было б в мире больше злобы, / Покуда в мире ты живешь». В этом стихотворении о временах года, девушке, о смысле бытия говорит все: зима, весна, лето, осень, говорят детали (листопад, вьюга, цветы), говорит, наконец, лирический герой. Понятие красоты присутствует в подтексте, между строк, оно не конкретизируется в образе девушки, а растворено во всем объеме лирического стихотворения. Иногда создается впечатление, что автор, подсмотрев какой-то эпизод, штрих, вплетает его в женскую тему. Доказательство этому – стихотворение «О, этот танец!». Танец для поэта – это «поединок», «единоборство смерти и огня», это обращение к истокам, к традициям (танец, песня – душа любого народа, тем более кавказцев) это возможность поэтизировать женщину, которая в танце «прелестней / И радостнее утренней звезды», «как вечное свечение огня». Вечность и бесконечность сливаются в сознании поэта в раскрытии женской темы, через образы танца, огня, смерти, звезды. Рассмотренные отдельно, они не создают какого-либо смыслового единства, но, вплетенные в художественный мир текста, они становятся символами, логически связывающими прошлое, настоящее, будущее. Художественное время в этом стихотворении определить невозможно – оно и «здесь и сейчас» и «раньше, в прошлом» и в будущем. Мир, таким образом, его нерушимость, постоянство, для поэта держится на вечных ценностях: танце, огне, женщине. Они – первооснова всего. Образы танца, огня, песни имеют, безусловно, своим истоком фольклор. Так в сознании лирического героя К. Кулиева в раскрытии женской темы смыкаются вечность и современность. Стихотворение «На Бичесынской стороне темно...» и построено как лирическая песня: строки в ней повторяются (как в припеве), а где-то, изменяясь, расширяют поэтическое пространство стихотворения:

*Так женщина поет из Карачая
Ту песню, что я знал давным-давно.
...Поет красавица из Карачая,
В который раз все то напоминая,
Что пережить мне было суждено.
...Поет красавица из Карачая,
Мои былые раны обнажая...
...А нынче женщина из Карачая*

*Поет... печально, возвращая
То, что ушло, казалось, навсегда.
Пой, женщина, своди меня с ума,
Буди недобрые воспоминанья...
Пой мне, красавица из Карачая,
А то я стал черствее, забывая
Все, что уже прошло давным-давно.*

Стихотворение это, совмещающее в себе несколько тем: прошлое и настоящее, вечное движение жизни и зиму, воспринимается как плод

трудного, основательного, драматически осложненного опытом, пути лирического героя, а женская тема становится смыслообразующим центром, связующим звеном, позволяющим смотреть на все происходящее сквозь призму прожитых лет. Элегическая интонация окрашивает стихотворение грустью о прошлом: оно есть у каждого, неповторимо, единично. Именно песня женщины не дает стихотворению распасться на сотни мелких, не связанных между собой кусочков, а становится органичным выражением мироощущения поэта. К. Кулиев не рассчитывает на внешние эффекты в раскрытии женской темы, в лирическом герое поэта есть внутренняя сила, убежденность в правоте своей общечеловеческой и мужской позиции по отношению к миру вообще и миру женщины в частности. Покуда женщины есть – есть жизнь.

Иногда переплетение природного и социального, внутреннего и внешнего формирует образ женщины, подобной гриновскому «прекрасному несбывшемуся», т.е. идеала. И тогда для лирического героя не существует ни географических, ни временных преград, как в стихотворении «Говорю женщине». Лирический герой его из заоблачных далей всегда спешит к любимой женщине: «И, возвращаясь к отчему порогу, / ... Я думал о тебе». Композиционно поэт разбивает стихотворение на четыре части, объединенные вертикально-смысловой осью «ты» – «я», «родина» – «чужбина», «небо» – «земля». Понятие «родина» у поэта всегда связано с горами и женщиной: «Я обнимаю вас одною думой: / Тебя и горы, горы и тебя». Это первая часть стихотворения. Вторую часть логично было бы назвать «В Индии». Лирический герой провожает в полет женщину. Две оставшиеся части имеют выраженную сюжетную линию: женщина и лирический герой, родные горы и Индия, разлуки и встречи, концерты и вечная красота. Главное ощущение для лирического героя – радость – прозрение от сознания величия красоты земной женщины: «О том, что ты прекраснее на свете, / Всего и всех... / Звучит издревле в песне и сонете...». В стихотворении поэт не боится открыть читателю глубинное, затаенное, но он и не «выворачивает» душу, обнажая мысли и чувства. Все в меру. В стихах поэта, посвященных женской теме, как видим, национальная сдержанность в отношении к женщине уступает место серьезному, внимательному изучению ее внутреннего мира, что придает языку поэта искренность, исповедальность. У читателя остается впечатление, что поэт сказал не все, а лишь немного; тайна женщины – это то, что и не пытается понять, постичь горский поэт К. Кулиев, потому что загадка женской души должна всегда остаться при ней, это то, что делает женщину Женщиной. Взор его лирического героя обращен внутрь из желания познать себя. Этот бинарный мир (день – ночь, черное – белое, мужчина – женщина) рождает и отношение к женщине как неотъемлемой части гармонии.

Библиография

1. Кулиев К. Ш. Собр. Соч. в 3-х т. Т. 2. Стихотворения, поэмы. М.: Художественная литература, 1987. 399 с.

Диалог поэта с миром

(образ родины в лирике Т. Зумакуловой 1960–1970-х гг.)

Родина... Родные места... Какой-то непреодолимо притягательной силой обладают они. И потому тема родины – одна из извечных тем в отечественной и мировой литературы – является прекрасным источником замечательных произведений художников, композиторов и поэтов, отражая систему взглядов самих авторов.

Подобные ноты мы встречаем и в творчестве балкарской поэтессы Т. Замкуловой, которая постигает эту тему, прежде всего, через своеобразные пейзажные зарисовки (стихотворение «В горах»). Лирическая героиня исподволь входит в этот волшебный мир, где «с ветвей сбегает трели», «...всюду стол накрыт», «зардевшийся кизил ресницы опустил», «строптивая крапива», «ты видишь – неба косы», «благословенный хлынул дождь». Картины природы не статичны. Все в этом мире бежит, течет, поет, трепещет и изменяется. Тонкость, с которой передаются образы, создает впечатление, что опытный оператор плавно следит через камеру за всем происходящим. В то же время стихотворение нельзя отнести к пейзажной лирике, в него органично входит человек: «идем душистой чащей», «все птицы в лад запели. И с ними я пою», «Гляди, кусты смородины нам преградили путь», «Мне щеку глядят листья», «Меня обнимут травы», «а это что у ног», «меня пьянит прохлада». Именно в таких стихотворениях особенно заметна близость эстетики Т. Зумакуловой эстетике А. И. Бунина, Л. Н. Толстого 1850–1860-х гг., с их пафосом живой жизни, с ее языческой первозданной красотой, светлой радостью бытия и правом человека быть счастливым, пантеизму К. Ш. Кулиева.

*О, горы, горы, горы.
Бодрящий воздух родины!
Я не могу без вас!..*

Смыслообразующим элементом в этом стихотворении становится образ родины. Все вокруг для поэтессы наполнено определенными первоэлементами мира, которые, образуя множество, перерастают в образы – символы родины, вписанные в конкретный пейзажный и эмоциональный контекст. В другом стихотворении «Весна в горах» (внешне пейзажной зарисовке) повествование построено на нескольких оппозициях: «зима – весна», «жизнь – смерть», «я – мир». Именно через эти образы, несущие явную позитивную авторскую оценку – нравственную и эстетическую – формируется и развивается образ родины: «весна в горах появится едва» – «...снег заплачет... под лучами», «я тоже смертна» – «пробьюсь я, буду вешнею травой». Такой взгляд на мир, на человеческое бытие формирует своеобразный обобщенно-философский подход к образу родины:

*Сойду я в землю, став самой землей.
Смешаюсь с глиной, став самую глиной,
И кто-то этой глиной дом родной
Потом обмажет, и она застынет.*

Здесь нет обреченности, горечи, а мудрое смирение перед неизбежным. Последняя строфа не только придает стихотворению смысловую завершенность, но и наполняется определенным подтекстом:

*Но, может, вновь дано мне стать живой,
И, может быть, в горах родного края
Пробьюсь я, буду вешиною травой,
И снег меня напоит, умирая.*

Здесь образ родины, как видим, выразился в характерных художественных деталях. В центре внимания поэтессы взаимосвязь всех элементов Вселенной, соотношение жизни и смерти, природы и человека. Пейзаж у Т. Зумакуловой – это родина, он адекватен красоте.

Образ родины получает свое развитие в самых неожиданных ракурсах. Например, стихотворение «Камень» – это монолог камня, душевное состояние которого созвучно мыслям и внутреннему миру лирического героя. Читателя глубоко трогает многообразная гамма чувств, которые являются итогом человеческого, поэтического опыта, прошедшего через процесс обретения зрелости посредством освоения внутреннего мира. Панпсихизм Т. Зумакуловой не просто поэтический прием, это внутреннее состояние, истоки которого уходят в фольклор. Данное стихотворение интересно как произведение лиро-философского склада, отразившее поиски Т. Зумакуловой новой формы для нового содержания. Оно построено по принципу триады: камень – вечность – человек. Опорная точка композиции – это строфа о родной земле, о том, что может заставить гневаться и камень: «Но если кто-нибудь меня столкнет / С земли родимой, той, где век я прожил, / То выхожу я из терпенья..., / Хотя оно и каменным слывет». Как видим, лиро-философское стихотворение, в котором доминирует тема родины, приобретает новый поэтический ракурс, исчезает время как категория. Оно соотносится, с одной стороны, со временем каждого читателя, а с другой – с вечностью.

Отдельно следует, на наш взгляд, выделить группу стихотворений, в которых понятие родины «привязывается» к конкретным географическим координатам: через названия стихотворений или через указания на отдельные места («Моя Малкар», «Киргизия» и другие).

Через сон к героине «Моя Малкар» приходит страх (почти на уровне физической боли) потерять родину. В стихотворении художественный мир передается Замкуловой в двух цветах: черный – белый, в двух измерениях: сон – явь, которые автор намеренно смешивает, это создает оппозицию: «...чернота наполнила мне грудь», «сдавила сердце черная печаль», «все было черным». В цветовом решении – это кульминация черного. «Воспевая весь белый свет», «Слезы хлынули на белый снег», «И вдруг в зрачки ворвалась белизна» – это кульминация белого цвета. Параллельно идет и развитие душевных движений лирической героини. А противоборство добра и зла, горя и радости идет на уровне цвета. Кошмар не просто высвечивает перед лирической героиней возможность потери самого дорогого – родины, но и наполняет душу ужасом от этого. Только пробуждение приносит осознание счастья от того, что кошмар –

сон. Но именно он обостряет чувства лирической героини, пробуждает ее выразить свою радость в песне. Тогда сами собой складываются слова в последних строках стихотворения:

*Балкария! Когда уйду, скорбя,
Надгробьем стану, камнем бруском, –
Я буду славить и тогда тебя
Немым окаменевшим языком.*

В этом стихотворении поэтесса совершенствует свой эстетический идеал: в нем нет громогласных слов, лозунгов, призывов. Все мысли, чувства органично вписываются в понятие простых человеческих ценностей: родина, дом, семья.

Под влиянием впечатлений о жизни в Киргизии появляется стихотворение с одноименным названием. Именно в этом произведении соединилась интимность и эмоциональность личного отношения автора к родине, живое, глубинное дыхание жизни и широта исторического и социального кругозора. На эти обстоятельства указывают детали: «Ты приняла меня как мать», «Я горе здесь пережила / И радость в первый раз узнала», «В твоих селеньях горький час / Людей я хоронила близких», «И ваши сыновья «апа» / Сегодня говорят балкарам», «Киргизия, земля моя / Ты приняла меня как дочку». Стихотворение поражает простотой интонации, задушевностью, искренностью, в нем нет эффектной поэтической символики. Такова эстетическая значимость произведения, которая неотрывна от патриотического, эмоционального содержания, представляя собой форму проявления этого содержания и выражающая готовность разделить с родиной радости и трудности. Уточнение – штрих в последней строфе придает произведению вес и значительность обобщения:

*Тебя я славлю всю, как есть,
От имени юнцов и старцев,
От имени рожденных здесь
И погребенных здесь балкарцев.*

В каждом стихотворении видно, как внимательно поэтесса прислушивается к себе, доверяя своим внутренним ощущениям от соприкосновения с жизнью привнося в лирику накопленные впечатления и опыт. И посредством синтезирующей мысли в соединении с личными ощущениями Замкуловой постигается образ родины. Именно в таком сочетании вырисовывается истинно поэтический образ родной земли, в котором органично присутствуют и «нежность» и «отвага» «уж камень на что молчалив, И он вам расскажет сказанье», «И злобу и гнев высота, Чудесно меняет на милость», «Любая гора высока, Но люди, мне кажется, выше».

Стиль лирики Т. Зумакуловой открыт и дружелюбен. Она видит природу и человека в ярких, солнечных красках – это и есть осознание родства с землей, ощущение родины.

Литература

1. Зумакулова Т. Избранное. М., 1983 – 365 с.

Заслуженный успех

Образование – неотъемлемая составная часть культурного и цивилизованного общества, и потому одной из основных его задач является грамотное выявление, развитие и использование способностей подрастающего поколения на территории всей страны. А практика показывает, что у нашей республики немалый интеллектуальный потенциал в лице одаренных детей. Примеров тому множество, сегодня мы хотели бы остановиться на одном из них.

Алианна Алакулова – выпускница МОУ «СОШ № 4» с. Исламей Баксанского района – родилась 20 апреля 1992 года, с 1-го по 11-й класс училась на «отлично» и окончила школу с золотой медалью. За годы учебы добилась больших успехов, неоднократно занимая призовые места в районных, республиканских, региональных, всероссийских олимпиадах по всем общеобразовательным предметам. Награды и поощрения Алианны свидетельствуют о разносторонней развитости, обширности круга ее интересов. Помимо различных олимпиад и конкурсов она также принимала активное участие и в различных конференциях, показывая блестящие результаты: 1-е место и золотая медаль в естественнонаучной секции по химии, географии, физике

в Санкт-Петербурге; там же – 2-е место и серебряная медаль по общеобразовательным предметам (география, биология, химия); 1-е место и золотая медаль в технической секции по физике, химии в Сочи; исследовательский проект «Влияние экологического состояния поймы реки Баксан в пределах с. Исламей на скорость течения реки»; 1-е место на 11-ой республиканской научной конференции школьников «Чтения памяти В. И. Вернадского»; секция «Наука о земле и космосе»; 1-е место в республиканской олимпиаде по немецкому языку; 1-е место в районной олимпиаде по информатике; 1-е место в районной олимпиаде по немецкому языку; 1-е место в районной олимпиаде по математике; 1-е место в районном интеллектуальном марафоне по математике; 1-е место на международном математическом конкурсе «Кенгуру»; 1-е место в районной научно-практической конференции «Эврика» (секция «Химия»); 1-е место в районной научно-практической конференции «Эврика» (секция «Философия»); 1-е место в районной олимпиаде по правведению; диплом первой степени за лучшую презентацию в Санкт-Петербурге.

По результатам 2008–2009 учебного года по Баксанскому району

Алианна занесена в книгу «Лучшие учащиеся КБР». Получила сертификат и рекомендацию в Российский государственный гидрометеорологический университет в городе Сочи по специальности «Экополитика». Перечисленные достижения – свидетельство не только незаурядных способностей девушки, но и трудолюбия и целеустремленности: каковы бы ни были природные задатки, основными двигателями являются ее активность и саморазвитие.

В настоящее время Алианна – студентка 2-го курса экономического факультета КБГУ. У нее есть с кого брать пример: старшая сестра Алианны, Алина – выпускница МОУ «СОШ № 2» селения Исламей Баксанского района КБР, тоже окончила школу с золотой медалью, и сейчас учится на 4-м курсе экономического факультета КБГУ и успешно осваивает профессию бухгалтера.

Сестры с благодарностью вспоминают своих учителей, отмечая, что они своим авторитетом и профессиональным подходом дали необходимые, фундаментальные знания, привили им определенные жизненные ценности, что значительно повлияло на выбор их дальнейшего пути. Помимо педагогических коллективов МОУ «СОШ № 2» и МОУ «СОШ № 4» активную поддержку в начинаниях Алины и Алианны оказало руководство РОНО Баксанского района в лице Фатимы Замудиновны Шогеновой и Фатимы Хизировны Оганезовой, которым девушки безмерно благодарны.

Родители, Арьмед Лелевич и Нина Аскербиевна, оказывают своим детям всяческую помощь в профессиональном становлении и гордятся, считая их вполне самостоятельными. И это правильно, ведь внешний успех начинается с внутреннего!

Подготовила Диана Шулумба

Фатима ТАЗОВА,
зав. отд. ЦРТДЮ

Образовательный оазис для взрослых и детей

Дополнительное образование представляет собой уникальную сферу самовыражения и самореализации личности, его потенциальных возможностей и желаний, то есть дополнительное образование – это тоже образовательная деятельность, задачами которой являются:

- развитие общей культуры;
- организация содержательного досуга;
- адаптация к жизни в обществе.

Массовые общеобразовательные школы как бы поставлены в специфические условия, когда они несут ответственность только за обучение в соответствии с государственными стандартами. В такой обстановке притупляются или заглушаются творчество, фантазия, самостоятельность, стремление детей к культуре. Система же дополнительного образования является открытой социально-педагогической системой, не имеющей государственных стандартов, которая развивается по пути свободного и творческого воплощения идей гуманизма и демократии. Главная цель дополнительного образования – создание условий для самореализации. Актуальность проблемы самореализации определяется потребностью личности находить свое место в изменяющихся условиях социальной реальности. Сегодня мы снова пришли к убеждению, что для всестороннего развития недостаточно только учебного процесса, что обучение неотрывно от воспитания чувств и труда души.

Ощущая недостаток духовности, мы, естественно, стремимся к живительному истоку. Дополнительное образование – это своеобразный «образовательный оазис», в котором комфортно чувствуют себя и взрослые, и дети.

Дополнительное образование детей – это внеурочная деятельность, направленная на личностное развитие каждого обучающегося, на удовлетворение его эмоциональных, интеллектуальных, познавательных социальных и других, постоянно изменяющихся индивидуальных потребностей детей.

В более широком смысле этот вид образования направлен на установление взаимопонимания и толерантности между представителями разных народов, различных национальных, этнических, религиозных и социальных групп, а также на учет разнообразия мировоззренческих подходов.

Центр развития творчества детей и юношества МОН КБР (ул. Головки, 6) – не самое крупное учреждение дополнительного образования детей в городе Нальчике, но имеет свое лицо и республиканский статус. Здесь предоставляется широкий выбор образовательных услуг и форм проведения досуга. Поддержка и развитие художественного творчества,

приобщение обучающихся к литературе, искусству, фольклору – приоритетные задачи Центра. Ежегодно он объединяет более 1 000 детей (от 3-х до 25 лет), каждый из которых находит для себя дело по душе, позволяющее реализовать творческий потенциал в различных направлениях. В творческих коллективах и детских объединениях Центра дети получают запас нравственных и гражданских сил и знаний. Наибольшей востребованностью у детей и подростков пользуются занятия в объединениях, известных в городе своими творческими достижениями: ансамбли эстрадного танца «Искорки» и «Экстрим», ансамбль доулистов «Ритмы гор», народный ансамбль танца «Нальчанка», ансамбль бального танца, английский клуб «Общение», школа английского языка «Magik English», литературная студия «Свеча», фольклорно-этнографический клуб «Элия», молодежный клуб «Альтернатива», научное общество «Экос» и другие.

Воспитанники этих объединений регулярно становятся лауреатами, дипломантами, призерами международных, Всероссийских, Республиканских и городских конкурсов. В 2008 году ЦРТДЮ МОН КБР занял первое место в конкурсе учреждений дополнительного образования на региональном этапе, а в 2009 году – второе место на всероссийском этапе. Об успешности образовательной деятельности Центра свидетельствуют также более 20 эксклюзивных образовательных программ различной направленности. Применение личностно-ориентированной педагогики, сотрудничество педагогов, детей, родителей создают для обучающихся ситуацию успеха в творческой деятельности. Учебные, деловые и межличностные отношения сотрудников между собой и обучающимися основаны на принципах сотрудничества, здоровой конкуренции и взаимопомощи. Результативность участия воспитанников Центра в различных конкурсах, требующих проявления высокого уровня познания, неуклонно растет. Каждый учебный год завершается участием во Всероссийском фестивале «Я вхожу в мир искусств» с выездом в г. Анапу. Лучшие коллективы имеют возможность отдохнуть на берегу Черного моря в ФДООЦ «Смена».

Выпускники Центра – творческие личности, носители культуры, прежде всего – своих народов, способные направлять свой талант на созидание и служение обществу. Многие из них успешно трудятся в различных культурных учреждениях города и республики. Применяя и пропагандируя инновационные воспитательные технологии, Центр мобильно функционирует с 1965 года.

В настоящее время, заслужив общественное признание, Центр активно влияет на формирование воспитательного пространства в г. Нальчике и способен обеспечить для каждого своего воспитанника реальную возможность найти любимое дело, понять свои собственные возможности, лучше узнать свой край, родную культуру и историю, почувствовать себя сопричастным к достижениям своей республики, страны.

Центр работает с обучающимися ОУ НПО, МОУ СОШ и студентами средних и высших учебных заведений города, республики, создавая им условия для выхода на республиканские и российские мероприятия.

С 2002 года министерством образования РФ Центр определен опорным образовательным учреждением дополнительного образования уча-

щейся молодежи в ЮФО. Приоритет бесплатности дополнительного образования детей и равный доступ к нему сохраняются в Центре с момента его создания. Только 5% творческих объединений самокупаемые. Центр работает без выходных с 9 ч. до 21 ч. Дети между собой называют его «Дом без выходных». Деятельность Центра регулярно освещается в СМИ.

Бессменным его руководителем является заслуженный работник культуры РФ Елена Османовна Безрокова. Педагогический коллектив достаточно зрелый и квалифицированный. Среди сорока педагогов дополнительного образования есть и почетные работники профессионального образования РФ, заслуженные работники культуры РФ и КБР, заслуженный артист КБР, шесть лауреатов Всероссийских конкурсов; 81% имеют высшую квалификационную категорию.

Созданы хорошие условия для организации образовательно-воспитательной работы и профессиональной подготовки обучающихся. В Центре действуют: психологическая служба, информцентр, отдел организационно-массовой работы, отдел социально-педагогической работы и художественного воспитания, отдел методической работы, 25 детских объединений и творческих коллективов (на базе ОУ города и республики); орган самоуправления «Три Т», совет родителей; репетиционный зал, актовый зал, учебный класс, комната психологической разгрузки, мастерская, светозвуковая студия, костюмерная. В наступающем новом учебном году Центр планирует расширить социальную и территориальную базу деятельности; расширить свои образовательные услуги, в том числе для населения – школа национального танца. Также Центр продолжит организацию и проведение семинаров, курсов повышения квалификации (совместно с ИПК КБГУ и министерством культуры) для работников УДО по проблемам воспитания и развития творческой самостоятельности детей и молодежи. Учебные группы будут формироваться не только из одаренных детей, способных к творческому и интеллектуальному труду, но и остальных категорий (в основном это – неблагополучные дети, дети с ограниченными возможностями здоровья) по разным профилям и отдельным видам деятельности. Продолжительность обучения в разных группах составляет от 2-х месяцев до 3-х лет и более. График посещения занятий – удобный, позволяющий детям сочетать учебу в различных объединениях и учебных заведениях.

ЦРТДЮ – дом, семейный очаг, место встречи разных поколений, где старшие передают в дар младшим то, чем культурно и духовно богаты сами. Здесь интересно и увлекательно. Добро пожаловать к нам, в ЦРТДЮ!

Наш адрес:

г. Нальчик, ул. Головки 6.

Контактные телефоны:

42-68-48; 42-68-46.

Эдуард БИТИРОВ**ЛЕРА ИСКАКОВА: Нанотехнологии кардинально
изменяют нашу жизнь**

Сегодня у нас в гостях начальник патентного отдела КБГУ Лера Искакова. В общей сложности она проработала в отделе десять лет – до и после перестройки.

В ее обязанности входит оформление заявок на объекты интеллектуальной собственности или на результаты интеллектуальной деятельности, а если говорить проще, всевозможные изобретения. По большей части отдел работает с научными сотрудниками университета, но случается, что заявки подают люди, не имеющие к КБГУ никакого отношения. Возраст изобретателей варьируется от 15 до 85 лет.

– В некоторых случаях человек просто не знает требований патентного закона. Он придумывает что-то новое, а как оформить изобретение и защитить свои права, не имеет представления. В таких случаях мы оказываем методическую помощь – консультируем авторов изобретений, помогает в оформлении заявок на изобретения, полезные модели, регистрацию программ для ЭВМ, товарных знаков. Одним словом, на любой объект интеллектуальной собственности, – говорит Лера Искакова.

Был период, когда в патентный отдел не поступало ни одной заявки.

– Представьте себе в университете – флагмане республиканской науки, не было ни одного изобретателя, – удивленно замечает гостя нашей редакции... – Что касается советского периода, мы ежегодно получали порядка 15-ти авторских свидетельств – тогда этот документ назывался так. Заявок подавалось немало, но положительных решений о выдаче свидетельств было примерно 50–60 %. В первую очередь это связано с тем, что на тот период была очень жесткая экспертиза. Критерием изобретения являлась, как впрочем и сейчас, мировая новизна. В постперестроечный период появились такие требования, как изобретательский уровень и промышленная применимость. Мировая новизна предполагает отсутствие информации об изобретении в любом источнике – будь то газета «Университетская жизнь» или солидный академический журнал. Одним словом, если сущность изобретения стала известна, описана или высказана, рассчитывать на патент автор не может. К примеру, рабочий на заводе придумал устройство, улучшающее или увеличивающее выпуск продукции. Стоит ему дать интервью корреспонденту газеты, и все – приоритет утерян. То есть этот изобретатель уже не вправе получить документ, охраняющий его авторские права. Если сравнивать советский период с современностью, заявок подавалось примерно столько же, но закон был, как я уже говорила, очень жесткий. Спорить с экспертизой было сложно. В советские времена был еще такой критерий, как существенность отличия. Автор должен был доказать, что его изобретение лучше известного ранее наиболее близкого аналога. Одним словом, в то время 50–60 % выдачи авторских свидетельств принято было считать хорошим результатом. Сейчас мы получаем 96–98 % в год, – говорит Искакова.

В каждой стране есть патентное ведомство. В России это Роспатент. Экс-

пертиза – процедура достаточно долгая, проводит ее Федеральный институт промышленной собственности. К оформлению заявок и сейчас достаточно жесткие требования. Многие авторы не могут получить патент, поскольку

просто не знают патентного закона. Именно поэтому сотрудники отдела консультируют некоторых изобретателей, помогают им правильно оформить все необходимые документы.

Десять лет – немалый срок. За это время наша гостя видела массу самых разных изобретений.

– В советское время, когда ректором был Владимир Глостанов, на базе университета было создано три научно-исследовательских института. Под руководством известных профессоров работали химики, физики, математики, и, надо сказать, их труд был достаточно продуктивен. В наш отдел поступала масса заявок на авторские свидетельства. Сейчас в основном научные исследования проводятся на кафедрах, но результа-

ты работы по-прежнему высоки. Мне трудно выделить какое-то изобретение особо, потому что я в курсе того, чем занимаются наши сотрудники. Сейчас много говорят о нанотехнологиях. В КБГУ несколько кафедр работают в этом направлении. Из последних изобретений меня очень заинтересовали углеродные нанотрубки. Мы уже подали несколько заявок на получения патентов. Я не специалист в этой области, но думаю, со временем нанотехнологии кардинально изменят нашу жизнь, как это сделало в свое время электричество. Изобретение углеродных нанотрубок меня впечатлило еще и потому, что их придумали именно наши ученые. Я наблюдаю за работой изобретателей и знаю, что это очень кропотливый труд, а не просто озарение, как полагают некоторые. Принято считать, что Менделееву его таблица приснилась во сне, но сколько до этого было работы. Ученый денно и нощно думал о своей таблице, и однажды просто сработала подкорка, – считает Лера.

Если говорить о научной деятельности, наша гостя ни в коем случае не считает нашу республику провинцией. На ее взгляд, у нас масса талантливых ученых, уникальных проектов и замечательных идей.

– Тут дело даже не в патриотизме, это взгляд изнутри – говорю то, что вижу. Просто знаю, что люди работают и получают при этом отличные результаты. Сейчас финансирование научной деятельности кардинально изменилось, и это, безусловно, пошло на пользу изысканиям отечественных ученых, – объясняет гостя нашей редакции.

По словам Леры Искаковой, авторское свидетельство, которое выдавалось в СССР, не давало таких преимуществ, как современный патент. Свидетельство, разумеется, принадлежало автору, но, по закону, он получал лишь 2% от использования своего изобретения. Патент – более серьезный документ, охраняющий авторские права изобретателя. Он дает право за-

ключить лицензионный договор между патентообладателем и тем, кто хочет приобрести права на объект интеллектуальной собственности. Так принято во всем мире.

– Самый дорогой товар – это лицензия на использование изобретения полезных моделей промышленных образцов, – уверяет Лера Исакова.

В юности Леру увлекала сцена, она участвовала в художественной самодельности, играла в спектаклях. В «Снежной королеве», например, исполнила роль Герды.

– Мы выступали в нальчикском Дворце пионеров, и нас даже записывали на радио, – вспоминает наша гостья.

Однако, несмотря на любовь к искусству, девушку всегда интересовали точные науки. Посоветовавшись с папой, она поступила на инженерно-технический факультет КБГУ. Окончив университет, работала в Транспортном управлении, несколько лет преподавала в Кооперативно-строительном техникуме, после чего пришла в научно-исследовательский сектор КБГУ. Проработав какое-то время в университете, Лера Исакова была направлена на учебу в Москву. Она – одна из немногих в республике, окончивших Московский институт патентоведения.

– Учиться было очень тяжело, – вспоминает Лера. – Я всегда мечтала стать студенткой столичного вуза, но никогда не думала, что может быть так сложно. Программа в институте была крайне жесткая – за полгода мы сдали две сессии по пять экзаменов и буквально в течение месяца написали и защитили дипломную работу.

Вернувшись на родину, наша гостья стала сотрудницей патентного отдела, но потом грянула перестройка. Изобретательство стало никому не нужным, и Лера ушла на преподавательскую работу в колледж информационных технологий и экономики КБГУ. Проработала там более 10 лет, после чего ее снова пригласили в патентный отдел.

С профессиональной точки зрения минувший год сложился для нее удачно.

– Последние несколько лет вообще все было прекрасно, поступала масса заявок на изобретения... Вообще я очень люблю свою работу и не считаю ее рутинной. К нам приходит человек с результатом научной деятельности, и мы должны рассмотреть патентоспособность, или, иначе говоря, охранноспособность. Продумать, как это изобретение можно защищать и стоит ли его защищать вообще. Мы просто обязаны подойти к этому процессу творчески. Кроме того, наша работа требует массы самых разнообразных знаний.

Что касается личной жизни, минувший год для нашей гостьи тоже прошел неплохо. У нее двое детей, и у каждого своя семья. Супруг Леры по образованию металлург. Сейчас он профессор сельхозакадемии. Старшая дочь работает ведущим бухгалтером в крупной организации. Сын с десяти лет занимается футболом. Окончив школу, он получил два высших образования, но любовь к спорту оказалась сильнее. В декабре прошлого года Мурат приехал с дипломом Высшей школы тренеров в Москве. Сейчас его приняли в тренерский штаб московского «Локомотива».

– Для нашей семьи это самое главное событие прошлого года, – улыбается наша гостья. – Пользуясь случаем, хотелось бы пожелать всем жителям Кабардино-Балкарии мира, добра, процветания и большого человеческого счастья.

Мухамед КОКОЕВ,
доктор технических наук,
советник РА АСЫ, профессор КБГУ

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Статья посвящена отмечаемому недавно 250-летию со дня рождения Августина Бетанкура, выдающегося деятеля, внесшего неоценимый вклад в экономическое, техническое и культурное развитие России.

Прекрасный климат Северной Италии и живописные виды Ломбардии помогли работе древнеримского ученого Плиния Старшего. Он заканчивал многотомное сочинение «Естественной истории» – своеобразной энциклопедии естественнонаучных знаний античности. В первом веке с получением достоверной информации было трудно, поэтому иногда ученый включал в свои сочинения не совсем проверенные сведения. Например, Плиний был введен в заблуждение по поводу того, что на одном из островов в Атлантическом океане, недалеко от берегов Западной Африки, водились большие собаки. По латыни *канис* – собака, поэтому острова стали называться Канарскими. Сейчас это знают все туристы, побывавшие на островах. И кто бы мог подумать, что эти далекие тропические острова будут иметь какое-то отношение к истории России.

Дело в том, что на одном из Канарских островов, издавна принадлежащих Испании, в 1758 г. родился Аугуст (Августин) де Бетанкур, который своим инженерным, архитектурным и административным талантом внес неоценимый вклад в развитие России первой половины XIX века.

В 1781 г. Бетанкур окончил Королевскую академию изящных искусств Сан-Фернандо в Мадриде. Его большое дарование и талант инженера и изобретателя проявились уже в студенческие годы. Например, в те времена все ткани были натуральными и производились преимущественно из льна, хлопка и шерсти. Большинство тканей, особенно для простого люда, были довольно грубы.

Это видно по мундирам из грубой шерсти для солдат и младших офицеров XVIII века в экспозициях многих исторических музеев. А шелк предназначался людям богатым и потому занимал особое положение. Технология шелковых тканей была необычайно сложна и трудоемка. Достаточно отметить, что при размотке одного кокона гусеницы шелкопряда получают шелковую нить длиной более 1 200 м. Именно сложность способа производства, содержащего много, как бы сейчас сказали, «ноу-хау», наряду с исключительно жестоким наказанием за попытку его воровства, долго препятствовала возможности заимствования европейцами данной

технологии. Натуральный шелк и сейчас стоит недешево, но в те времена он был поистине драгоценен. Бетанкуру удалось настолько значительно усовершенствовать технологию производства шелковых тканей, что в Испании до сих пор в работах по шелку упоминается имя А. Бетанкура.

В 1798 г. Бетанкур руководил строительством технического чуда конца XVIII века – первого в Испании оптического телеграфа между Мадридом и крупным испанским портом Кадисом. Линия оптического телеграфа длиной около 700 км состояла из цепочки башен, находящихся друг от друга на расстоянии прямой видимости. Оптический телеграф передавал условные сигналы путем смены положения горизонтальных и вертикальных реек. Наблюдатель на башне визуально принимал сигнал и тут же передавал его дальше. В ясную погоду передача кратких сообщений происходила с немыслимой в то время скоростью. Например, на самой длинной в Европе российской линии связи от Москвы до Варшавы (1 200 км) сигнал передавался за 15 минут. Только в тридцатые годы XIX века электрический телеграф постепенно заменил оптический. После этой успешной работы в 1800 г. Бетанкур стал генерал-инспектором созданного им Корпуса путей сообщений, а также всех дорог и мостов Испании.

В 1808 г. Августин Бетанкур был приглашен на службу русским правительством при императоре Александре I и зачислен в армию в чине генерал-майора. Через 8 лет он возглавил Комитет по делам строений и гидравлических работ в Петербурге, а немного позже стал главным директором путей сообщения России.

За 16 лет служения России Бетанкур сделал очень многое. Провел кардинальное переоборудование Тульского оружейного завода с установкой там паровых машин, созданных по его проекту. Успешной модернизации тульских оружейных заводов способствовало то обстоятельство, что еще до приезда в Россию Бетанкур изучал паровые машины и новые технологии обработки металлов в странах Западной Европы. Вслед за этим он построил в Казани новое литейное производство для пушек. Это было как нельзя кстати – вскоре войска Наполеона I вторглись в Россию, началась Отечественная война 1812 г.

В любой стране каждое крупное усовершенствование в производстве оружия, в данном случае – пушек, намного повышало военное могущество государства. Наиболее известный факт такого рода – победа в конце XVI века флота Великобритании над так называемой «Непобедимой армией» – испанским флотом во время англо-испанской войны. При этом военные историки упоминают, что во время битвы в приливе Ла-Манш у англичан суммарное количество пушек на кораблях было 6 500, а у испанцев только 2 400 (вообще-то трудно представить, как в XVI веке могли произвести такое огромное количество пушек почти при полном отсутствии механизации). А получилось так потому, что англичане за несколько лет до этого первыми разработали и освоили технологию производства пушек литьем из относительно дешевого чугуна, в то время как испанцы по старинке отливали пушки из дорогой и очень дефицитной бронзы.

Августин Бетанкур всячески способствовал улучшениям в системе внутреннего судоходства России. До появления железных дорог судоходство в России играло исключительно важную экономическую роль. Бетанкур руководил углублением порта в Кронштадте и сооружением канала между Ижорским заводом и Петербургом с применением изобретенной им же паровой землечерпательной машины. Подобная техника для каналов Петербурга, самой Невы и других равнинных рек России, где скорость воды большую часть года мала и русло быстро забивалось илом, была очень важна.

По планам Бетанкура были сооружены здания Экспедиции заготовления государственных бумаг в Петербурге (ныне это известная фабрика Гознак), где им лично придумана большая часть производственных машин для выпуска ассигнаций, акций и других ценных бумаг. Многие новые технологии в российской полиграфии начали свой путь на Петербургском Гознаке. Важность этого события нельзя в полной мере оценить без обращения к истории. Незадолго до этого между Францией и Россией был подписан Тильзитский мир 1807 г., который привел к континентальной блокаде Великобритании. По этому договору в торговой блокаде Англии вынуждена была участвовать и Россия, которая в первой половине XIX века, как и сейчас, поставляла на мировой рынок в основном сырье, но перечень сырьевых товаров во многом отличался от современного. Это были лес, пенька, лен, воск, меха, поташ, соль, железо, свинец и медь. Вынужденное сокращение экспорта вызвало падение государственных доходов. Не имея денег, казна вынуждена была выпустить большую массу ассигнований. Рост эмиссии ассигнаций, особенно в связи с ростом расходов на военные цели и на поддержание дворянского землевладения, привел к дальнейшему обеспечению бумажных и медных денег. Дело дошло до того, что на окраинах Российской Империи местное население скупало медные монеты для переплавки и изготовления из медного сплава посуды.

Теперь понятно, почему ввод в строй Экспедиции заготовления государственных бумаг был очень кстати.

Практически все россияне знают здание московского Манежа. Инженерная часть проекта и архитектурное решение Манежа в стиле классицизма принадлежат Бетанкуру. К архитектурной отделке здания приложил свой талант архитектор О. И. Бове. Сооружение манежа перекрыто оригинальными деревянными фермами с очень большим пролетом – 45 м. Все, кто хоть сколько-нибудь знаком со строительной механикой, отдадут должное инженерному таланту Бетанкура. Такие перекрытия без промежуточных опор даже в наше время редки.

Очень жаль, но выдающийся памятник инженерного и архитектурного искусства не сберегли – не так давно московский Манеж сгорел. И хотя уже построен новый Манеж, но это уже не подлинник Поджог не доказан, но мотив для этого был – кому-то очень хотелось захватить участок земли в самом центре Москвы.

Мы обязаны Бетанкуру, его вкладу в распространение инженерного образования в России. По его инициативе в 1810 г. был учрежден в Петербурге Институт Корпуса инженеров путей сообщения (сейчас – Петербургский государственный университет путей сообщения), которым выдающийся инженер руководил до конца своей жизни. Потребность в выпускниках для проектирования, строительства и эксплуатации всех видов путей сообщения была настолько велика, что уже в советское время, в 1929–1932 гг., на базе факультетов этого института были созданы четыре самостоятельных транспортных ВУЗа:

- Ленинградский институт инженеров водного транспорта;
- Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота;
- Ленинградский автодорожный институт;
- Военно-транспортная академия.

Институт, основанный Бетанкуром, известен также тем, что в нем работало много ученых, получивших мировое признание. Например, математик Михаил Остроградский, который известен не только своими работами в области математического анализа, матфизики, небесной механики и др., но также и тем, что успевал преподавать одновременно в пяти ВУЗах Петербурга, в том числе в Морском кадетском корпусе, Главном инженерном и Главном артиллерийском училищах. Также не менее знаменитый профессор Бенуа Клапейрон, позже ставший членом Парижской АН. В России его знают многие поколения студентов по уравнению о теплоте фазового перехода. Профессор Павел Мельников, известный первыми научными трудами в России по теории и практике строительства и эксплуатации железных дорог, член Петербургской АН. Впоследствии Мельников был министром путей сообщения России. Воспитал большое число высококвалифицированных инженеров, на свои средства построил у станции Любань школу и интернат для детей железнодорожников, а также дом для престарелых. Все личные сбережения завещал на содержание этих учреждений. В сквере у станции Любань в Ленинградской области установлен бюст Павла Мельникова.

Людмила АБАЗОВА

Национально-ориентированный подход к обучению иностранных студентов

В последнее время, в связи с интенсификацией межкультурных контактов, с интеграцией личности в общеевропейском образовательном пространстве, внимание большинства исследователей сосредоточено на проблемах коммуникации представителей разных культур.

В сфере образования при работе с иностранными студентами, когда смешение народов, языков и культур достигло невиданного размаха, проблема национальной идентичности и межкультурной коммуникации наблюдается весьма отчетливо и остро. Равно как и проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждение интереса и уважения к ним.

Количество иностранных студентов, желающих получить образование в российских вузах, в том числе и в КБГУ, увеличивается с каждым годом.

Университетские иностранцы представляют более 20 стран, в их составе граждане Турции, Сирии, Иордании, Йемена, Палестины, Ирака, Израиля, Южной Кореи, США, Великобритании, Голландии, Финляндии, Румынии, ближнего зарубежья.

Различное религиозное мировоззрение, культурное воспитание, разные системы образования и различный уровень подготовки, разные возрастные диапазоны, – все это обуславливает чрезвычайную гетерогенность аудитории. Необходимость учета в работе с иностранными студентами разных регионов их национально-психологических особенностей не вызывает сомнения.

В русле национально-ориентированного и социокультурного подхода к обучению иностранных студентов постараемся представить и проанализировать особенности иностранного контингента, выявить возможные проблемы и способы их преодоления в учебной сфере деятельности.

Среди контингента иностранных студентов, обучающихся в КБГУ, количество турецких студентов динамично увеличивается.

В своем поведении студенты из Турции обходительны, осторожны. В быту проявляют независимый и прагматичный характер. Внешне спокойные и несуетливые, им с трудом удается сдерживать себя, если появляется причина для гнева или недовольства.

Студенты из Турции предпочитают коммуникативный тип овладения русским языком, предусматривающий обучение речевой деятельности в процессе общения, когда формируются коммуникативные навыки и умения чтения, письма, говорения и слушания.

На занятиях студенты активно задают вопросы, чтобы получить нужную им информацию, при этом воспринимают и обрабатывают ее, опираясь, прежде всего, на слуховой (аудирование) и речевой (говорение) каналы. В учебной деятельности тяготеют к устному изложению материала.

Благодаря фонетическому строю турецкого языка речевой аппарат студентов достаточно легко адаптируется к особенностям русских звуков. Особое внимание преподавателю следует уделять правильной постановке ударения в словах русского языка. Фиксированное на последнем (редко на предпоследнем) слоге ударение в турецком приводит к «фиксации» разноместного русского ударения (новый – ударением на «ы»).

Но вот особенности грамматического строя турецкого языка порождает определенные трудности в изучении русского языка. Поэтому при обучении студентов из Турции преподавателям приходится обращать пристальное внимание на развитие внутреннего контроля, умения самостоятельно исправлять ошибки в речи.

Для развития навыков письма полезно практиковать диктанты, помогающие проверить, как студенты запомнили написание слов и фраз; различные типы изложений, сочинения на заданную и вольную темы. Поскольку письменные самостоятельные работы, письменный контроль дается студентам сложнее, необходимо сочетать письменные виды самостоятельных работ, контроля и диагностики с устными формами речи, в которых они преуспевают.

Этот контингент студентов достаточно быстро осваивается в языковой и социально-бытовой среде. Однако высокая учебная мотивация в период учебы на начальном этапе обучения, поддерживаемая витальными проблемами жизнеобеспечения в КБР, постепенно снижается.

На продвинутом этапе обучения это приводит к значительному ослаблению интенсивности участия студентов в учебном процессе, их познавательной активности, интереса к изучаемым предметам, к получению образования вообще в пользу трудоустройства в КБР.

Поэтому преподавателям уместно проводить пропедевтическую коррекцию методической практики и технологии обучения для поддержания и развития имеющихся и формирования новых мотивов и целей обучения у студентов из Турции.

Большинство иностранных учащихся КБГУ представляют студенты из арабских стран. Многолетний опыт, накопленный за двадцатилетнюю историю обучения иностранных граждан в КБГУ показывает, что отличие характеров йеменцев и, например, иракцев, или палестинцев и, например, ливанцев так велико, что рассуждать о национально-психологических особенностях студентов из этого региона можно очень условно. Осме-

лимся предположить, что различия внутри арабской аудитории в общей культуре и способностях к обучению можно объяснить социальным статусом каждой страны, историческим прошлым и традициями. При этом допустимо говорить лишь об общих чертах, характерных для абсолютного большинства студентов арабского региона.

Сразу оговоримся: определенная часть этого контингента (как и студентов из Турции) представлена нашими соотечественниками, потомками местных народов, волею исторических судеб оказавшихся в Сирии, Иордании и Турции в период Кавказской войны (следует отметить, что в этих странах под понятием «черкесы» подразумеваются не только адыги, но и чеченцы, дагестанцы и все другие эмигранты из северокавказских республик).

Если судить по учебной деятельности студенты из арабских стран имеют сильно развитое абстрактное мышление, благодаря чему легко «схватывают» новый материал, быстро реагируют на языковую и другую учебную информацию, но не любят систематической работы и не имеют навыков самостоятельной деятельности.

Благодаря коммуникативности, разговорчивости, активности, необычайному жизнелюбию, они легко входят в интернациональный коллектив, создавая обстановку непринужденности, легкости в общении.

В групповой деятельности проявляют себя как индивидуалисты, практичные, самоуверенные, честолюбивые и конкурентные. Отмечена очень болезненная реакция на «заниженную» (по их мнению) оценку результатов их труда.

Несоответствие высокой самооценки и реальных успехов в учебном процессе может порождать бурю негативных эмоций.

В действиях же преподавателя, не сумевшего оценить их по достоинству, студенты из арабского региона зачастую усматривают элементы дискриминации.

Быстрая адаптация к новой социокультурной среде не «страхует» арабских студентов от нежелательных поступков, а излишняя эмоциональность, импульсивность и несдержанность в проявлении чувств и эмоций иногда приводит к конфликтам.

Опыт работы показывает, что представители арабского региона требуют на первых порах регулярного контроля со стороны преподавателей, особенно при выполнении систематической, «рутинной» работы, выработки у этих студентов навыков самостоятельной деятельности.

При работе с этим контингентом учащихся преподавателям необходимо избегать демократизма в общении, особенно на начальном этапе обучения. Студенты арабского региона не отличаются усидчивостью, умением спланировать свой рабочий день. Только последовательная требовательность, доброжелательная твердость характера преподавателя, его настойчивая и объективная строгость к каждому студенту без негативного давления на учащихся дает в учебе позитивные результаты.

Американцы, обучающиеся на подготовительном отделении для

иностранных учащихся, отличаются вежливостью и обходительностью. В студенческой многонациональной среде они демонстрируют высокую степень коммуникативности, шумную общительность.

Жизнерадостность, свободолобие, неистребимый оптимизм, воля к победе в любой ситуации («Keep smiling!», «Don't worry! Be happy!») – вот та черта американского коммуникативного поведения, которая официально одобрена и внедряется ими всеми средствами, в том числе и языковыми.

Ее мы имеем возможность наблюдать в режиме реального времени. Она проявляется в учебном процессе при изучении русского языка, в адаптации к новым жизненным условиям, в отношениях со студентами из других стран.

Американские студенты отдают предпочтение нетрадиционным методам обучения, развивающим инициативу и творческое мышление, интерактивным формам проведения занятий, с удовольствием принимают участие в дискуссиях, диспутах, в ходе которых при обсуждении проблемных вопросов, свободно и заинтересованно высказывают свое мнение.

Коммуникативный демократизм американских студентов, быстрота перехода на открытую дружелюбность в поведении не мешают, а, напротив, лишь способствуют серьезному отношению к учебному процессу. В учебной деятельности американские студенты, проявляя внутреннюю собранность и деловитость, подают пример пунктуальности и дисциплинированности.

Хотя и существуют некоторые общие во всем мире правила поведения, все-таки каждая страна имеет свою специфику. С трудом можно представить, чтобы преподаватель посреди лекции уселся на стол и так продолжал бы наставлять студентов в арабских странах, Турции или в российских вузах. А вот в Америке, по словам наших американских студентов, – это вполне нормальное явление.

В отличие от такой свободы и демократичности, поведение представителей стран Азиатско-Тихоокеанского региона в значительной степени ритуализировано, власть традиций слишком велика и сильна.

Частью конфуцианского наследия является традиционная трудовая этика. Конфуцианство всегда высоко ценило напряженный систематический труд, самодисциплину и способность к работе в коллективе, прививало привычку к организованному упорному труду.

Ярко выраженный коллективизм у корейцев, обучающихся в КБГУ, проявляется во всем и везде. По мнению корейцев, один студент ничто. В то время как американцы больше ценят индивидуума и считают индивидуальные права и индивидуальное развитие самым лучшим в обществе, корейцы полагают, что важнее групповая деятельность при четком распределении обязанностей.

Одна из корейских психофизиологических особенностей – это сильная степень автоматизации при выполнении повторяющихся заданий, хорошо развитые способности к имитационным действиям, но вместе с тем – «неприученность» выполнять творческие задания.

Наибольшие проблемы в корейской аудитории вызывает аудирование. Это связано и с различиями звукового строя, и с наличием собственного алфавита, соответствующего фонетической системе, и с некоторыми экстралингвистическими факторами. Преподавание иностранных языков в Южной Корее зачастую направлено на чтение и перевод, на компьютерные методики и в значительно меньшей степени на активные виды речевой деятельности.

Поэтому при богатом (но пассивном) запасе лексики, при хорошем (но теоретическом) освоении грамматики корейцы с большим трудом осваиваются в русской аудитории, «не слышат» собеседника, медленно подбирают нужные слова, хотя грамотно пишут, быстро читают и понимают сложные тексты.

Корейские студенты предпочитают строгого и требовательного преподавателя, считают недопустимым идти на конфликт с ним, ратуют за категорическое соблюдение дистанции между студентами и преподавателями.

Во время проведения занятий необходимо опираться на этнокультурные особенности корейцев. Конфуцианский принцип самообразования актуален в Южной Корее и в настоящее время, поэтому необходимо поощрять самостоятельную работу на уроке, подбирать материал, отвечающий интеллектуальным, эстетическим и личностным интересам студентов. В силу традиционного воспитания и образования студенты не готовы участвовать в диалогизированных формах обучения, у них отсутствует мотивация вступления в диалог. Необходимо создание коммуникативных ситуаций, способных стимулировать речевое высказывание и содействующих использованию языкового материала в новых ситуациях межкультурной коммуникации; предъявлять задачи, требующие высказывания собственного мнения, выражения своего отношения к проблеме.

Преподаватели обязаны владеть национально-ориентированными характеристиками контингента студентов, обладать знаниями об особенностях поведения и менталитете их представителей.

Планируя стратегию общения со студентами, преподаватель продумывает не только содержание занятия, но и его взаимодействие с аудиторией таким образом, чтобы все обучаемые испытывали чувство удовлетворения от совместной деятельности и овладевали русским языком в естественном для них когнитивном стиле в процессе учебного сотрудничества.

Преподаватель, работающий в гетерогенной аудитории, должен с терпимостью и уважением относиться ко всем студентам, использовать различные, наиболее эффективные в каждом конкретном случае методы и формы преподавания.

Современный образ жизни зачастую предполагает постоянное общение с компьютером. Спасти глаза от переутомления и других проблем помогут советы врача и комплекс специальных упражнений

Зрение человека мало приспособлено к постоянной работе с компьютерным изображением, нагрузка на глаза, «прикованные» к монитору, значительно возрастает. Как результат – снижается острота зрения, возникает жжение в глазах – кажется, что в них насыпали песок.

Какая гимнастика для глаз поможет тем, кто работает с компьютером?

Рекомендуется, по крайней мере, каждые два часа во время перерыва делать комплекс простых упражнений:

– Быстро потрите ладони одна о другую, пока они не станут теплыми. Поставьте согнутые в локте руки на стол и закройте глаза нагретыми ладонями. Можно немного надавить на глазное яблоко. Оставайтесь неподвижными в течение одной минуты, старайтесь глубоко дышать, расслабьте мышцы лица. Затем медленно откройте глаза. В первые несколько секунд зрение может быть нечетким – не беспокойтесь, это абсолютно нормально.

– Сядьте на стул, выпрямите спину. Глазами рисуйте большой круг: сначала по часовой стрелке, а потом против часовой. Выполняйте упражнение около двух минут.

– В том же положении, сидя на стуле, зажмурьтесь как можно сильнее на 10 секунд. Повторите 5 раз. Затем поморгайте 1–2 раза в секунду в течение минуты.

– Вытяните руки так, чтобы указательный палец левой руки оказался в 15 см от носа, а указательный палец правой – еще на 15 см дальше. Посмотрите поочередно на каждый из пальцев. Затем найдите еще одну точку в комнате (например, горшок с цветком) и перемещайте взгляд между тремя объектами (палец–палец–цветок). Продолжительность: 1–2 минуты.

Все эти упражнения можно делать в любом месте, займут они не более пяти минут.

Что еще поможет надолго сохранить здоровье глаз?

Хорошему зрению способствует диета, богатая фруктами и овощами. Особенно полезны морковь, апельсины, перец. Можно порекомендовать принимать витамины С и Е, микроэлементы цинка, селена и меди. И, разумеется, нужно регулярно посещать офтальмолога для диагностики.

Зима

Ближе к холодам все чаще хочется укутаться пледом, в одной руке держа шоколадку, а в другой бутерброд с колбасой, но когда ты весной помотришь в зеркало, то обнаружишь сонную физиономию, целлюлит и лишние четыре кило... Чтобы этого не произошло, откажись от булок и пирожных и налегай на свеклу, картофель и цитрусовые. Полезных веществ в них – море! Кроме того, не забывай о физических нагрузках. Катайся на коньках, сноуборде и лыжах. Благодаря этому активизируется сердечная деятельность, ускоряется обмен веществ и лишние килограммы тают, как сосульки весной. Не хочешь заниматься спортом? Запишись на танцы, много гуляй и веселись от души!

Пришла пора позаботиться не только о сохранении фигуры, но и о поддержании иммунитета

Зима – лишний повод задуматься не только о сохранении идеальной формы, но и о дополнительной подпитке своего организма жизненно важными витаминами и микроэлементами. Сбалансированное питание должно не просто обеспечивать тебя энергией, но и своевременно снабжать веществами, необходимыми для обновления тканей, здоровья волос, ногтей, регуляции обмена веществ.

Включай в свой рацион как можно больше овощей и фруктов. Кладовые природы – неисчерпаемый источник молодости и красоты. Удивительные свойства всего натурального, впитавшего силу солнца и энергию земли, помогают поддерживать организм в здоровом состоянии, быть в хорошем настроении и в тонусе.

В номере:

<i>Зейтун Толгуров.</i> Рассыпавшиеся бусы. <i>Рассказ</i>	3
К юбилею Владимира Ворокова. <i>Стихи</i>	18
К юбилею Ахмата Созаева. <i>Очерки. Стихи</i>	24
<i>Алим Балкаров.</i> Путешествие в поисках испанской любви. <i>Главы из повести</i>	37
<i>Хизир Тахтамышев.</i> <i>Стихи. Четверостишия</i>	64
<i>Батыр ас Аланский.</i> Алим и Нюржан. <i>Главы из романа</i>	69
<i>Залина Шамахова.</i> Мадонна. <i>Рассказ</i>	95
<i>Ануар Кучинаев.</i> Поэма скорби.	108
<i>Владимир Козлов.</i> Роковая женщина. <i>Рассказ</i>	115
<i>Диана Шулумба.</i> В поисках гармонии. <i>Рассказ</i>	124
<i>Ада Алахвердянц.</i> <i>Стихи</i>	126
<i>Сакинат Абаева.</i> На охоте. <i>Рассказ</i>	129
<i>Исуф Гукетлов.</i> Во имя справедливости. <i>Стихи</i>	135
<i>Раиса Дьякова.</i> <i>Стихи</i>	137
<i>Роза Урусова.</i> <i>Стихи</i>	139
<i>Светлана Бочкарева.</i> <i>Стихи</i>	141
Памятные даты. Берт Гуртуев. <i>Очерк</i>	145
Кадыр Шокуев. Поэт благородной души – Бетал Куашев. <i>Очерк</i>	150
Людмила Загайтокова. Джульбер. <i>Очерк</i>	153
Марита Карданова. За нами Москва. <i>Статья</i>	155
Альбек Абазов. О драме Б. Утижева «Князь Кучук Жанхотоков». <i>Статья</i>	157
Али Сафар. Хорошо забытые литературные течения. <i>Статья</i>	161
Зита Шигалугова. Диалог поэта с миром. Женская тема в лирике К. Кулиева 1960-х гг. <i>Статьи</i>	166
Заслуженный успех. <i>Очерк</i>	173
Фатима Тазова. Образовательный оазис для взрослых и детей. <i>Статья</i>	174
Эдуард Битиров. Лера Исакова: Нанотехнологии кардинально изменят нашу жизнь. <i>Очерк</i>	177
Мухамед Кокоев. Страницы экономической истории России. <i>Статья</i>	180
Людмила Абазова. Национально-ориентированный подход к обучению иностран- ных студентов. <i>Статья</i>	184
Красота. Здоровье. Жизнь	190

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
«Кубанское управление Россвязьохранкультуры»
ПИ № ФС 14-0743 от 20.08.07 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.01.11. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2000 экз. Заказ № 23. Свободная цена

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано на ООО «Тетраграф».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона), а также – при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
